

КС(ЧУВ)

ПЗО Константин ПЕТРОВ

К-32119

ГОЛУБАЯ ЗВЕЗДА

Роман
о космонавте
Андряне Николаеве

к-032119

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

М т. 3 50 1990 г.т. 5000

Ликует Москва.

Посвящаю космонавту-3
Андрею Григорьевичу Николаеву.
С глубокой благодарностью, ува-
жением и искренней любовью.

Автор

11 августа 1962 года. Этот снимок обошел
первые страницы многих газет мира.

КС(48) П30
Константин ПЕТРОВ

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
БЕСПЛАТНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

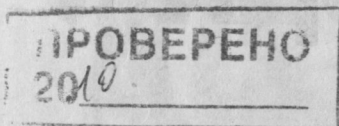
ГОЛУБАЯ ЗВЕЗДА

Роман
о космонавте
Андрияне Николаеве

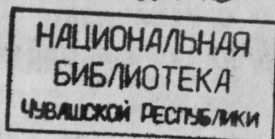
Чебоксары
Чувашское книжное издательство
1999

ББК Чув 7-4
П 30

Перевод
с чувашского *Владимира Долгова*

К-32119

Петров К. К.

П 30 Голубая звезда: Роман / Пер. с чувашского В. В. Долгов. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1999. — 240 с.

Чувашский паренек Андриян, выросший в глубинке, еще в детстве, вглядываясь в небо, страстно мечтал о полетах к звездам. Учился прилежно, с волнением и жадностью читал научно-фантастические романы Жюль Верна, Константина Циолковского. Потом стал космонавтом. Преодолев земное притяжение, дважды вырывался он в космос.

В книге подробно обрисован жизненный путь летчика-космонавта Андрияна Николаева, показаны его мужество и героизм.

ББК Чув 7-4

П $\frac{4702710201 - 32}{136 (03) - 99}$ 75 — 99

ISBN 5-7670-1050-1

ОКДП 2211201

© Чувашское книжное издательство, 1999

ПАРЕНЬ ИЗ СЕЛА ЧУВАШСКОГО

Все случилось неожиданно: весь земной шар облетело историческое сообщение ТАСС: «11 августа 1962 года в 11 часов 30 минут по московскому времени в Советском Союзе на орбиту спутника Земли выведен космический корабль «Восток-3». Корабль пилотируется гражданином Советского Союза летчиком-космонавтом, майором Николаевым Андрияном Григорьевичем». Передали и биографию космонавта-3: «Родился в 1929 году, окончил лесотехнический техникум, работал мастером по заготовке леса, в армии был летчиком... По национальности чуваш...»

— Чуваш? — удивились многие жители Земли в разных странах. — Разве есть на свете такая нация? Чуваши... Видимо, есть и народ чувашский?..

Искали в различных справочниках, энциклопедиях. Но толком тогда ничего не узнали.

Позже все больше и больше стало появляться литературы о Чувашии. Зачастили экскурсанты в родную деревню космонавта — Шоршелы и Чебоксары. Здесь побывали люди почти со всех концов света.

Однажды я стоял рядом с «черными» африканцами, «белыми» англичанами, французами, поляками и с большим интересом слушал рассказ экскурсовода — симпатичной молодой женщины-чувашки, — одетой в красивый костюм с национальной вышивкой. С любовью, большой гордостью говорила она о своем народе. Ее прелестный бархатный голос ласкал мой слух, проникая в душу. Я слушал и других рассказчиков, встречался со сказочниками, фольклористами. Копался в архивах. Возможно, для читателя будет немного утомительно, но я позволю себе именно в самом начале поместить не совсем систематизированный, но в какой-то степени обобщенный материал о чувашском народе.

...Предки чувашского народа прошли в Среднем Поволжье длительный исторический путь, восходящий из глубин веков, находились в составе Волжской Болгарии, где государственным языком был чувашский язык, где своеобразно развивалась литература и где, по тогдашним изменениям, была богатая, высокая культура. Затем в несчастливом тринадцатом веке древние чуваша были разорены монголо-татарскими завоевателями, вынуждены были оставить насиженные степи Закамья и переселиться в лесные дебри Правобережья Волги. В эпоху монголо-татарского ига враги разрушили чувашские города и деревни, физически уничтожили не то что половину, а может, и более трех четвертей населения булгаро-чувашей. Однако народ сумел самосохраниться.

Сложна и многотрудна была судьба чувашского народа на его долгом историческом пути, переплеталась она с судьбами как соседствующих, так и с географически далеко отдаленных от него народов. Но сберег чувашский народ свою национальную память, отразилась она в «ста тысячах слов», в «ста тысячах песен», в «ста тысячах волшебных вышивок».

Чуваш всегда был и пахарем, и воином, удивительно живучий, свято хранил он свой национальный дух. В горе, в несчастье, или когда лил слезы, в годы, казалось бы, глухой безысходности, он всегда был мастером, не сидел без работы, считая самым тяжким на свете грехом лень и праздность. «Промышлял в лесу он лыком, к очагу родному шел, с вдохновением великим делал зыбку, лапти плел», — писал о нем народный поэт Чувашии Яков Ухсай. И, удивительное дело, сжимая в натруженных пальцах кочедык, горячо глядел он по временам в небо, на серебряные звезды, на зарю, льющую пламень, на лес, дышащий вдали, на задымленное поле. В душе своей был он и мечтателем, который не мог не замечать распускающейся перед ним красоты жизни.

Прошедший сквозь тяжкие испытания, огненные валы нашествий, восстаний, революций и войн, сберегший свой неповторимый лик, душу свою и чистоту сердца, свято верящий в дружбу с другими народами и взамен ей получающий в дар от них такие же дружеские чувства, заслужил чувашский народ и свою удивительную, во многом неповторимую судьбу и историю.

Наш родной край, республика Чувашия — малое пятнышко на бескрайних просторах удивительной и великой России. Прильнула она к высокому берегу красавицы-Волги. Народный поэт Чувашии Педер Хузангай в одном из своих стихотворений сравнивал очертания республики на карте с резным дубовым листком.

Я же вижу в ее контурах широкую дружелюбную ладонь, протянутую для рукопожатия.

С ладонью сравню хлебопашца
На карте мою Чувашию.
С ладонью рабочего схожа
На карте Чувашия тоже.

Развивы оврагов средь поля —
Как будто морщины ладоней.
Холмы разметались седые —
Мозоли ее трудовые.
Крови капиллярные всплески —
Здесь рек многострунные песни...
Несут они белую пену,
И Волга — как главная вена!*

Находится республика в области сочленения лесной и лесостепной природных зон. Поэтому — несмотря на свои небольшие размеры — ей свойственно довольно значительное разнообразие естественных условий: север занят типичным лесом, юго-запад и юго-восток — степями...

С севера Чувашская Республика граничит со своей марийской сестрой, к востоку лежат земли братского Татарстана. С юга окаймляет Чувашию извилистая граница с Ульяновской областью, а на западе, за быструей Сурой, расположена Нижегородская область. С юга на север территория республики вытянута на 190 километров и с запада на восток простирается она приблизительно на 160 километров. Самый узкий «поясок» на ней — всего-то 80 километров.

Площадь республики невелика — чуть более восемнадцати тысяч квадратных километров (всего-то 0,7 части России). Изрезана Чувашия многочисленными оврагами, реками, которых здесь свыше 2300, общей протяженностью около девяти тысяч километров.

В республике дружной семьей живут многие народы, из них более миллиона — чуваша, еще около миллиона расселились по всей России и в других краях.

...Помимо земли, особо поклонялся чуваш издревле водам, большим и малым, потому, возможно, сложилась в народе пословица: «Земля — казна, вода — золото», ибо несла она урожай на поля. Может поэтому почитал чуваш ветлу, липу, деревья, которые удерживали влагу в его земле. И, конечно же, дуб-батюшку. Испокон веков, сытари самым древним дубам приносили его предки дары и жертвы, ветви их украшались. Славилась Чувашия священными деревьями — дубами. По-чувашски называли их «чүк юманё». «Наш отец — вековой дуб», — поется в старинной народной песне. Вспоминаются здесь стихи народного поэта Чувашии Якова Ухсая: «Дуб — батюшка. Я — желудь твой». Не потому ли крепким чувашским паренькам давали имя Юман (в переводе — дубок)?

...Гласит чувашская народная пословица: «Нет будущего у народа, который забывает свое прошлое». Слова этой древней мудрой фразы обращены к истории возникновения любого народа. В том числе к будущему и чувашского народа.

Всегда злободневно звучат и высоко оценивают историю, осуждают

* Стихи В. Долгова.

ханжество слова великого Пушкина: «Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим».

Чуваши всегда интересовались своей историей, прошлым, своими древними корнями...

Чувашский фольклор, который, как и иные виды национального творчества, — чудесная вышивка, роспись на гончарных изделиях — существовал с незапамятных времен, отражал народное мировоззрение и миропонимание, всеобщую гармонию и целостность. Обогащая и украшая бедную жизнь, фольклор от глубокой древности неотступно и своеобразно сопутствовал самой истории чувашского народа...

Философски и зримо предстают в самых ранних фольклорных легендах, свойственные им мифологические мотивы. Скажем, в таких, как «Легенды об Улып», «Мост Азамата», в которых можно проследить формирование самой психологии доброго, трудолюбивого, честного и отзывчивого чувашского народа. Легенды эти удивительным образом перекликаются с исторической правдой о появлении на Волге и Каме чувашского народа, о становлении его как народа-земледельца.

...По рассказам стариков, на нынешнюю чувашскую землю послал с гор бог-громовержец Аслати Улып-Великана, чтобы творить добро. Улып был огромного роста и обладал невиданной силой. Ему ничего не стоило перешагнуть большую реку, высокие сосны были ему только по пояс.

Однажды увидел Улып в предгорных долинах неисчислимые стада, их пасли маленькие, по его понятиям, люди. Скот давал им пищу и одежду. К несчастью, Улып забыл наказ своего Бога-Отца: отобрал у людей скот, разорил бедные жилища, силой взял в жены самую красивую девушку. Она родила ему двух сыновей — тоже великанов. Но когда умерла жена, погоревал-погоревал Улып и отправился искать себе новую жену в родных горах.

Долго не возвращался Улып. Обеспокоенные сыновья отправились в горы и нашли отца прикованным к скале. В наказание за то, что ослушался он Бога и вместо добра сеял зло. Повелел Улып сыновьям идти на север к междуречью большой реки и поселиться на той земле. И произнес на прощанье такие пророческие слова: «Пусть ваши потомки почитают ее во веки веков, пусть посеют на ней хорошие семена...»

Сыновья со своими стадами ушли. Преодолевая на пути множество напастей, отбиваясь от злых сил, они пришли к большой реке, впадающей в море, назвали эту реку Адыл — Волга и по ее берегам пошли дальше. Здесь пришлось им защищаться от горных, степных и лесных людей. И вот, наконец, пришли богатыри на место, где в могучий Адыл вливается другая большая река. Принесли они грозному Богу жертву, обратились к нему с молитвой: «От всего сердца приносим Тебе эту жертву и просим сделать так, чтобы наше племя росло и крепло. Сохрани нас, о великий Аслати, от всех зол и бед, от врагов и недругов, от злых духов, от мора, от огня, от холода. Пусть наши стада плодятся... Пусть наши же

желания сбываются. Помыслы наши чисты, и мы надеемся, верим, ждем, что так будет!»

Младший сын Улыпа поселился в междуречье, старший занял правый берег Адыла до того места, где впадает в него прозрачная Сура.

Однажды старший сын охотился в присурских лесах и увидел поле, сплошь покрытое колосьями. Он спросил у людей, которые работали там, кто они и что это за дело, которым они занимаются.

— Мы — русские, убираем созревший хлеб, — ответили они.

С тех пор сыновья Улыпа начали корчевать непроходимые леса, засевать пустоши рожью.

Повествует миф-легенда, что когда во время пашни в лапти набивалось много земли, снимал их пахарь-великан и вытряхивал. На этих местах образовались большие ли, малые ли холмы, которые чувашский народ и поныне называет холмами Улыпа, а древний свой край — Землей Улыпов. И по сей день старательные его предки самозабвенно трудятся на Богом данной им земле, разводят скот, растят детей... Почитают природу, творят добро для других людей. Во все века! И только иногда, когда наступит минута отдыха, смотрит великий труженик-чуваш в бездонное небо, которое мерцает звездами над головой каждого. По красоте тосковала его душа, стремился постичь и достичь он небесные глубины. Таким вот — тоже тружеником и мечтателем — родился и вырос в деревеньке Шоршелы (что по-чувашски означает «Светлые ключи») космонавт-3, дважды Герой Советского Союза Андриян Николаев.

И другая красивая легенда бытует в чувашском народе. В ней рассказывается, что когда Улып спустился с гор Арамации (по-видимому, Кавказских предгорий), прогневавшиеся боги пытались уничтожить его стада. Помог ему спасти их его друг, сосед, и тоже богатырь, кузнец Азамат. За семь дней и ночей сковал он сверкающий семью цветами мост от гор Арамации до берегов Волги-Адыла. И Улып перегнал по нему свои стада. Такой семицветный мост можно видеть только в ясную погоду после дождя. Вот почему чуваша радугу называют в честь Азамата — друга Улыпа — Мостом Азамата. Ее многоцветьем любовался в детстве и юности и наш Андриян Николаев, выросший недалеко от Волги-Адыла. Она, радуга, тоже звала его в небо...

Вот еще одна легенда. Однажды младший Улып лицом вверх лег прямо на небо, как на полог, и мечтательно смотрел на Млечный Путь (по-чувашски «Дорога Белых Лебедей»). Старшие братья подбросили его вместе с небом ввысь, и полетел наш Улып-Младший прямо к звездам...

* * *

Есть, наверное, какая-то закономерность, символическая предопределенность в том, что родила Андрияна Николаева, будущего чувашского Улыпа, мать в поле, под сол-

нцем и бездонным небом; в том, что мать-земля дважды приняла его в свои добрые объятия, когда он — уже космонавт — приземлился тоже в поле...

...Ласковое солнышко, выглянув из-за сиреневой, словно серебром окованной тучки, сразу же заметило рождение нового человека и нежными лучами своими осветило крохотное его тельце. Тихий ветерок поцеловал младенца в сморщенное от солнечного света личико; и, словно в подарок, уронил на обессиленную грудь матери желтый березовый листок.

Прибежал взволнованный, едва дождавшийся, но, как это часто бывает, опоздавший к такому великому событию муж Григорий. К этой минуте Анна уже сноровисто пеленала ребенка в свой шубыр*. Онемевший от радости свершившегося, отнес он жену к телеге, бережно положил на нее обмякшее и тяжелое ее тело, рядом — легкое, как перышко, тельце ребенка. И тут только вернулась к нему речь: — Сын, сын, сын... — повторял он просветленно.

Рожь и пшеница были давно убраны. К первому дню месяца — дню Андрея Стратилата-тепняка овес поспел, просо припело. Оттого-то так торопилась с уборкой крестьянка Анна, хотя и понимала, что скоро должен родиться у нее ребенок. А у Григория забота была иная — на соседнем поле зябь он поднимал: ведь сентябрь — чуть ли не самый важный для пахаря месяц года, но пришлось отставить до времени это дело: были дела и поважнее. Одно из них — уложить просяные снопы с незаконченного загона в копну: а ну — случится мокрая пора. Потом торопливо сложил он на телеге всю припасенную на долгий трудовой день нехитрую снедь, что хранилась в тени под телегой. И с какой-то даже торжественностью преподнес своей Анне кусок хлеба с солью: верили чуваша, что заключена в хлебе и соли, соединенных воедино, магическая сила. А потом, кто посмеет сказать, что есть лучше аромат, чем запах свежего хлеба. И комковат он, и ноздреват, и мягок, и ломок, но всех яств на свете милей.

Управившись со всеми приготовлениями, наконец, отправились они к деревне. Под боком лошади-матери, пофыркивая, перебирая копытцами, бежал рыжий жеребенок с белой звездой на лбу. Он бежал рядом с ней, будто работу какую важную выполнял: то строго и сосредоточенно шел с ней нога в ногу, то радостно пытался прижаться к ней — понежиться.

* Ш у б ы р — верхняя летняя одежда женщины из белого полотна.

Небо над головой было по-особому ясным и голубым, с едва заметными прожилками белых облаков. А солнце улыбалось с него приветливо и счастливо, над просторным полем плыли шелковистые нити осенней стеклянной паутины, цеплялись они за упругую стерню, в которой гомонили сытые осенние кузнечики, вспархивая иногда над уцелевшими среди нее васильками.

...Умная лошадь шагала по пыльному проселку смиренно, медленно, копыто — к копыту, строго косилась на своего жеребенка, мол, не слишком заигрывайся; изредка поворачивала она голову к телеге, зыркала фиолетовым оком, как, дескать, там хозяйский человечек.

Григорий осматривался окрест. Вон, бродят по зяби грачи — самые первые перелетные птицы, которые уже начали собираться в стаи. Но чаще всего глаза его устремлялись ввысь, и вспоминались ему мимолетно сказанные слова деда: «Вот в эдаком просторном ясном небушке зоркому глазу сквозь синь небесную сестры-звезды видны, — говорил он внукам. — Гляньте-ка, гляньте-ка! Вон — голубая звезда!» А еще, заходя чувствуя, предугадывая любую погоду, говорил и так: «Если журавли летят высоко, не спеша и «разговаривают» — будет стоять хорошая осень».

Над ними летела «говорливая» стая птиц: может, весть о радостном событии в простой крестьянской семье во все края разносила? Какая нынче осень добрая и славная! Солнечная, золотая, голубая и урожайная. Счастливая!

Впереди забрезжило родное село Шоршелы, приютившееся в долине-низине на правом берегу тихого и светлого Цивилия, одного из сынков матушки Волги. Окаймлено село молоденькими дубками с листьями резными; ветлами — время перекрутило их рябые стволы. Калина горит среди них яркой ягодой. Огненными гроздьями полыхает рябина, говорят старики: коль много ее — сырой будет осень. Но не так ныне...

Умелыми плотниками поставленные избы, хоть и потемнели от времени, но крепко стоят среди свежерубленых новоселов вдоль прямых улиц. Иные из них изукрашены чудесной резьбой. Но подвода остановилась перед приземистой обветшалой избенкой в два окошечка. Григорий бережно понес жену с крохотным сыночком в «красный» угол, под иконою положил драгоценную свою ношу на кровать.

«Это надо же, — искренне удивлялся и радовался он, — дни рождения жены и сына совпали в одном сроке».

Потом он, словно опомнился, быстрехонько спустился

в погребец, принес пива, и опять удивленное предчувствие охватило его: такое совпадение бывает, ох, как редко, и только у счастливцев!

Сельчанам Григорий виделся в ту пору среднерослым, худощавым, но крепкожильным мужчиной эдак чуть за тридцать. С лицом чуть скуластым и, как у любого пахаря, обветренным. От него веяло черноземом, и весь пропитан он был соками земли и природы. Широко открытые черные его глаза всегда смотрели внимательно. И одет был он, как многие однодеревенцы, в фабричную рубаху, шаровары, как тогдашний крестьянин, «щеголял» в лаптях. Одно было отличие заметное: хромал Григорий на правую ногу.

Анна — под стать ему — была тоже среднего роста в платье из домотканного ситца и переднике с мелкими оборками. На удлинённом лице ее светились лучистые глаза.

Когда Григорий внес новорожденного, со щелястой своей лавки выбрался из сеней старый-престарый отец его Мигулай. Цепляясь за толстые бревна стены, с трудом потащился в избу. Ласковые морщины разлились по его лицу при взгляде на сноху и внука.

— Моего давно покойного отца, стало быть, деда вашего, Эндрияном звали, — многозначительно промолвил он. — Надо бы дать моему внуку это имя!

В каждой его морщинке светилась радость — старый Мигулай давно мечтал дожить до рождения седьмого внука! Вот и дожил!

— Пусть растёт он крылатым, как птица в сильной и дружной стае, — сказал Григорий. — Землю пусть любит. Небо. Пусть, как прадед, увидит свою далекую голубую звезду в светлом небушке.

— Правда, правда, сын мой, — заметил Мигулай, — там, в светлом небушке, есть голубая звезда Эндрияна.

Новорожденному, как и наказывал Мигулай, семейно решили дать имя Андриян. А фамилией его стала родовая фамилия Николаев, исходящая от имени дедушки Мигулая-Николая.

«Бог подарил Анне еще одну птичку», — разнеслась благостная весть по деревне. Долетела она и до «девичьей» ее подружки, Варвары, вышедшей замуж на дальнюю сторону.

— Золото? Аль серебро? — с любопытством поинтересовалась она, примчавшись к давней товарке.

Такой вопрос всем чувашам понятен: если рождается мальчик, о нем иносказательно говорят они — «золото», если девочка — «серебро».

— Тысяча рублей золотом! — известными каждому чувашу словами радостно ответила Анна (если бы родилась девочка, то принято было ответить так: «Сто рублей серебром»).

На скобленный стол выставили каравай хлеба, водрузили круглый чигыт*. Варвара, знающая все обряды при любом знаменательном событии (счастливом или печальном), лепетала заговор.

Конечно же, не обошлось без «пивного» застолья, на которое явилось полдеревни.

Потом новорожденного торжественно понесли в церковь. Крестной матерью стала Варвара, крестным отцом — ее брат Иван Васильевич.

...Недолго барахтался Андриян в лубяной люльке. Минуло несколько месяцев, и он уже сидел в ней. Крошечными, но крепенькими ручонками научился держаться он за край своей колыбели, тянулся ими к заветной и желанной материнской груди. И не по дням, а по часам рос Андриян... Ему не исполнилось еще и годика, а он уже начал ходить, начал осваивать и понимать окружающий мир и так ясно, и так проникновенно выговаривать самые простые и святые слова: «Ма-ма... Па-па...»

...Николаевы одними из первых вступили в колхоз. Надежного в крестьянстве Григория сразу же приставили к паре лошадей и единственной в новом хозяйстве сеялке. Анна, как истинная жена крестьянина, пошла в поле вместе с мужем. И вот на засеянном ими поле бурно взошли яровые и весело пошли в рост. Удался артельный урожай на славу. Животноводческая ферма, куда перешла работать затем Анна, тоже стала отличаться своими успехами. Все это очень настораживало, раздражало и злило имущих шоршельцев-единоличников. Вскоре был зверски убит председатель колхоза Петр Ведюков. Свидетелю этой расправы и пытавшемуся было встать на защиту своего верного друга Григорию крепко повредили и изранили правую ногу. Сельчане предложили ему встать на место погибшего товарища. Но понимая, что он «калеченный», Григорий отказался.

* * *

...Немного времени осталось Андрияну до учебы в школе. Но ожидал он еще одного праздника в своей жизни: отец обещал накануне поехать со всей семьей в Чебоксары

* Чигыт — чувашский сыр.

на праздник авиации. И не давала покоя Андрияну мысль: неужели доведется увидеть ему полет сказочных аэропланов!

Наконец пришел тот долгожданный день! Просторной телегой «управлял» сам Григорий, на грядах расположились дети — Иван, Андриян, Зина и Петя. Анна сидела на противоположной от них стороне.

Андриян пристально смотрел на восток, где бледнели на утреннем небе звезды. Не торопясь, заздравно и зазывно зажигалась заря, но сквозь небесную синь еще светили звезды-сестры... И вот над тем местом, где должно было взойти солнце, поднялся золотой сноп лучей: начало расти на глазах из-за края земли солнце. Когда оно уже радостно сияло на небосклоне, Николаевы добрались до Чебоксар — чувашской столицы.

А праздник авиации уже начался! Народу на обширнейшем поле как на ярмарке, и даже карусель есть. Туго гремели барабаны, звенели медные литавры. В небесной сини гудели красnozвездные, в большинстве фанерные — по тем временам — самолеты.

...На празднике оказался и сын бывшего председателя колхоза Петра Ведюкова, учитель Василий Петрович. Андриян стал приставать к нему, то и дело спрашивая:

— Дядя Васyleй, да как же они могут летать так высоко?

— Знаешь, Андриян, — увлекся вдруг учитель. — Скоро мы будем сами делать крылатые аппараты. Нет, не самолеты, конечно. Планеры. Начнется учебный год — сразу же приходи в наш планерный кружок... А сейчас начнется главный парад! — воскликнул он. — Смотри и наблюдай внимательно!

И правда, над аэродромом заскользили среди облаков сразу несколько самолетов. Потом они взмыли ввысь, затем — неожиданно — резко пошли к земле. Вслед за этим снова устремились в небо, поодиночке переворачиваясь и кувыряясь в воздухе, звеньями уходили в город, возвращались. Выполнили они, как потом объяснили Андрияну, «фигуры высшего пилотажа», от которых у него дух захватывало: он впервые ощутил такое небывалое возбужденное состояние.

В те времена принято было так называемое «самолетное катание»: любой желающий мог сесть рядом с пилотом, ощутить радость полета, увидеть с небес знакомую и... незнакомую землю.

— Папа, мама, давайте и мы попросимся!..

Однако родители не решились на такой «подвиг». «Это

же так страшно и опасно», — рассуждали они, далеко не отлучавшиеся из деревни от привычного домашнего очага.

На «самолетном» празднике испытал Андриян такое чувство, будто бы у него за плечами... растут крылья. Он сильно завидовал летчикам. По его тогдашнему разумению, это были не простые люди, а люди, обладающие особым даром.

...Вдруг мальчик увидел: у высоченного тонкого столба собралась толпа гомонящего люда. На самой его верхотуре, на ветру колыхалась вышитая рубаха — приз. Несколько ребят и парней уже безуспешно пытались до нее добраться, но никто из них и половины жерди не достиг — все соскальзывали обратно к земле: так она была отполирована.

Бегом помчался к толпе Андриян. Бесстрашно начал карабкаться по гладкому столбу. Уже до половины его долез. Цепкими руками обхватил его, сам себе ногами подсобляя. А народ подбадривал и вдохновлял смелого и ловкого мальчика.

«Ай, ай! Как трудно! Как трудно достичь победы! Смогу ли?» — мелькнуло предательское сомнение в голове Андрияна, и потому-то, наверно, как раз в это мгновение он чуть не соскользнул вниз.

— Ах, ах! — причитала мать перед всем народом. — Что ты надумал, сынок!

Но вот из последних сил подтянулся Андриян и достиг, наконец, вершины. Уцепившись за конец жерди, не спеша снял он узорчатую рубаху и внизу восторженно закричали: «Ур-ра! Ур-ра!»

Когда Андриян осторожно сполз на землю, его подхватили на руки, начали качать и подбрасывать к небу.

— Какой он бойкий, этот крепыш!

— Чей он и откуда?

— Из Шоршел, — гордо отвечали его односельчане.

Когда завершился праздник, Григорий повел свою радостную ребятню к телеге. В честном труде заработанную сыном рубаху мать аккуратно завернула и положила себе на колени.

— В этой красивой рубахе в школу пойдешь, сынок, — промолвила она, ласково погладив его по голове.

— Это старинным узором вышита рубаха! — со знанием дела громко сказал Григорий, чтобы все слышали. — На грудной ее стороне шесть разноцветных вышивок. Сзади — четыре — цветные же вышивки — разгадывать надо.

— Папа, пап, что они означают?

— Начнешь ходить в школу — все узнаешь, — Григорий

взял рубаху, расправил ее на ярком солнечном свету. — Красные, желтые, зеленые нити напомнят тебе цвета радуги. — Потом он, вдруг вспомнив, как обиделся сын за то, что его не посадили на самолет, решил взбодрить его за свою промашку. — А вот эти линии, может, укажут тебе путь в синее небо, к голубой звезде. Может, станешь ты летчиком. Если сердце позовет...

— Будешь учиться в школе, начнешь понимать письмена-узоры на рубашке, сам поймешь, какую выбрать в жизни дорогу, — просто и одновременно по-народному мудро сказала мать. — Авось долетишь и до Дороги Лебедей — Млечного Пути...

В эту ночь возбужденный Андриян и не сомкнул глаз. Вышел во двор, поднялся на вершину сарая, до самого рассвета любовался звездным небом. Мечтал под огромным небесным куполом, полным тихих сияющих звезд.

* * *

Через неделю прозвенел первый школьный звонок в жизни Андрияна.

— Здравствуйте, — робко, с волнением приветствовала ребятешек молодая учительница. — Я буду вашей учительницей. Зовут меня Мария Ивановна...

Начала она свой разговор с ребятами с самого, казалось бы, простого, но так всем им необходимого: как вести себя в школе, как нужно сидеть за партой. Как аккуратно писать в тетрадях, как беречь книги. И еще о многом, многом другом...

Вторым школьным часом был урок пения. Мария Ивановна познакомила первоклашек с учителем Василием Ведюковым.

— Сейчас, ребята, все вместе будем петь, а ваш учитель будет играть нам на скрипке, — сказала учительница.

И зазвучала чудесная и чарующая мелодия народной чувашской песни. Чистым грудным нежным голосом запела Мария Ивановна. И ребята, вначале нестройно, а потом в лад, подхватили знакомую с детства песню. Песню о ласточке, которая целый день летает в поисках насекомых для своих птенцов. «Словно о моих родителях эта песня, — почти по-взрослому подумал Андриян. — Они тоже целый день в трудах и заботах, чтобы нам, детям, было, ну пусть не так сытно, но и не голодно...»

А потом они завели другую старинную чувашскую песню. Искренние и трепетные голоса ребятешек заполонили

даже коридор школы, проникли в соседний класс. Своим звучанием они до глубины сердца взволновали и учителя Матвея Архипова. Не выдержав, он на мгновение заглянул в смежную комнату: Василий Ведюков и Мария Ивановна, Маша... стояли совсем рядышком и пели, проникновенно глядя в глаза друг друга. «Знала бы она, как я ее люблю, — глубоко вздохнул он. — А Маша? Ей по сердцу этот совсем невидный Василий. Но что тут поделаешь?»

Вместе с Василием и Марией учился Матвей в одном и том же педагогическом училище. Там-то и влюбился он, на свое несчастье, в Машу. «Но что-то ведь можно сделать, чтобы отбить ее у Васьки, — вдруг закипели злые мысли в его голове. — Может, жалобу, донос какой на него написать?»

Конечно же, не сделает никогда такого Матвей, не способен он на такое. Просто затмила его разум безысходная любовь...

А Мария Ивановна, оглядывая своих питомцев (а их у нее теперь около тридцати), печально думала: «Ах, бедняжки, какие же они худенькие, бледненькие, как ростки весенних картофельных клубеньков. Даже лапти на ногах — не у каждого... А ведь скоро придут холода...»

День за днем Мария Ивановна учила детей уму-разуму, открывала перед их глазами новый мир, новую жизнь.

Незаметно пролетало время... Самозабвенно отдавала все свои знания, душу свою ребятишкам Мария Ивановна. Внимательный человек, верно, отметил бы, что сама совсем юная относилась она к ним, как родная мать, о любом переживая до слез...

И Василий Ведюков, человек такой же закваски, был из тех, кто считает: для учеников «учитель — что родитель». Потому он всегда приходил на помощь Марии Ивановне, если бывало ей совсем невмоготу. Это безумно раздражало Архипова, и сердце его кровоточило. «Все равно отберу, отобью я ее... Чего бы это мне ни стоило!» — зудела в его голове неотвязная мысль. От мысли такой совсем ошалел Матвей, даже... врукопашную схватился с бывшим другом. А закончилась их «дружеская» встреча, однако, победой Василия.

— Эх, Матвей, Матвей, — сокрушался чуть позже Василий, — какие же мы еще сами мальчишки. Но мы все же учителя и должны быть разумными: пусть нас рассудит сама Мария...

Этот случай глубоко возмутил Марию, еще больше стала любить она Василия. «Звучала» ее любовь почти в каждой

строчке ее «девичьего» дневника. Но и целые страницы его были посвящены ребятишкам. Наклонности, стремления, малейшие оттенки характера каждого из них стремилась она отразить в своих записях. «Вот, — писала она, — на третьей парте у окна сидит умный мальчуган Виталик Смирнов... Рядом — черноглазый, смуглый, чрезвычайно живой — Андриян Николаев. Сначала я отметила, уважать стала за почти не по возрасту равную дружбу его с Васей, потом — за его смелость, настойчивость, вдумчивость. Он многим похож на Василия, даже внешне...»

По прошествии времени так закончилась эта запись: «На второй год обучения все двадцать шесть ребят продолжили занятия в школе. Здорово подросли за лето они! И сообразительности у них стало больше, еще ярче проявились у них свои особенки. Как всякие крестьянские ребятишки, они не только в детские игры свои играли, но и работали почти наравне со взрослыми. Копались в огороде, помогали в уборке урожая, нянчились с младшими сестренками и братишками, любые домашние дела выполняли».

«...На очередном уроке ребята решали трудную задачу, — писала далее учительница. — Самый верный ответ и быстрее всех нашел Андриян. «Сначала — умножение, потом — деление, под конец — вычитание. Вот вам и ответ!» — коротко отчеканил он. Немногословный, умный ученик, он увлечен не только арифметикой, но и рисованием...»

...Вот уже третий год учительствует Мария Ивановна. Давно заметила она, что стали ребята гораздо смелее в ответах, дружнее между собой. А как выросли, вытянулись! Ведь в первом классе едва головы были видны за партами.

На один из уроков Мария Ивановна принесла портреты героев штурма Северного полюса. Сама, восторгаясь их подвигами, рассказывала она о Чкалове и других летчиках, удививших весь мир, подробно описала эпопею «Челюскина». События эти стали темой разговоров и споров ее учеников. А Мария Ивановна стремилась поддержать и еще больше воспламенить в детях любовь к романтике подвига. Тем более, что примеров для подражания в то время было очень много. Однако она всегда внушала ребятам такую важную мысль: всякий подвиг, любое настоящее дело — результат коллективных усилий, общего труда, как говорит чувашская пословица: «Одна пчела много меда не принесет».

Особое внимание Мария Ивановна уделяла книге... Умной книге, поучительной. На то и была она учительница!

С горящими пытливыми глазами читали и слушали ребя-

та рассказы чувашских писателей или переводы с русского. Да и русским языком неплохо научились владеть ученики Марии Ивановны, страстно почитавшей русскую культуру, так много давшей культуре родного ей чувашского народа.

Очень любил юный Андриян и уроки лучшего своего наставника Василия Ведюкова.

— Вот это — наша планета, — как-то проникновенно сказал он однажды, положив руку на глобус. — Она очень красивая, наша Земля!

Неожиданная мысль вдруг пришла в голову Андрияна: «На какой же высоте от ее поверхности летают аэропланы? Конечно же, не на такой, какой был я от земли, когда доставал рубашку с вершины столба».

И вот что постигли вскоре шоршелские ребята. Оказывается, есть «горизонт» — это такая даль, где земля как будто бы зримо «соединяется» с небом. Если взберешься на дерево или поднимешься на высокое место, то линия горизонта как бы уходит, уплывает еще дальше. «А если подняться на аэроплане? — подумал Андриян, — в какую же дальнюю даль он уплывет?»

Много всего каждодневно узнавали ребята. Образно говоря, горизонт их знаний всечасно расширялся. И в реальности своей могли они определить по солнцу — этому огромному огненному шару, дающему жизнь Земле, — любую из сторон света. Им стало известно, что вокруг Солнца, до которого от Земли миллионы километров, вращаются еще несколько планет. Что есть еще неизмеримое, неохватное пространство, называемое Вселенной, Космосом...

Но и землю, природу они тоже успешно постигали, ее горы, реки, леса, ручейки, тем более, что сельские ребята всегда ближе к природе, чем городские: они раньше видят, как встает солнце и как растут травы, распускаются цветы, слышат дыхание пахоты...

И вот опять наступили каникулы... Перед одним из последних уроков литературы, когда почти все ребята уже засели за парты, увидела Мария Ивановна такую тронувшую ее сердце картину. В коридоре застыли двое ее учеников: Андриян и плачущая девочка, которую тот из-за всех сил пытался успокоить. Наконец ему это удалось, и миленькое лицо девчушки просияло сквозь слезы.

— Спасибо тебе, Андрюша, — благодарно сказала она ему. — Защитил меня от злых мальчишек!

— Я никогда никому не дам тебя в обиду. Не позволю обижать. Слово даю!

Еще ярче засветились глаза девочки. Она благодарно по-

ложила свою маленькую ручонку на плечо одноклассника.

Этот небольшой эпизод захватил всю душу Марии. Она вспомнила свое детство. Были ли у нее такие защитники? Да, был один — соседский мальчик Виктор. Он тоже давал ей такое слово: «Никому не дам обидеть тебя!» Но это было давно. Так давно, что сейчас Мария Ивановна едва вспомнила об этом. Потому, может, что ныне все мысли у нее были о Васе Ведюкове.

Сегодня перед Марией Ивановной стоит большая задача — привлечь сердца ребят к бессмертной поэме «Нарспи», созданной классиком чувашской литературы Константином Ивановым. Накануне она поручила некоторым ребятам выучить понравившиеся им строки поэмы наизусть. С каким чувством и глубиной прочитал начало ее Андриян!

Наступила всем на радость

Благодатная весна.

Горячо лаская, солнце

Будит землю ото сна...

Потом звонким и проникновенным своим голоском читала бессмертные строчки и та девочка, которую защитил Андриян, и перед глазами ребят вырисовывалась живая картина: «Гомон птиц, радушный говор, ясный смех звенит вокруг, и весенние напевы вдаль летят, лаская слух...»

Страшно и трагично заканчивалась поэма: смертью Нарспи, потому что безысходна была ее любовь, ушедшая с гибелью Сетнера, светом ее жизни он был, поэтому и жизнь стала не нужна героине.

Мария Ивановна прочитала последние строчки поэмы: «Так судьба ее сложилась, так Нарспи средь мук и бед, жертвой став суровых нравов, умерла во цвете лет» и увидела вдруг слезы на глазах многих своих ребяташек.

В своем дневнике оставила учительница запись об огромнейшем, глубочайшем впечатлении, которое оставила поэма в их душах. За этой записью следовали такие слова: «Скоро уезжаю в родное село! Прошло три года после окончания педагогического училища и почти столько же, как я работаю в Шоршелах. Ах, как жалко оставлять своих любимых ребят! Так привыкла к ним! Так привыкла!...»

* * *

Андриян тоже завел дневник... По их записям и по воспоминаниям своим он когда-то напишет в книге своей такие строки: «Нас в семье росло четверо: старший брат Иван,

я, сестра Зина, моложе меня на три года, и самый младший из нас Петр.

Родители нас очень рано приучали к труду. Причем без особых принуждений. Мать у меня очень спокойная, добрая, я бы сказал, тихая. Она никогда нас не ругала, а если велела что делать, то это больше походило на просьбу, чем на требование. Отец был покруче. Не скрою, давал иногда и нахлобучку. Но тут же отходил и вроде оправдывался перед нами, малышами:

— Вы не обижайтесь на отца. Добра желаю. Не хочу, чтобы росли барчуками. — И показывал нам свои потрескавшиеся ладони. — Вот только такими руками можно вырастить хлеб.

...Хлеб, в понятии отца, был одним из священнейших плодов человеческого труда. И чтобы понять его цену, нужно уметь его выращивать. И еще он советовал любить землю. От нее, дескать, идет сила, жизнь человека.

...Летом мы почти не жили дома. Только изредка ночевали. С рассветом я уезжал с отцом в поле. Что он делал, за то и я брался. Ходил за плугом, бороной, сеялкой. Даже косил... Доводилось и возить снопы, скирдовать, молотить».

И так хорошо на эти воспоминания будущего космонавта ложатся строки стихов Владимира Фирсова, будто написанные о его детстве:

На стартовой черте ракетодрома,
Ступив на трап,
Впервые ты поймешь,
Как дороги тебе
Раскаты грома,
Снега гречих
И молодая рожь.
Ты вспомнишь
Теплых дождей капли
И мокрый луг,
Где ты косил с отцом,
И трап уже покажется не трапом,
А деревенским
Тесанным крыльцом.

И вот наступили очередные летние каникулы. В первое время Андриян каждый день ходил на ферму помогать маме. Потом поспели хлеба. Отец, как раньше, как обычно, брал его с собой в поле.

Часто даже на ночь оставался Андриян там. Разводил отец костер, подвешивал казанок, и так запахнет вкусной яшкой, что язык можно проглотить. Яшка — это вроде овощного супа: есть там и капуста, и картошка, и лук, и пшено,

и многое такое, что известно только искусным поварам. Отец Андрияна принадлежал к их числу. Прямо в поле приготовлял он то, что обычно стряпают дома.

После вкусного ужина ложились они на свежескошенную вику, и начинался разговор. Отец не умел сказки рассказывать, но помечтать любил. Лежал он, как и сын, лицом к небу, смотрел на стожары и загадывал:

— Небось одна и та же сила держит и звезды, и землю. Крутятся, вертятся они, а не падают.

— Какая это сила, папа? — допытывался Андриян.

— Кто ж его знает, Андрюха, какая, — вздыхал почему-то отец. — Может, и божеская, может, и другая...

Отец Андрияна не был верующим, но не считался и особым атеистом. Его сознание находилось на той грани, где неверие в сверхъестественные силы подменялось смутной догадкой-раздумьем: «Бога нет, а кто же вместо него?»

Потом отец тыкал прокуренным пальцем в луну и рассказывал:

— А вот там боги, конечно, не водятся. Там были люди. Такие, как мы с тобой. И так же, как мы, сеяли хлеб, убивали, молотили. Вот только там несчастье раз произошло. Вон видишь — два человека... Там и остались...

Андриян во все глаза смотрел на белую, будто в инее, луну, но никак не мог различить силуэты якобы увиденных отцом людей.

«Не знаю почему, но меня эти рассказы не пугали, — вспоминал много позже Андриян. — Просто разжигали любопытство. Поднималась порой из-за стогов красная, будто от натуги, луна. В еще не скошенные поля падали звезды. Узорчатым коромыслом над головой нависал Млечный Путь. И мысли уплывали туда — в неведомые миры, в недостижимые дали».

— Полететь бы туда, — вслух рассуждал мальчик Андриян, поднимая вверх свою маленькую ладонь. — Найти бы крылья... помочь бы им, тем людям... Эх! Найти бы крылья для полета!

— Найти бы крылья, говоришь? — улыбнулся в отблесках пламени костра еще не уснувший отец. — Про некоторых счастливых детей говорят, что они родились в рубашке. И ты, мой сыночек Андрюха, может, тоже родился с крыльями и под голубой звездой! Пусть и мысли, и думы твои будут крылатыми. Наверно, быть тебе летчиком...

Вставало утро 22 июня 1941 года. Зеленоглазое, яснолицее... Как сладко спалось на сеновале подростку Андрияну под разноголосое пение петухов над соломенными избами родной деревни, над родными полями и лугами, васильковым изобилием.

Пора вставать молодому труженику, пора на работу. Вдруг услышал он — горе обрушилось на страну: пришла война!

Остались в деревне лишь негодные для фронта старые сонные клячи. Лишь дети, женщины, старухи и старики...

С песней уходили решительные до битвы мужчины на фронт, но одна за другой полетели с фронта похоронки-осколки. Только из невеликого Шоршелского сельсовета не вернулось с кровавой жатвы 213 человек, из маленьких Шоршел — 64 человека... Их имена — навсегда в сердцах земляков.

Не взяли на службу Григория Николаевича, инвалида, а в последние годы и вовсе не мог он порой подняться с постели. А коль преодолевал иногда свою немощь, трудился из всех оставшихся сил в поле, на конюшне...

Теперь, уже по-настоящему, по-мужицки, втянулся в работу мальчишка еще, Андриян. Самостоятельно и косил, и молотил, и скирдовал. Вечерами бежал на ферму к матери и делал все, что было необходимо делать... Воистину, именно в те годы отчетливо понял, осознал он «и цену хлеба, и цену пота на спине» и успевал учиться...

Особенно трудным оказался 1944 год: именно тогда прихватила Поволжье жесточайшая засуха, спалившая все яровые и почти половину озимых хлебов. Именно в этот тяжелейший год Андриян, которого неудержимо влекла учеба, поступил вслед за братом Иваном в лесной техникум в тихом старинном городке Мариинский Посад, что в пятнадцати километрах от Шоршел. Почти каждые сутки отмеривали по два раза это расстояние братья.

Будучи уже известнейшим космонавтом, Андриян Григорьевич не раз вспоминал, как, прибежав домой в одиночку, собрав необходимые тетрадки и книжки, вышел он в сенцы в ожидании нехитрой обычной провизии на дорогу — трех печеных картофелин, а Анна Алексеевна обняла сына на прощанье, взглянула глазами, полными слез, и печально промолвила:

— Сынок, ничего тебе дать не могу...

...Два дня по непонятым пока причинам не видел Ан-

дриян брата в техникуме. Забеспокоился. В взвихренный снегами лютый декабрьский день, мучимый неясными предчувствиями, отправился он в бурную закрутку и на полпути встретил бледного, в распахнутом ватнике бежавшего навстречу Ивана.

— Отец умер, — слезно вымолвил тот.

До сих пор Андрияну Григорьевичу, давно пережившего по годам отца своего, отчетливо видится печальное, осунувшееся, какое-то виноватое лицо покойного отца и его большие заскорузлые крестьянские руки, застыло лежащие на груди, словно отдыхающие от многотрудной нелегкой жизни... Заметили сыновья и то, что их мать как-то сразу сдала, постарела, но и в себе перемену обнаружили: серьезнее стали они, трудолюбивее. Ответственнее — за дом, за мать, за свою учебу... Конечно же, как принято на деревне, чем могли, отрывая от себя, может, последние крохи, помогали им сельчане, соседи. Любили и уважали Николаевых в Шоршелах...

Любили и уважали Андрияна и в техникуме. Много лет спустя, вспоминая о своем ученике, преподаватель техникума Сергей Николаевич Трифонов рассказывал:

— Парень он был очень живой, физически развитый, любознательный. Товариществом отличался...

Приблизительно так же говорила и его бывший преподаватель по лесоводству Мария Петровна Софина:

— Да, он был бойкий, находчивый мальчик. Любил хорошую шутку, и это сохранилось в нем навсегда. В один из приездов в техникум — уже космонавт — поднимался он по лестнице в аудиторию, где когда-то держал госэкзамены, и весело сказал: «Вот уж ноги у меня дрожали, когда я туда направлялся...»

Голодно и холодно было студентам-ребятам, но не унывали они, — говорила преподаватель. — Учились и работали, ездили помогать колхозам копать картошку. Пели песню: «Здравствуй, милая картошка...» Каково же было Андрияну, которому мать не имела никакой возможности ничем помочь, если у меня — преподавателя — не было сапог. Помню, ходила к одному из наших педагогов, просила: «Дайте, пожалуйста, сапоги сходить на работу...»

А вот преподавателю русского языка, впоследствии писателю Прохору Конноновичу Емельянову, запомнилось, как он поставил Андрияну за диктант «тройку». Но зато потом, наверно, оценил его полеты на «пять с плюсом».

Интересно! Диктант тот начинался такими — пророческими! — словами: «Жаркий светлый день...» По совпадению, как раз таким оказался тот — августовский — на космодроме, когда серебристо-матовая ракета уносила его высоко в высь.

* * *

Настало время самых коротких — воробьиных — ночей, мерцающей в травах земляники, зеленого покоса...

Жаркое лето сорок пятого года... Тишина. Солнце отдает земле всю свою силу, каждому колоску, травинке, цветку.

Стройная девушка — черные густые косы на высокой груди — легко шагала по земле — нет, даже не шагала — легко отталкивалась каблучками от нее, вот-вот и взлетит, как птица в синеву неба. В карих задумчивых глазах девушки — молодой учительницы Марии Ивановны — затаилась тень печали и скорби. Она ждала его! Но не суждено ей дожидаться! На него, любимого, уж год как прилетела похоронка! Но не хочет чуткое ее сердце смириться с этой черной вестью: «Верю! Верую — вернется он, — с почти суеверной надеждой думала Мария, — мой Вася-василек! Не сегодня, так завтра!» — и взгляд ее невольно устремлялся в сиреневую даль, потом — в голубое небо, в котором летал на своем истребителе он, ее любимый.

— Нет-нет! — вдруг вслух убежденно сказала она, будто отгоняя от себя тяжкие мысли. — Вася жив! Жив!

Пожалуй, трудно назвать Машу красавицей, но было в ней особое обаяние, заключена была во всем ее облике какая-то неведомая тайна нравиться всем.

Уж который раз приходила Мария на станцию к прибытию поезда. Но... И все же верила она — дождется Васю, Васю Ведюкова...

Идет Мария, а перед глазами ее со всей отчетливостью встает такая картина: выскакивают из дощатых вагонов обветренные, обожженные войной, закаленные в ее пламени солдаты... Они возвратились домой. И среди них — дорогой ее сердцу Вася! Со словами, которых она так ждет: «Мария, милая моя! Звездочка моя!» И они горячо-горячо обнимаются. И на глазах у них выстраданные каждым слезы.

И вдруг пропало-исчезло отрадное это видение, самую желанную мечту ее прервал знакомый голос:

— Мария Ивановна, машина!

Маша стремительно обернулась и едва успела посторониться. Когда машина, грохоча порожним кузовом, пром-

чалась мимо, обдав ее горячей пылью, из пыли этой выплыла фигура Матвея Архипова.

— Откуда это ты? — спросил он с любопытством.

— Я? Да вот ходила в станционный магазин, — покраснев, ответила она. — Говорили, будто бы есть там цветные карандаши. Не оказалось...

Матвей откровенно рассматривал Марию. Что и говорить, все и всегда нравилось ему в этой девушке: и огромные глаза, и карминового цвета губы, и нежное лицо, и... Все — одним словом!

— Через неделю начинается учебный год. Вновь стану работать с первоклашками. Но нигде для них цветных карандашей нет...

Парень ждал, что еще скажет девушка, но не дождался. Мария Ивановна ни о чем не спросила у него. Она опять зашагала, погружившись в свои думы.

— А я вот в пединститут поступил, на заочное отделение! — с гордостью и легким хвастовством в голосе выпалил Матвей. — Ты, Мария, напрасно не согласилась со мной поехать. Ты бы тоже поступила. Ты же такая способная!

— Мне пока хватит и педучилища, — уклончиво ответила Маша, не глядя на парня.

— Не хватит, Мария, не хватит! Надо дальше учиться. Если бы мы учились вместе, как бы было хорошо. Ведь утраченных лет все равно не вернешь, — с каким-то намеком промолвил он.

— Позднее, может быть, и продолжу учебу. Но сейчас... Нет!

И Матвей отчетливо понял, что даже сейчас, после окончания войны, Маша еще сильнее печалится оттого, что ее Вася с нее не вернулся.

«Видно, они в самом деле сильно любили друг друга», — с завистью подумал он и, вздохнув, замолчал.

Мария внимательно оглядела давнего своего знакомого. Этого парня с русоватыми кудрявыми волосами, с горбинкой на носу и довольно привлекательным лицом. Ее глаза остановились на выцветшей гимнастерке Матвея со снятыми погонами. На ней — во всю грудь — ордена и медали. И вновь печальный взгляд ее устремился в сиреневую колеблющуюся даль. «Эх! — горестно подумала она. — Если бы вот сейчас шла я рядом с Васей!»

Желая скрыть от попутчика намернувшиеся на глаза слезы, Мария на шаг-другой опередила его.

Так шли они довольно долго. И молчали...

— Мария, — сказал, наконец, Матвей, когда прибли-

зились они к деревне. — Ты помнишь, конечно, что совсем недавно я говорил тебе самые сокровенные слова, которые всегда таились у меня в сердце? Но после них ты еще больше от меня отдалилась...

— Но ведь и раньше мы были далеки...

— Мне казалось, что до этого были ближе...

В деревню они входили уже на большом отдалении друг от друга. Матвей прекрасно понимал причину такого поведения девушки: она не хотела, чтобы люди видели их шагающими рядом. Обиженный, даже оскорбленный этим, от безысходности своей любви к Марии Матвей остановился под белокорой березой у моста через речонку Тельчу. Потом, подобрав с земли плоский камешек, в сердцах запустил его по поверхности воды, несколько раз взметнувшись над водой, он глухо канул на ее дно.

А Мария скорым шагом подошла к нарядной, обустроенной самыми необходимыми надворными постройками, своей избе. Рядом с ней приютилась неказистая, с ветхими сенями соседская избенка. «Да, бедновато живут они», — сочувственно подумала девушка.

На завалинке перед избенкой, с печалью на высохшем лице, сидел израненный на фронте почти ровесник Марии Виктор. Как говорится, кожа да кости остались от здорового когда-то парня. Маша, как могла, подбодрила его. Виктор с благодарностью принял ее участливые слова.

...Чуть старше был Виктор своей соседки, в детстве своим были они оба великие выдумщики, неразлучны в играх своих. Поступивший в школу на год раньше Маши, Виктор с мальчишеским жаром принялся «обучать» девочку первым школьным премудростям. Видимо, таилось в нем дарование учителя.

Мария чувствовала, что Виктору хочется повспоминать о прошлом, развеять свою печаль-тоску, но ведь — какая нена рока! — ей и самой сейчас было нерадостно, поэтому она поспешила за свою калитку.

«Какая все-таки несчастная семья! — с горечью подумала отзывчивая на чужую боль Мария. — Сам хозяин, глава ее, еще до войны от чахотки умер, два старших его сына с нее не вернулись. У Виктора осколок вражеской мины где-то под сердцем бродит». Признался как-то Виктор ей под откровенное настроение: еле-еле упросил он военных врачей не делать ему операцию: а вдруг не выдержит он ее и никогда не увидит своей деревни. Отпустили его домой. Нет, не жить, а умереть, чтобы быть похороненным на родном погосте.

Неодолимое желание вновь просмотреть все, что оставил ей на хранение перед уходом на фронт Василий, овладело Марией. Перебирая и пересчитывая его рукописи, письма, перелистывая памятные альбомы, нет-нет да и смахивала она с глаз непрошеные слезинки. А в голове ее рождались ставшие навязчиво-привычными мысли. Она вспомнила как увлекался Вася в педучилище математикой, химией. Особенно физикой! Даже кружок ее любителей организовал. Но главной его любовью было воздухоплавание... Почти каждый день, почти каждую свободную минуту пропадал Вася в городском аэроклубе. Мечтал стать летчиком...

Который раз пересчитывала вслух Маша слова Циолковского, записанные в Васином дневнике, — в них мечты и великого ученого, и милого ее друга-подвижника о космических полетах. В Васиных заметках — попытки не только осмыслить их, но и какие-то его собственные, может, и наивные, непрофессиональные выкладки, расчеты...

Порою Маше мистически грезилося, что вдруг — а вдруг и в самом деле?! — ее любимый улетел (по заданию)... в межпланетное пространство и вернется только через годы...

А дальше в дневнике своем Вася записал такие свои мысли: «Земля... Моя, Машина, всех живущих на ней планета. И мы должны любить ее как невесту, мать, родину. Приносить ей добро, беречь ее и лелеять... А на это в полной мере способен бескорыстный и сильный человек. Хозяин и попечитель Земли и всей Вселенной, к которой она принадлежит».

...А вот две фотографии Василия в форме летчика. На первой — он в фуражке, на второй — без нее. Какой у него высокий открытый лоб, какие смелые орлиные глаза.

А вот и его письма. «Моя голубая звезда, — обращался он к ней в одном из них. — Ты выделяешься среди других ярких звезд. И я среди других людей хотел бы выделиться своим чистым сердцем, которое любит только тебя».

Мария не смогла сдержаться. Слезы, словно радужные дождевики, капельками упали на письма, фотографии, дневники, рукописи...

Во время войны она не раз, не два пыталась попасть на фронт. Умоляла и упрашивала райвоенкома. Наконец ей решительно и твердо заявил: «Мария Ивановна! Вы — учитель, и пока больше пользы принесете, обучая детей. А это наше будущее. Если возникнет необходимость, мы не забудем о вашей пламенной просьбе...»

Минули первые дни и месяцы послевоенного лихолетья. Раны и последствия войны были видны и ощутимы повсюду. На Волге — чуть не до самого основания разрушенный Сталинград. Сотни — нет! — тысячи городов и деревень испепелены во временно оккупированных фашистами районах. А сколько погибло людей? Говорят, двадцать миллионов... А сколько их искалечено на всю оставшуюся жизнь?

Андрею скоро должно исполниться шестнадцать лет. И сегодня — почти через год после смерти отца — он со всеми сельчанами вышел в поле. Страда на деревне — трудовой праздник!

Который день над полями висели жара и сухометь, оттого, боятся сельчане, осыпаться начнет просо. Надо копать ночью и утром ранним — по росе.

Золотая полногрудая луна и серебряные звезды освещали звенящее косами поле, поле, в котором льется молодая, помогающая дружно и споро трудиться песня.

Где-то чуть за полночь сели отдыхать. Конечно же, не обошлось здесь без всяческих разговоров, вспоминались и всевозможные небылицы, древние чувашские легенды и сказания. Андрей уловил оброненную кем-то фразу: «Крылатый чувашский парень поднялся далеко в поднебесье и трое суток летал в межзвездье. Подружился с ними! На Луне побывал! Солнце подыскало ему невесту-красавицу Голубую звезду»... На грустные мысли навели парня эти слова: ведь почти то же рассказывал ему в его детстве мечтатель и работяга отец. Неужели уже почти год как его нет на крестьянской земле?

У косарей не бывает долгого отдыха. Тем более, что на далеком туманном горизонте — вначале робко — начинала уже заниматься заря, опускались на травы юные росы. Быстро выстроились парни и девушки в стройные ряды: «Коси, коса, пока роса...» И разлилась над полем звень, разлился звон травы стебляной под косой...

После «просяной» страды послали безотказного Андрея на станцию за солью. А от нее до Мурзино — рукой подать. Потому-то и решил он заехать к своей первой учительнице.

Мария Ивановна, через окно увидев подъехавшую под-

воду и своего любимого ученика, вышла его встречать на крыльцо.

— Андриян! Проходи, проходи же! — радостно улыбалась она. — Ух, как ты вырос. Настоящим видным парнем стал!

Но заметила внимательная учительница, что от слов таких застеснялся вдруг ее бывший ученик, скупко сообщая о деревенских — шоршелских — новостях.

Вдруг она вспомнила давний случай. Тот, когда Андриян защитил малышку в коридоре шоршелской школы. И она спросила:

— А где теперь та милая девочка?

Андриян задумчиво ответил:

— В техникуме учится.

— Вместе с тобой? — поинтересовалась Мария Ивановна.

— Нет. Я на лесовода учусь, она хочет стать педагогом. Говорит, буду такой же доброй учительницей, как наша Мария Ивановна.

Бывшая учительница рассмеялась. Потом с большим и одинаковым интересом начали они рассматривать «наследство» Василия Ведюкова.

— Эх, почитать бы оставленные им книги, — заикнулся Андриян.

— Пожалуйста, возьми, Андрюша. Обязательно почитай, — тут же отозвалась Мария Ивановна, и ее охватило такое чувство, что передает она дело Ведюкова в надежные руки, и поэтому представилось ей, что Василий возвращается к жизни. Пользуясь случаем, Андриян переписал иные рукописи, перерисовал схемы межпланетных летательных аппаратов.

Не утерпев, уже по дороге домой начал Андриян читать фантастический роман Жюль Верна «Из пушки на Луну», о котором раньше только слышал.

Первую часть романа удалось-таки прочитать Андрияну по пути домой, заканчивалась она озабоченными словами самого писателя-фантаста, в которых грезились ему надежда, что герои-путешественники в незнаемое «найдут способ выйти из своего трудного положения — они вернутся на Землю!» «Как?» — озаботила та же мысль впечатлительного парня. «Уф-ф! — облегченно выдохнул он, дочитав роман до конца. — Возвратились! Вагон-снаряд приводнился в волнах Тихого океана. Мужество и героизм людей победили все препятствия!»

Огромное наслаждение испытал Андриян после прочтения книги, и так хотелось ему еще раз поблагодарить за это

Марию Ивановну. Жаль, нет возможности выразить такую же сердечную признательность бывшему владельцу романа Василию Ведюкову... А вдруг, а может?... Почему бывшему? Ведь верит же так любящая его Мария Ивановна в его возвращение, вопреки всем в это неверующим. И вера ее захватила даже Андрияна. Он, сопереживая горю своей учительницы, сочувствовал ей, осознавая, что высокочеловечные качества эти, незаметно для него самого, выпестовала в нем, маленьком когда-то и несмышленном, она! Великое открытие сделал в эти минуты юноша Андриан: любому человеку в жизни необходим учитель, наставник, кумир... Чтобы из человека вырос Человек! Ему повезло: его настоящими учителями на первых ступенях жизни стали Мария Ивановна и Василий Ведюков.

* * *

После ухода Андрияна множество всевозможных домашних работ-хлопот одолела Мария. И это помимо того, что с самого утра усердно и самозабвенно помогала молотильщикам на колхозном гумне. Самая пора немного передохнуть. Но прежде этого машинально и неосознанно подошла она к гардеробному зеркалу. Начала разглядывать свое лицо. «Боже мой! — ахнула она. — Сколько новых морщинок появилось! Особенно у глаз — целая сеточка... Не от работы она! Говорят, старит не работа, а горькая забота и печаль... Конечно же, о судьбе Васи», — прошептала она.

Когда оранжевый закат окрасил в свои тона окрестности, когда пришла вечерняя сумереть, неожиданно заявись ее давняя подруга Плякка.

— Акам*, — заговорщически промолвила она, — айда прогуляемся. Ну, в Инзекас**, что ли, сходим.

Не было никакого настроения ныне у Марии ни на какие прогулки. Но разве устоишь перед настойчивой Пляккой? Тем более, что та соображала, что идти в одиночку как-то негоже: в деревне это и вовсе не принято.

Мария прекрасно понимала, что влечет ее подружку на дальнюю улицу. Надежда на встречу со «своим» понравившимся ей парнем. Не потому ли так нарядилась ныне она: платье самое выходное на ней — с кружевами, и белые туфли на высоких каблуках надела она. Даже волосы домашним способом подвила, слегка подрумянила щеки...

* Акам (чув.) — подруга.

** Инзекас (чув.) — буквально, дальняя улица.

Мария Ивановна, в отличие от подруги, оделась довольно скромно, почти как на школьный урок.

Никак не сбывались задумки Плякки, хоть и дважды или трижды медленно прошествовала она перед избой зазнобы-парня. Нет, не выглянул он из окошка, не вышел на крылечко... А у Марии случилась-таки встреча с Матвеем. Первой его увидела бойкая Плякка.

— Салам студенту института! — игриво приветствовала она его. — Скоро ты совсем перестанешь смотреть на нас.

— Этого никогда не будет! — поспешно ответил Матвей.

— Ну уж, — ответствовала Плякка, — кто уж на нас посмотрит, наряды у нас простые, что у меня, что у Марии... — И продолжала разговор в этом же тоне: лелея, видимо, в душе своей планы завладеть сердцем этого симпатичного и преуспевающего парня, решительно отвергаемого своей давней подругой.

По такому поведению и разговору Плякки не трудно было Марии догадаться о ее планах, и это Марию даже обрадовало, и она поспешила распрощаться со своими попутчиками.

* * *

Неотвязные унылые мысли будоражили между тем Матвея: «Почему в жизни так получается: ты любишь одну девушку, а она тебя избегает, чурается. И наоборот — нежеланная к тебе стремится».

Даже когда голова его коснулась подушки, вновь и вновь возвращались к нему подобные мысли, всплывало в памяти прошлое. Марию он заметил, когда учились они оба в Юрганской школе. Очень уж она ему как-то сразу понравилась: белолицая, большеглазая. «Глаза как у ночной птицы...» — подумал он. И в педучилище они учились тоже вместе, в одной группе.

Вспомнилось: сданы последние экзамены второго курса... Полыхал белым пламенем яблоневоый сад... Матвеем было тогда семнадцать лет, Марии — на годочек поменьше. Неотрывно, с немим восхищением смотрел он на нее...

— Матвей, почему у тебя сегодня так сияют глаза? — спросила Мария.

— Неужели так заметно? — не сразу отозвался он.

— Да я давно заметила, только спросить не решалась. Скажи: ведь сама-то я не догадаюсь...

— Начистоту? Я... влю... бил... ся...

И тут произошло неожиданное: Мария, Маша, Машенька сорвала самый-самый красивый цветок под белопенной

яблоней и протянула его Матвею. Парень даже гулкий стук сердца в эти секунды слышал...

— Как я за тебя рада! — счастливо улыбаясь, сказала Маша. — Ты стал взрослым парнем! — Извини, — с робким любопытством в голосе спросила она. — Скажи как другу, в какую из наших девчат?

— В те... бя! — бледнея, тихим шепотом ответил Матвей.

С нескрываемым удивлением посмотрела на него Мария. «Нет, нет, это все лишнее для моего сердца», — что-то вроде этих слов порывалась она произнести. Но ничего не сказала. Только еще раз внимательно и еще более удивленно посмотрела на парня. Потом резко поднялась, присоединилась к подругам. Вот тогда-то впервые почувствовал Матвей, что начала она избегать его и отдаляться все дальше и дальше...

Второй раз дружно и громко пропели лучшие певуны деревни — петухи. Так прошла эта бессонная ночь. В воспоминаниях о прошлом, о давнем вешнем дне, о самом-самом красивом цветке, подаренном ему Машей. На счастье! С другой!..

* * *

...Усталая от работы, утомленная событиями дня, Мария как легла, так мгновенно заснула. Но проснулась она раньше всех своих домашних. И не только потому, что ждали ее новые дневные дела и заботы — взбредило ее душу незабытое время, годы учебы в Ульяновском педучилище. Высокий косогор, берег Свияги зримо встали перед глазами. Учебное здание, общежитие. Большой двор, сад... В том весеннем саду подарила она цветок Матвею. Но в тех же краях юности ей самой подарил любовь Вася. И в ответ этой любви отдала она Васе свое девичье сердце. Случилось это в Петров день.

Объяснение их состоялось, когда Вася остановился у родственников в Инзекасах. Целый день провели они тогда рядом друг с другом. И на праздничной ярмарке, и в хороводе, и в родном ей Мурзине были вместе, и в просторных духмяных лугах...

Не ведали Мария и Василий, что непрерывно следовал и следил за ними Матвей, досадовал, горевал и ревновал... А они вообще никого вокруг не замечали, как-будто были одни на всем белом свете.

«А если здраво рассудить, — думала Мария, — разве Вася красивее Матвея? Нет! Матвей выглядит гораздо при-

влекательнее. У него большие глаза, русые кудрявые волосы. Смуглый Вася внешне невзрачен, и глаза у него узковаты, нос чуть даже приплюснут. Но душа...»

Только один разок и то через полгода с начала их дружбы робко поцеловал он Машу и смутился...

— Ох, как горит все лицо! — сдавленно вымолвила тогда она, откинув голову. Потом в неожиданном порыве чувств прильнула губами к его губам.

— Эх, Васyleй, как же я люблю тебя! — прошептала она перед расставаньем. И слезы связали ее.

...Родословное древо Матвея было таково. Отца крестили Сергеем, деда — Архипом. А прадед носил и вовсе языческое имя — Юндяркай. Впрочем, похоже оно было больше на кличку обидную и насмешливую, потому как был он безлошадником, а значит, чуть ли не самым беднейшим лапотником. Поэтому и сыну в наследство достались из живности только худая лядащая коза с двумя хилыми козлятами да клочковатая овца. Но Архип был мужиком, как говорится, не промах. Несмотря на бедность, кое-как прикупил к своему «стаду» клячу-лошаденку и даже корову. Но все равно семья бедовала: ведь имел он земельный надел меньше десятины, потому и посылал своих ребятишек в наем к крепким мужикам. Сына Сергея отослал и вовсе в Казань. На кожевенный завод.

Что и говорить — трудная доля выпала шестнадцатилетнему парню, но наголодавшись в деревне, хоть сыт он по временам бывал, ухитрялся как-то и родителям помогать. Три года мучился Сергей на этом вредном для здоровья заводишке полукустарном, намял спину и руки. А потом в деревеньку свою привлекательный на вид парень привез красивую жену Варвару.

Расторопным и головастым мужиком считали его сельчане. После революции возглавил Сергей комитет бедноты. Сам грамотей, боролся с неграмотностью своих земляков, особенно рьяно — с религией, но еще больше сил вложил в организацию колхоза, где целых пять лет занимался счетоводными делами. Потом стал главным бухгалтером МТС, оттуда и ушел на фронт. В зимнем поле под Москвой настигла безжалостная смерть умницу и храбреца Сергея...

Видно, в него пошел статью и умением сражаться за свою судьбу Матвей, глубоко чтивший и любивший отца. Воевал он отчаянно и горячо. И смерть обошла его, хоть дважды был он ранен и контужен. Награды свои заслужил честно. А двум старшим его братьям не повезло: оба погибли

ли в жестоких боях. Только мать Варвара и незамужняя сестра Угахви остались у него из самых родных ему людей.

* * *

Решила семья во главе с Матвеем побывать в родовой деревне. В Шоршелах. Прибыли они на станцию... Однако же не оказалось на их беду ни одной попутной подводы. Поправил Матвей за спиной тяжелую котомку, набросил на руку линялую шинель, нарочито бодро промолвил:

— Ну что же, делать нечего — пойдем пешком... — и, пыля сапогами, решительно зашагал впереди. Чуть отставая, засемила за ним старыми башмаками высокая и худосочная Варвара в жарком черном ватнике, поминутно поправляя на голове платок. Замыкала процессию унылая Угахви...

Через час-другой на берегу извилистого, сверкающего стеклянной водой Цивилия в зыбком тумане забрезжили Шоршелы. Соломенные крыши изб деревни утопали в зелени древних ветел, берез и лип... У самой околицы били из толщи земли ледяные кипящие серебряные родники с прозрачной, как глаз журавлиный, водой. И у каждого свое имя, народом данное: Голубой, Холодный, Бурный...

Запахавшейся в ходьбе Варваре захотелось остановиться у Светлого родника. Подошла она к дубовому его желобу. Сложив ковшиком ладони, испила целительную пригоршню мерцающей на солнце воды, ополоснула ею запыленное лицо. Тоже самое повторили и сын, и дочь.

— Экко вода! Ажно холодом отдает! Студена! Ан все одно, коли изопьешь — не занеможешь! — от души сказала мать, и показалось ей, что на дне звонкого родника словно бы поблескивают тысячи золотых монеток.

Прежде всего решила Варвара зайти к Анне — самой близкой и сердечной подруге молодых своих лет. Обрадованная встречей, хозяйка избы угостила пришельцев свежим уйраном*.

— А ты, Анна, как и прежде, добра и аккуратна, гостеприимна, — заметила Варвара, — правда, на лицо изменилась...

— Война любого — и тебя тоже — заставит измениться, постареть... Потом в конце ее похоронила я Григория...

— Ах, знаю, милая! — вздохнула Варвара. — Отзывчивой души был он человек...

* Уйран (чув.) — молочный напиток, наподобие простокваши.

Слова эти опечалили Анну, но, как могла, пыталась она сдерживать нахлынувшие на нее чувства: ведь негоже плакать и кручиниться перед гостями в своих горестях.

— И все же, Анна, — проговорила Варвара, — как же так: ты женщина тихая, кроткая... А Григорий мужик был крутовертый... А жили дружно...

— Ты же только что сказала, что, мол, отзывчивой души он был. Отходчивый. Справедливый. Детей своих шибко любил. Поначалу страшилась: как одна-то троих парней подниму, дочь?..

В эту минуту в горницу вошел пропыленный Андриян (еще бы — с самого раннего утра был он на молотье). Широко улыбнулся и поклонился гостям, потом заторопился к дворовому умывальнику.

— Ведь это твой средний? — спросила подруга. — Ай, как же он вырос, окреп! А я-то поначалу подумала, что старший.

— Ну, вот и ополоснулся, — возвратившись, сказал Андриян, — теперь и руки всем можно пожать!

— Да, бежит, скачет времечко-то, вот уже Андрияну шестнадцать стукнуло...

— Это точно! — поддержала ее подруга. — Мой-то Матвей давно ли в мальчиках бегал, а вот уже и навоеваться успел, в институт заочный поступил... на физику...

Гости заторопились, поднялись из-за стола: Варваре надобно было показаться и у младшего брата-последыша.

Перед уходом гостей не удержалась Анна от похвальбы:

— Иван, мой старший сынок, да вот и Андриян учатся в лесном техникуме... Кто ведает, может, направят их в твою безлесную деревню сажать и выращивать деревья.

Матвей сразу загорелся этой мыслью, испытующе и в то же время одобрительно посмотрел на Андрияна.

— Если получится — обязательно приеду, — сказал тот, обращаясь к Матвею. — Как говорит мама, сумею добро и пользу принести.

После этих слов Анна, ласково посмотрев на Андрияна, а потом чуть прильнув к нему, подумала с гордостью и в то же время с какой-то грустью: «Как же быстро стал почти взрослым мой сынок! И ростом меня перегнал! Нет, напрасно я так казнилась, убивалась и тужила, когда помер Григорий. Будто и для детей наших пришел конец жизни... Будто совсем обездоленными с того дня стали...»

Никто из гостей не заметил, как две горючие слезинки выкатились из ее глаз. Кроме сына, Андрияна. Он нежно обнял мать за плечи и прошептал: «Крепись, мама!»

— ...Ты, Андриян, чувствую, любишь все живое... — заговорил Матвей.

— Да, — осмелился перебить старшего парень, — на деревья, кусты, растения всякие, цветы... смотрю как на одушевленные существа. С любым листочком готов разговаривать, душу ему излить.

* * *

Как всегда, восторженно встретил сестру младший брат Михаил, Михаил Петрович, инвалид войны, завуч и учитель сельской школы. Поделился он своими мечтами и планами с ней и Матвеем. Как бы между прочим поведал, что его приглашают в Мариинско-Посадский лесной техникум преподавателем физики и математики.

— Коли так сложится, то мое место в школе освободится. Мне кажется, что тебя могли бы на него взять. Приезжай... — обратился он к племяннику.

В разговоре с дядей на эту тему Матвей старался отмалчиваться. Мучили его неотвязные раздумья: он вовсе не горел желанием уехать из Юрган, где близко — в Мурзине — учительствовала Мария.

Михаил Петрович на войне сражался летчиком-истребителем. В первый раз он сбил «юнкерс», затем — бомбардировщик. Было еще немало схваток в воздухе с ненавистным врагом. Но одна из них стала последней: его рана в этом бою оказалась роковой, после нее в полевом госпитале ему ампутировали ногу, и он «по чистой» был списан в инвалиды.

На одном фронте, в одной эскадрилье с ним воевал Василий Ведюков. Вот что писала о нем армейская газета:

«Он был командиром эскадрильи. За короткое время успел уничтожить двенадцать вражеских самолетов. Однажды эскадрилья лейтенанта Ведюкова получила приказ прикрыть действия самолета-разведчика. В тылу противника их вскоре обнаружили десять «мессершмидтов». Силы были неравны, однако Василий принял бой. И когда один из фашистов приблизился к нашему разведчику, лейтенант длинной очередью из пулемета сбил стервятника. Но на «разведчика» наседали другой «мессершмидт». Несколько пулеметных очередей командира эскадрильи — и фашистский самолет «клюнул» землю. Когда советские истребители возвращались на свой аэродром, их снова атаковала целая стая фашистских самолетов. Тяжелый бой пришлось принять нашим соколам. Уничтожив четыре вражеских маши-

ны и потеряв лишь один самолет, эскадрилья возвратилась на базу. Ее командиру Василию Ведюкову присвоили звание Героя Советского Союза. Посмертно!»

Еще во время войны Мария дважды побывала у «вечного» летчика в Шоршелах. В рассказах о Василии так и не решился Михаил Петрович вымолвить страшного слова «погиб» о своем командире. Ведь всегда стоял он, Василий, перед его голубыми глазами... живой, широкоплечий, с суровым обветренным лицом. Настоящий и откровенный товарищ. Фантазер и мечтатель. Ярко отличала его твердая воля, отвага и... нежность к своим боевым товарищам. Неистребимая вера в победу!

Храбрый на войне, проявил в разговорах с Марией Михаил Петрович какую-то несвойственную ему слабость, повторял гостые своей, мол, не знает он ничего толком, потому как изранили его фрицы...

Хоть и влюблен до глубины души был Михаил Петрович в физику свою и математику, но, наверно, еще больше любил он живую природу. И потому самым, быть может, большим его удовольствием было ездить с дорогими своими учениками-ребятишками в ночное. Нынче он уговорил Матвея на это мальчишество.

Костер, который развели ребята, смелел все больше и больше, оранжевые струйки пламени перебегали по ветвям и хворосту, дровишкам. И вот взметнулся костер к звездно-лунному небу. Не могли усидеть на месте ребята: кто воду начинал носить, кто картошку чистить или мыть ее к предстоящему ночному пиршеству, кто-то в салки-догонялки загорелся играть, кто-то пытался песню запеть... Русскую, чувашскую. От недалекого леса слышалось, как тукают копытами лошади, доносилось их тихое ржанье; несколько лошадей лежали невдалеке от костра и в багровых его оттенках напоминали их тела груды расплавленного металла.

Иногда тишина охватывала окрестье. Тогда из синеватой дымки тумана — там, где неумоимо текла река-работяга Волга — доносились тяжкие гудки пароходов, пыхтенье буксиров...

И опять нависала тишина... Неожиданно прерывалась она шумом шуточной борьбы двух ребятишек под толстенным, шершавокорым дубом. Сотоварищи и сверстники вдохновляли их. И вот приземистый крепыш чуть оторвал своего долговязого соперника от земли и ловко свалил его под себя.

— Андриян победил. Андриян-батыр, юман... Андриян-Улып, — восхищенно проговорил кто-то.

Замечено, что игры, а среди них — борьба, всегда будоражат ребят, поэтому к кому-то из них, наверно, совсем не случайно, и пришла мысль послушать рассказы своего учителя, бывшего летчика о войне. О борьбе с врагом...

Недолго говорил он со своими воспитанниками о битвах с фашистами в воздухе: хоть и страстно любил он авиацию, но, видимо, боль об утратах, воспоминания о погибших друзьях растревожили его и поэтому не очень располагали учителя к подобным рассказам.

Костер постепенно угасал. Подружки-звездочки стали вроде бы ярче. Вдруг Михаил Петрович поднял к небу ключку-помощницу и неожиданно заговорил совсем о другом. О том (он понимал это), что тоже очень интересовало мальчишек.

— Знаете ли вы, ребяташки, что в нашей Солнечной системе самая отдаленная от Земли планета Плутон? Но там нет жизни! А вот на Венере условия другие...

— А может, там есть она, эта жизнь? — поблескивая глазами, спросил Андриян.

— Ученые то утверждают, то сомневаются в том, что на Венере или на Марсе есть хоть какие живые организмы, — не сводя глаз со звездного неба, задумчиво продолжал учитель. — Между прочим, хотя Венера и планета, ее иногда называют Утренней звездой.

— Вон та, что ли, Михаил Петрович? — указал Андриян на восточную часть неба. — Та, что при недалеком уже рассвете горит, как серебряный уголек.

— Точно! Эта она! А ты, оказывается, уже немного научился «читать» звездное небо, — похвалил его учитель и обратился ко всем ребятам: — Глядите, а вон там созвездие Большой Медведицы, там — Малой... — совсем воодушевился Михаил Петрович. — А вон, похожее на прядь седых волос, далекое-далекое от нас, великое скопище звезд — Млечный Путь, чуваши в легендах своих называют его Дорогой Белых лебедей... А знаете ли вы, что это такое звезды?

— Читал, слышал, что они вроде нашего Солнца, — с необычной серьезностью отвечал любознательный Андриян. — Как-будто бы состоят они из раскаленнейших газов. Куда там до такой температуры нашему костру!

— Молодец, Андриян! — искренне похвалил его учитель.

Матвей, которого до этого одолевал дремучий сон, как-то разом встряхнулся, подошел к Андрияну, начал внимательно слушать его рассуждения.

— Ты рассказываешь так, будто сам летал среди звезд и планет, — удивленно промолвил он, наконец. Потом обер-

нулся к учителю: — Какой же ты, Михаил Петрович, отличный преподаватель. Это ты научил всему Андрияна?

— Не всему, конечно. Ты же слышал, читал он об этом, интересуется.

— А вдруг, Андриян, ты человек, который рожден для полета к этим планетам, звездам? — полушутя спросил он.

Андриян дотронулся до горячей руки своего учителя:

— Михаил Петрович, я и в самом деле мечтаю полететь к ним, — и черные зрачки его запылали.

— Может, на ковре-самолете? — вмешался Матвей, не скрывая улыбки.

Но никто вокруг не засмеялся.

— Нет, — серьезно ответил Андриян. — Туда ни на каком волшебном ковре не полетишь. И даже на самолетах. Земля их не выпустит! Туда можно лететь лишь на ракете!..

— Ты и об этом знаешь! — совсем удивился Матвей. — А кто же говорил тебе о таких ракетных аппаратах?

— Циолковский.

— Откуда ты о нем знаешь? — наивно спросил Матвей.

— О нем нам рассказывал Михаил Петрович. Он мне даже подарил книгу, посвященную ему.

— О! Оказывается, с вами шутить нельзя, — смутился Матвей..

Так они проговорили чуть ли не до самого восхода, до той поры, пока одна за другой стали тускнеть, а потом и совсем гаснуть на востоке звезды.

Вновь начали окутывать липкие объятия дремы нарабо-тавшегося в ушедшем дне Матвея... Бродяжные, несобран-ные думы шатались в его голове: «Вот ведь моя мать вышла замуж в места, далекие от этой деревни... А вдруг... если сладится у меня с Марией, я навсегда перееду в свою родо-вую деревню, сюда?...»

— Эндри, Эндри! — прервали его тусклые мысли озабо-ченные голоса мальчишек. — Наши лошади от Цивили ушли к Волге!

Матвей в мгновение ока вскочил и увидел промчавшихся мимо двух всадников. Впереди — лихой инвалид Михаил Петрович, чуть приотстав, летел за ним на рыжем стригун-ке с белой меткой на лбу Андриян.

Совсем скоро они вернули загулявших лошадей, и мыс-ли Матвея вновь потекли вспять настоящему и были они... о Марии.

А на западе звезды еще горели-догорали. Луна бледно-белой лепешкой уплывала к зубчатому темному лесу. На самом высоком холме, на гребне его застыл всадник. Это

был Андриян. И вдруг сорвался он с места, помчался... полетел — так показалось одурманенному своими грезами Матвею — в сторону стынущих звезд и луны.

...Зная о мечте Андрияна, Михаил Петрович подарил ему фантастическую повесть Константина Циолковского «На Луне». Очень внимательно прочитал ее парень. И больше всего его поразило то, как тосковал герой повести по родной планете.

Другая повесть великого ученого, попавшая в руки Андрияна, называлась «Грезы о Земле и небе». Особенно заинтересовали его такие рассуждения героя, вернувшегося на Землю в круг своих друзей: «Да, друзья мои, я рассказал вам много чудных вещей, но я не рассказал и миллионной доли того, что было на самом деле, — говорил он. — Что я видел и где я был! — В одной солнечной системе. А сколько таких систем? — В одном Млечном Пути их миллиарды. А сколько ему подобных? Кто это скажет?.. Мир беспределен...»

* * *

...Недавно Марии вспомнилось, как ходила она по дворам Мурзина записывать в школу будущих первоклашек. Ее поразила такая вот нехитрая арифметика: ребятишек, кто родился в 1938 году, оказалось где-то за тридцать человек. Потом прикинула, а сколько же их пойдет в школу в последующие годы. И ахнула! Оказывается, рожденных в 1942 или, например, в 1944 году в родной деревне было только двое!

...И вот отправилась она снова по дворам. В иных из них хозяйки откровенно плакали, причитали: «Да как же пошлешь ребенка в школу-то, когда ему одеть нечего!» Кто-то должен помочь! Конечно же, сельский Совет... Пока не залечат люди все раны войны...

«Худо, ой, как худо жили в войну сельчане! — вспоминала Мария. — Никто и хлеба-то настоящего не едал. Главная кормилица — картошка, да и той не вдоволь...»

Хорошо помнила Мария тот военный хлеб, в котором муки-то почти не было, замешан он был на измельченной картошке, лебеде да слезах. Весной выручать начинали съедобные травы. Серте, например, (снять-трава по-русски). «Серте взойдет — чуваш не умрет», — есть в народе такая пословица... А еще выручали «пултран» (борщевик) и, конечно же, крапива... Как изворачивалась женская, стариковская, ребятишечья военная деревня, до сих пор Марье непонятно! Ребятишки не знали, каким бывает настоящий

хлеб! Настоящий, он шел на фронт. Для победы. На фронт шло все, что ему было необходимо: теплые варежки и носки, кисеты...

С тягостными воспоминаниями такими дошла Мария до гумна. Остановилась и, незамеченная никем, стала наблюдать-любоваться работой своего бородатого отца, сноровисто заталкивающего пузатые тяжелые снопы в чрево молотилки; за ухватистыми движениями матери своей Ульяны, подхватывающей вилами, выбрасываемую из молотилки солому.

Марии вспомнилось вдруг и такое: всегда стоящие рядом еще до (да и после) организации колхоза молодые тогда отец и мать молотили хлеб цепами, только звуки «топ-топ, топи-тап» дружно разносились окрест. Всегда они были передовиками. Отец и в председателях побывал, а сейчас бригадир — всем колхозникам пример. Такова и Ульяна, и сейчас поторапливающая свою напарницу.

...Из чрева молотилки теплом отдает зерно. Его выгребали тыльной стороной молотильных граблей и переправляли к веяльщикам. А те трудились так рьяно, что обильный пот сквозил сквозь их рубахи и платья. Неплохой ныне умот хлебов!

Время обеда, а веяльщики все еще в работе. Подбрасываемое ими ввысь зерно, ветром очищаясь от остинок, почти чистым падало на землю. Оставалось смести с его ворохов сор, что покрупнее. Этим всем были заняты мать и их соседка Дарья. «Прямо-таки лихо она работает! — подумала Мария. — Надо бы написать о ней в стенгазету!»

Мария подошла к своей младшей сестренке Оле, одной из подносильщиц снопов, которые на току, как говорится, «бегом бегают». В большинстве это были школьники. Мария начала подсоблять ребятишкам. Сгоряча она ухватила под мышками два тяжелых снопа, принесла-таки и уложила их у зева молотилки. Потом сама же сунула их в этот самый зев. Вдруг молотилка жалобно и надрывно взвизгнула — остановилась: от натуги такой оборвался ее приводной ремень. Такой виноватой почувствовала себя Мария — хоть под землю от стыда провалились: ведь это она оборвала «мелодию труда». И на восстановление, сращивание ремня уйдет немало времени. «Ничего!» — попытался утешить ее отец. Деловитый и энергичный, он расставил потом людей на новые работы и принялся вместе с трактористом Фомой — норовистым и здоровенным парнем — соединять в натяге злополучный ремень.

Вскоре колхозники встали на прежние свои места, и вновь

закипела на гумне горячая неустанная работа. Снова «заиграли» тяжелые золотые снопы в руках школьников и неутомимого Ивана, отца Марии. Опять возродилась «мелодия труда», воодушевляющая молотильщиков и их подручных.

И все же чувствовалось, что и он начал утомляться, тогда его заменила «вечная» молодуха Катерина, тоже ловкая и быстрая в движениях. Она с заметной гордостью взглянула на бригадира, еще не успевшего далеко отойти, белозубо улыбнулась: мол, и мы можем работать не хуже мужиков. Потом махнула натруженной рукой своему сыну — трактористу Фоме, дескать, а ну «поддай-ка хорошего пара».

Обмолоченную солому тут же складывали в скирды. Бригадир Иван, всегда старающийся везде поспеть сам, в мгновение ока взобрался на одну из них и самолично завершил ее, время от времени шуточно бранил мужиков, длинными вилами подававших ему солому. Со знанием дела, чтобы ветер не растрепал и не промочил скирду дождь, он соорудил ее верхушку. Как произведение архитектурного искусства!

Только засобиралась Мария покинуть гумно, как явился отлучившийся на время ее отец. Озабоченный, сообщил он колхозникам, что «в верхах» решено увеличить колхозу разнарядку на поставку хлеба государству. Тут же возникло стихийное летучее собрание. На нем выступила и Мария. Зная все трудности хозяйства, как могла рассказала она о том, как разрушенной войной стране не хватает хлеба. Особенно рабочим городов, что создают для них — сельчан — тракторы, комбайны, машины... Об этом же взволнованно говорил и ее отец. В большинстве своем колхозники поняли неизбежность такой меры, но были и возражающие. «Весь хлеб подметут...» — уныло твердили они. Но, повздыхав-повздыхав, решили колхозники, что придется все же потуже затянуть пояса, в войну и более худшее бывало...

* * *

Через неделю после своего возвращения домой Матвей росным утром отправился в школу узнать о своей так называемой учебной нагрузке. «Тринадцать часов в неделю», — сказали ему. Это очень мало для любого учителя...

Учебный год вот-вот должен был начаться, а у него даже учебные планы были готовы лишь наполовину. Предстояло ему срочно завершить работу над ними.

Предмет, который будет вести Матвей, конечно же, физика, а он особенно труден для сельских ребятишек, для него — начинающего учителя. «Главное, — думал он, — надо

объяснять каждую тему доступным языком, образно сравнивая каждое физическое явление с известными из их жизни явлениями, постепенно углубляя и расширяя эту тему. Да, придется поломать голову, продумать специальный учебный план с практическими работами, наглядными опытами...»

...Долго сидел Матвей над наметками своего плана, даже про обед забыл. Усталый, но довольный, пришел он домой, когда оранжевое солнце уже катилось к вечеру. Заодно пообедав и позавтракав, занялся запущенным домашним хозяйством: подправил верею ворот, чистехонько подмел двор... А в пору уже ранних сумерек оделся нарядно и отправился на деревню Мурзино. Он-то знал, куда вели его ноги, — к избе Марии.

В лиловом окошке показалось лицо ее младшей сестры Оли. Та сразу же догадалась, что этот парень, новый учитель, хочет увидеть Марию, поэтому, приоткрыв створку окна, тотчас же торопливо выпалила:

— Она доит корову, скоро закончит...

— Я подожду, — коротко ответил Матвей.

Оля отпрянула от подоконника, побежала в закут, где ее мать занималась важнейшим делом: месила тесто. «Глянь, анне!* — взволнованно зашептала она. — У наших ворот прохаживается сестрин ухажер!»

Тщательно очистив от теста руки, Ульяна подошла к окну, внимательно оглядев Матвея, радушно промолвила:

— Да ты заходи в дом...

— Мне бы с Марией Ивановной поговорить... Я тут постою...

Мария, только что закончив дойку, вошла в избу, на мгновение присела у печи. Она уже догадалась, кто дожидается ее. Так не хотелось ей выходить на улицу. Но мать, и особенно сестренка, стали ее настойчиво уговаривать, дескать, неприлично так поступать. А непосредственная, как многие дети, Оля для пущей убедительности обвела свое личико рукой и подняла большой палец, мол, какой красавец этот Матвей!

В это время в окно заглянул и сам неожиданный гость.

— Мария Ивановна, — промолвил он, робея. — Ты опытная учительница, а я после четырехлетнего перерыва, можно сказать, на первый свой урок иду. Поэтому хотел бы с тобой посоветоваться.

— Никакая я не опытная учительница, — искренне возразила Мария.

* Анне (чув.) — мама, мать.

— Выйди уж, доченька, выйди, — вовремя вступила в разговор тетка Ульяна. — Человек просит тебя о помощи, а ты отказываешься. Не в наших это правилах.

И послушная матери Мария не смогла устоять перед ее справедливыми словами...

Может быть, у них и получился бы задуманный Матвеем деловой разговор. Но тут, как всегда не ко времени, появилась Плякка. Она, давно издали следившая за Матвеем, как нарядная птичка, быстрехонько подлетела к беседующим.

— Привет влюбленным! — приветствовала она их.

— Добрый вечер, Пляк... Пелагея Федоровна, — слегка раздражаясь, ответил Матвей.

— Садись, акам, — предложила Мария и подвинулась.

Плякка резво уселась между Марией и ее гостем.

— Первый урок он только вначале пугает, — промолвила Мария, пожалевав самолюбивого Матвея. — Наступит он — и пройдет. Удачно пройдет! Ты же когда-то проводил его, помнишь, поди?

— Это, конечно, так, Мария Ивановна, но это ведь было давно. Отвык я от учительства... — обрадовался он доброму напоминанию Марии.

Но тут его перебила Плякка.

— Смело распахни дверь класса и сразу громко говори: «Здрасте, ребята!» Потом представься: «Зовут меня Матвей Сергеич».

Мария без всяких шуток-прибауток начала говорить, как она начинала, как продолжает занятия с ребятами. И во все время ее рассказа Плякка обиженно помалкивала. Но когда Мария вроде бы закончила, быстро и заманчиво предложила Матвею:

— Пойдемте-ка в клуб, а?

— Вы идите, а я не пойду! — решительно сказала Мария.

Матвей в душе негодовал! Он так стремился поговорить сегодня с Марией. Только с ней, одной! А здесь привязалась к ним эта Плякка. Как бы ее спровадить? Только никак не хочет она уходить!

Тем временем Мария засобиралась домой.

Тут уже природная и «дарованная» войной выдержка оставила Матвея.

— Слушай, подруга, оставь, пожалуйста, оставь нас с Марией одних! — сердито обратился он к Плякке.

— Это почему же? — заупрямилась Плякка. — Я еще не закончила разговор со своей акам...

Матвей молча поднялся и угрюмо зашагал по улице.

— Почему ты не хочешь с ним дружить? — с нескрыва-

емым удивлением спросила Плякка, когда они остались одни.

— Акам, ты давным-давно должна была догадаться «почему».

— Не нравится он тебе?

Мария промолчала.

— Если это так, то отдай, подари его мне, — серьезно проговорила подруга. — Он учитель, бывший офицер, авторитетный. Другие парни — ветрогоны...

Мария рассмеялась:

— Ну, Фома-то, тракторист, он-то не такой. Он от тебя без ума...

* * *

Андрян самозабвенно (но каждого по-своему) любил свою мать и отца. И никогда бы не смог ответить, кого же больше. К любви к отцу примешивалась и острая к нему жалость, сочувствие, стремление всеми силами помочь ему выздороветь. Потому-то, наверно, после Шоршелской школы в яблочный август 1944 года «ринулся» в Цивильское медицинское училище. Учителя-врачи удивлялись, с какой настойчивостью этот парень выспрашивает у них о всех подробностях болезни отца, какими порой сложными путями добывает даже самые редкие лекарства. Слышали они и о том, что он как редкой души сиделка ухаживает за хворым отцом.

Свято верил Андрян вначале в великие силы и чудеса медицины. Но не случилось эдакого чуда — не поднимался с постели отец, не выздоравливал.

Потерявший эту веру, Андрян решил бросить медицину и поступил в Мариинско-Посадский лесной техникум.

«В нашей деревне все сделано из дерева: и избы, и школа, и всякие постройки, — рассуждала впоследствии мудрая Анна Алексеевна. — Может, поэтому мои сыновья Иван и Андрян и пошли учиться в лесотехникум».

И вот Андрян уже на второй курс перешел. Чуть раньше учебного года он должен прибыть в техникум: начиналась «лесная» практика.

За день до отъезда истопили братья жаркую баню, по-деревенски «крепко» вымылись, докрасна пропарились березовыми вениками, заготовленными еще до Троицы. Мягко и «ласков» в парной такой веник, светло после его «парной работы» бывает на душе, потому-то в народе веник этот «веселкой» нарекли.

Приготовилась мама, Анна Алексеевна, к отбытию сыновей. Из выданной на трудодни муки напекла лепешек, пирогов с картошкой и зеленым луком — «хуплу» они почувашки называются.

Андриян отремонтировал-починил ботинки, подрубил для крепости и «носкости» толстой, «суровой» ниткой шаровары. Из нижнего, нательного своего белья сшила ему мать рубаху, выкрасила ее крестьянским способом. Вот как: сначала ольховую, мелко рубленную кору перекипятила она в воде, бросила туда несколько ржавых-прержавых гвоздей... И замочила в этом вареве рубаху...

Всякий раз перед уходом в Мариинский Посад Андрян нежно прощался с кудрявыми, отцом и матерью посаженными, яблоньками. В честь рождения сыновей и дочери, по рассказам матери, отец разыскал их — дикушек — где-то в засини Заволжья. Но не отдавал деревца эти сразу же новой для них земле, пару деньков «заставлял их жить» в чирясе*. Потом утром ясным брал в руки тот чиряс и с нескрываемой радостью в голосе говорил жене: «Если ребенок с детства будет здоров, то и яблонька должна пустить глубокие корни».

Посадили они с Анной яблоньки эти с душевной радостью и надеждой на счастливое будущее ребенка. Так уже на вторую весну новосельной жизни Андрияна зацвела его яблонька белопенным цветом. Казалось, что от него в избе даже светлее стало.

Когда ей было положено, дала яблонька и первые свои плоды, как у всяких дикушек, кисловатые, зато цветом своим напомнили они, яблоки эти, цвет ало-красной летней зари.

Андрян, распрощавшись с домашними, закинув за спину холщовый тощий мешочек с нехитрой домашней снедью и книгами, задумчиво зашагал под раскидистыми ветлами улицы. Он не любил, чтобы его далеко провожали. «Долгие проводы — лишние слезы».

И все же не утерпел он, чтобы не заглянуть в родную школу, втиснувшую свои классы в бывшую деревянную церквушку у самой околицы деревни. Там застал он одного лишь Михаила Петровича, занятого подготовкой к учебному году.

— Андрян! — обрадовался он его появлению. — Погляди-ка, какие опыты я по физике напридумывал! Например, этот...

Увлеченный своими идеями, он положил на стол две

* Чиряс (чув.) — бочка, ящик с плодородной землей.

намагниченные подковки, на одинаковом расстоянии подвесил над ними тонкую железную пластинку: покачалась-покачалась она и замерла.

— ... по причине... равнодействия влияющих на нее плоскостных сил, они направлены встречь друг к другу и самоуничтожаются. Это напоминает... явление невесомости. В какой-то мере...

Очень заинтересовал, задуматься заставил Андрияна этот нехитрый опыт сельского учителя.

А тот — неугомонный — захромал к самодельному глобусу, медленно завертел его.

— Представь — не глобус это бездушный, а сама живая Земля. А вокруг нее — атмосфера... Коль выйти за ее пределы — окажемся мы в той самой области невесомости, где Земля теряет силу своего притяжения. Она, сила эта, как бы тоже уничтожается...

Ах, как наивны были рассуждения сельского учителя-труженика! Но они одухотворяли его, потому обычно бледное, худое лицо его озарял сейчас кирпичного цвета болезненный румянец. А в глазах горело пламя вдохновения и восторга...

Они вышли на крыльцо. Андриян заметил, что Михаил Петрович невольно вскинул голову.

— Скучаете по небу, Михаил Петрович? — без обиняков спросил он учителя.

— Правильнее бы сказать — тоскую, — грустно ответил тот. — Коль у меня спросили бы — будь у меня здоровье! — чему бы ты жизнь свою посвятил? Я бы ответил: ему, синему-синему...

Неожиданно всколыхнулась душа и разум бывшего летчика, ныне учителя: «Почему я так много говорю о своей любви и тоске мальчику из лесного техникума?» И как бы оправдывая свое нечаянное, в чем-то даже эгоистичное, личностное откровение, он поспешно заговорил:

— Нет, я не чуждаюсь земли! Люблю ее, матушку, а леса — в особенности. Но думаю так: и здесь, на земле, всегда нужно чувствовать себя крылатым! Ну, Андрюша, и в техникуме учишься ты так же легко и старательно, как учился в школе. От души желаю тебе счастья. Пусть наполнится добром твое сердце. Пусть растут у тебя... крылья.

После искреннего напутствия этого он крепко пожал своему бывшему ученику руку.

...Когда Андриян подходил к городу, он увидел в заоблачье стремительный самолет. Подумал с завистью: «Как, наверно, счастлив тот, кто ведет эту крылатую машину!»

Наконец зазвенел звонок нового учебного года. Первого послевоенного... Звенел он радостно и звонко, а не печально и глухо, как в военное лихолетье (так казался многим).

Мария Ивановна поздравила своих первоклашек с таким важным событием в жизни каждого. Еще раньше проведала она, что только лишь двое-трое из них умеют кое-как писать, а вот семилетний Вася, оказывается, год назад сумел написать письмо отцу на фронт.

У Матвея (как не боялся он) первый урок прошел довольно гладко. Потом и второй, и третий... Но отвлекали-таки порой думы о Марии. Тем более потому, что в одном из его классов училась ее младшая сестренка Оля, очень на нее похожая.

Закончился первый учебный день, и Мария вернулась домой, но прежде чем подняться на крыльцо, она мельком глянула на соседскую избу, где живет — или как говорили иные, — доживает друг ее детства, до сих пор любящий ее, Виктор. На березку и липу между их домами. Явственно слышала Мария шорох листьев деревьев и пригрезилась ей, что будто разговаривают они между собой на осеннем ветру о чем-то печальном. О чем?..

Еще мальчишкой посадил Виктор эти деревца. «Березой как бы будешь ты, — сказал он тогда, — а я... мягким деревцем...»

...Рано пожелтела побитая неотвратимой молнией липа, поникла, наклоняя к стройной высокой березке искалеченные бессильные свои ветви.

— Эх, Виктор, Виктор, — с горечью в голосе произнесла Мария. — Как напоминает мне эта несчастная липа тебя. Какое горе: в самый День Победы осколок мины угодил под твое сердце и засел там. И как ни больно говорить мне это, едва ли выживешь ты... Как и эта липа... Короткой оказалась твоя жизнь, Виктор, обошло тебя счастье. И любовь оборвется, видать, тоже скоро, коль не жилец ты на свете белом...

...Плякке удалось-таки встретить Матвея, но не удалось ей навязаться на разговор с ним: он решительно отстранился от нее и быстрыми шагами заспешил прочь, в первый подвернувшийся ему переулочек.

И вдруг совсем рядом с ней оказался тракторист Фома.

— Пошли, Плякка, — сказал он сердито. — Ишь, куда забрела в своих похождениях...

«Хорошо, что Матвей вовремя ушел и не ввязался в наши отношения, — с понятным удовлетворением и облегчением подумал взвинченный до сей минуты тракторист. — А то ведь у меня железяка в кармане, мог бы и звездануть сгоряча».

Но все же неприязнь к Матвею еще не до конца выгорела из его груди.

— Порядочный парень не станет гулять с «чужой» девушкой, — горячо заговорил он, и глаза его — это было видно даже в полутьме — горели. — Я люблю тебя, Плякка, — продолжал он, — и ты как-то сказала, что любишь меня тоже.

— Конечно, Фома, конечно... — скороговоркой ответила Плякка. — Только он сам ко мне вяжется...

— Коли еще хоть раз пристанет — убью! А ежели ты не устоишь — и тебя тоже. Так сильна моя любовь... — и Фома с силой прижал девушку к своей широкой груди, страстно поцеловал ее в полураскрытые безразличные вялые губы, спросил напрямик:

— Когда соединим свои судьбы? Я мечтаю, хочу, чтобы у меня была настоящая, хорошая, добрая семья. На всю жизнь. Не бойся, до свадьбы я тебя не трону: знаю, нехорошо так поступать... Я человек, хоть и отчаянный, но честный и прямой.

— Когда решишь окончательно — тогда и сойдемся, — недолго думая ответила ему Плякка.

Оказавшись дома, озадачилась Плякка. И странно, взбаламошные обычно мысли ее потекли на редкость плавно: «Многие парни нравятся мне, но из них надо же одного выбрать, — подумала она. — Вообще-то, я не против Фомы. Пусть он не очень симпатичный на вид, угловатый парень, но зато — душевный. Преданный. Трудолюбивый. Но боюсь я его... Он же сам однажды говорил мне: «Ты — моя жизнь, ты — моя любовь, но ты и моя... смерть». Говорил и то, что в момент гнева может убить меня за измену. А я не ручаюсь за себя: вдруг кем-нибудь, пусть случайно, увлекусь? Вот мне и капут! Нет меня! Не лучше ли все же завоевать Матвея, именно Матвея. И человек он больно уж авторитетный!»

* * *

Мария Ивановна с внимательным любопытством разглядывала рисунки своих первоклашек. Вот на одном из них — солнце золотое и будто горячее. И такое огромное! Лучи от

него тянутся к земле и прочерчены на рисунке толстыми красными линиями. А вот луна. Все верно: нет от нее, холодной, лучей...

А сколько полевых цветов, колосьев, домов с большими окнами нарисовали ее дети! И как не любоваться всем этим и не восхищаться их фантазией и выдумками!

Вот еще один рисунок. Мальчишка изобразил грузовик. Мария Ивановна знает: он мечтает стать шофером. Под рисунком надпись: «Вася». Мария Ивановна задумалась: «Хоть бы еще два слова были с ним рядом (как бы от Васлея): «Я жив!» Они бы сделали меня самым счастливым в мире человеком!..

Вдруг дверь широко распахнулась, в комнату ворвалась взбужденная Оля.

— Тебе письмо, — радостно оповестила она сестру.

У той даже сердце екнуло и защемило. Потом, увидев, что не письмо это вовсе, а какая-то записка в необычно маленьком конвертике, она успокоилась. По настойчивой просьбе сестренки разрешила ей Мария распечатать конвертик и даже прочитать коротенькую записку.

С воодушевлением прочитала ее Оля: «Дорогая и любимая Мария Ивановна! Мне необходимо с тобой поговорить. Не можешь ли ты найти для меня хоть несколько минут? Завтра в шесть вечера буду ждать у ветряка. Матвей».

Старшей сестре было давно известно, как хочет Оля, чтобы она «дружила с Матвеем Сергеевичем, таким хорошим человеком и учителем».

Этих слов и слышать не желала Мария... И советов матери своей не принимала тоже.

К вечеру младшая сестра донесла весть о записке не только до матери, но и до отца. Он вызвал Марию на крыльцо, пригласил присесть с ним рядышком на его ступеньку.

— Доченька, моя Марись! — раздумчиво начал он давно затеваемый им душевный разговор. — Твоя старшая сестра вышла замуж в семнадцать лет...

Не спеша вел беседу умудренный жизнью Иван. Закурил трубку...

Наконец, исчерпав все свои доводы и пожелания, замолчал, приглаживая пятерней густую бороду.

— Я тоже, папа, могла бы выйти замуж в семнадцать, — вдруг отчаянно проговорила дочь.

— Дай мне еще что-то сказать, — строго посмотрел на нее отец. — Итак, твоя старшая сестра вышла замуж в семнадцать лет. С мужем живет хорошо, — обдумывая каждое слово, продолжал он. — Твой старший брат Гриша вернул-

ся с войны раненым в сорок третьем и после окончания войны сразу же женился. Агей погиб на войне. Геройски погиб... Ты, что, старой девой хочешь остаться? — неожиданно закончил он почти со злостью.

Теперь Мария даже опасалась сказать невзначай что-нибудь неугодное отцу. И словно бы замерла она...

— Юрганский парень Матвей, сын Сергея, чем тебе плох? — без обвиняков выпалил старый Иван.. — Помню отец его головастым, умным был...

Крупные слезы выступили на глазах Марии, затуманенным взглядом посмотрела она на отца, тихо промолвила:

— Знаю, ты скажешь мне сейчас такие слова: многие парни, твои одноклассники, не вернулись с войны... Но если я не люблю Матвея, как же посмею выйти за него замуж? — почти выкрикнула она.

— «Не люблю, не люблю», — сердито передразнил Иван дочь. — Выйдешь замуж — полюбишь! — потом, неожиданно успокоившись, подумал, в думах его засквозило некое умеренное здравомыслие:

«Хватит, сказал в норму. Не перехватить бы через край в своей настойчивости. А то одно и то же стал повторять дважды, да еще с напором бычачьим. Хватит, сказал в норму. Она девка взрослая, умная, может, и без меня отца-старика разберется. А то как бы не пожалеть мне о своем упрямом доброхотстве».

Ласковый по натуре мужик, он даже пожалел свою дочь-однолюбку, раскаиваться начал: «Эх, надо было присовокупить, мол, года-то твои молодые проходят, в бесполезном ожидании своего Васлея ты совсем исхудала, вянуть стала...»

* * *

Незаметно подкатила зима. Ее приход, первый легкий снежок и морозцы острозубые обычно радовали Матвея, но нынче все было как-то не так... С бесконечно ноющим сердцем, в безысходности своего чувства к Марии пережил он зиму, благо — выручало учительское его рвение. Но и весна-красна не облегчила страданий Матвея. На полях кипела работа, на лугах густые травы взошли, замерцали цветы, а на душе его будто была промозглая неуютная осень. «Уехать, уехать, уехать», — в таком такте будто бы билось сердце. «Куда? — подумал он. — Может, в Шоршелы?»

Своими намерениями он поделился с директором школы. Понимающий его состояние, он согласился отпустить его после завершения учебного года. Кроме того, случилось совсем непредвиденное: проведая Фома-тракторист, что его Плякка бегает за Матвеем и избил ее, да довольно сильно. Та, оскорбленная до глубины души, подала в суд, и в конце концов, угодил горячий парень на лесоповал. Тайком, но почти как муж и жена жили они с Матвеем. Дурные слухи стали ходить об учителе по деревне.

Выбрав удобное время, Матвей приехал в Мариинский Посад. Здесь теперь всеобщим любимым учитель Михаил Петрович работал в лесном техникуме. Когда Матвей неожиданно появился к нему на квартиру, то застал он там и Андрияна Николаева. Отреченные от всего мира, они «грызли науки». На столе лежали какие-то чертежи, схемы... Начерно они были изображены на газетных полосах; набело — на обрывках обоев.

Матвей сразу же заметил, как переменялся Андриян только лишь за один год. Серьезнее стал и лицо его «покрасивело». Почти семнадцатилетний, он обликом своим почему-то напоминал ему пламенного поэта Михаила Сеселя... Может, своими «орлиными» бровями, горящими черными глазами?

— Сам удивляюсь, — сказал Матвею Михаил Петрович, — как настойчиво стремится парень к знаниям. Здесь, у меня, он смирный, спокойный, но техникумовские ребята иное говорят: дескать, шустрый, боевой он...

От этих слов на смуглых щеках Андрияна выступил темный румянец.

На столе, у локтя Андрияна, лежали какие-то книги. Матвей взял одну из них. На титуле ее прочитал: «Книга В. Ведюкова».

— Я хорошо помню Василия Ведюкова, — задумчиво заговорил Матвей. — Он еще в школе организовал кружок любителей физики. Интересовался трудами Циолковского, вообще всем, что связано с воздухоплаванием, планетами, звездами, космосом... Планерами, самолетами, ракетами... Занимался в аэроклубе. Любознательным, умным человеком он был и мужественным! Только, что скрывать, нереальная мечта у него была, — каким-то осуждающим тоном добавил он.

— Какая же мечта? — загорелся Андриян. — И почему нереальная?

— Да, нереальная! Он думал о полете в межпланетное пространство, — убежденно продолжал Матвей. — И, ко-

нечно, взбаламутил его не кто иной, как именно Циолковский. Это же чистейшая фантастика...

И тут разгорелся горячий спор между дядей Матвея Михаилом Петровичем и самим Матвеем. Явно на стороне любимого учителя был Андриян. Ему не по душе были взгляды Матвея на мечты и устремления Василия Ведюкова, которые он безраздельно разделял, потом в словах Матвея иногда совершенно отчетливо сквозила какая-то личная неприязнь к Василию.

Когда родственники остались одни, Матвей печально поведал ему о своем житье-бытье. Внимательно выслушал Матвея дядя, потом с горечью сказал:

— Эх, жалко мне тебя, Матвей! Эх, жалко... Знаешь ведь: насильно мил не будешь... Но ведь и сердцу не прикажешь. И еще, знаешь, я тебя за что сейчас осуждаю: зачем ты так почти неприкрыто высказывал иное — свое человеческое — мнение о Василии. При Андрияне! И потом — зачем тебе ревновать Марию... к мертвому Василию?

Однако... Беседа-спор удивила и поразила Матвея тем, что он, взрослый человек, абсолютно не верит в мечту Ведюкова, а парнишка Андриян — верит! «А что я говорил по этому же поводу Марии? — попутно пришла в его голову мысль. — Все это чепуха! Почему я так сказал? Зачем? Марии, которая тоже верит в мечту Васылея и в его возвращение тоже. Может быть, этим я и оттолкнул ее от себя? Ну, дурак же я! Настоящий болван!»

Новый учебный год Матвей начал в селе Дрожжаное. И здешние учителя, и сельчане приняли его очень приветливо, кроме того сюда не дошли нелестные для него слухи о неудачном предложении Марии, о пошловатеньких его связях с Пляжкой.

В Дрожжаном он был «чистеньким» учителем. Здесь про него, кроме хорошего, никто плохое не говорил. В Юрганах его за глаза звали «Сергея сын — Матвей», а тут не только ученики, но и белобородые старики-шурсухалы то и дело обращаются: «Матвей Сергеевич! Матвей Сергеевич!» Снимая шапку, приветствуют при встрече.

Незаметно прошли два-три месяца. Все шло замечательно. Только сердце по-прежнему щемило... И утром, и вечером виделась ему Мария. Три письма уже написал он ей. И нет никакого ответа!

Как только наступила зима, Матвей сразу же встал

на лыжи. После уроков отправлялся в леса. Стоял и слушал «песни зимнего бора». И грустные «песни своего сердца...»

Однажды только вышел он с лыжами на плече к околице, как услышал за спиной взволнованный голос:

— Матвей Сергеевич! Матвей Серге-е-евич! Вам письмо!

Он сразу догадался: это голос учительницы по математике. Остановился Матвей.

Молоденькая покрасневшая Роза, подбежав к нему, подала ему письмо. «От кого? От Марии, от любимой Марии?» — гулко застучало в его груди сердце. И он чуть было не обнял и не расцеловал девушку.

— Спасибо, Роза Николаевна, — от души поблагодарил он.

А Роза все стояла рядом и радостно улыбалась. Однажды она сказала ему: «Зовите меня просто Розой, пока я никакая не Николаевна, ведь я вчерашняя школьница». Но сейчас она его не поправила.

— Может, любимая девушка пишет? — залюбопытствовала она.

— Точно, Роза, любимая девушка пишет.

Эти слова укололи сердце девушки...

— Простите, Матвей Сергеевич, я не буду мешать вам читать счастливое письмо, — сказала опечаленно она. Чтобы скрыть свое волнение, девушка подарила ему на прощанье грустную улыбку, помахала рукой и побежала в деревню.

Матвей быстрыми глазами пробежал по коротеньким строкам, написанным красивым женским почерком.

«Уважаемый Матвей Сергеевич! Пойми меня правильно, я не могу быть твоей. Никогда, никогда... Больше не пишите. Мария».

...На следующий день он не встал на лыжи. На третий день тоже. А в дальнейшем совсем отпала у него охота кататься на лыжах.

На второй неделе после получения письма его уроки закончились одновременно с уроками Розы, и случилось так, что вышли они из школы вместе.

— Матвей Сергеевич, — обратилась к нему девушка. — Что-то вы в последнее время почему-то загрустили и лыжи совсем забросили... А я как раз их купила. Так что могу посоревноваться с вами на лыжне.

— Что-то нездоровится, — нехотя ответил Матвей. — Простудился, что ли, или же... — не досказал он свои мысли. Некоторое время девушка ждала их продолжения, потом, потупившись, сказала:

— После выздоровления, если будет желание, выходите на лыжах за околицу...

Матвей ничего не ответил. Так они и расстались...

Однако на следующий день Матвей, осуждая себя за такую черствость, подумал: «Как я смею так высокомерно и холодно разговаривать с этой симпатичной девушкой-девочкой? Неужели, если Мария не любит меня, я должен стать бирюком или отшельником?»

В субботу после уроков Матвей вознамерился-таки пройти на лыжах: авось встретится ему Роза. И точно — сияющая и юная, она появилась как бы неоткуда — из синей снежной мглы.

...Матвею было известно, что Роза Мадурова окончила среднюю школу в райцентре, который всего-то в нескольких верстах от ее деревни. Отлично давались этой девушке физика и математика. Потому-то, ничуть не сомневаясь в ее способностях, в ее умении общаться с ребятами, пригласили Розу преподавать математику в Дрожжаное (так не хватало в ту пору дипломированных учителей). Только первый год, постепенно привыкая, работала ныне она учительницей.

«А чем же плоха эта девушка?» — подумал Матвей, поднимаясь вместе с ней на крутопологий склон.

Первой — стремительно и смело — ринулась в низину Роза. Не догнать!

Матвей очертя голову бросился ей вслед.

В распадке Роза бухнулась в огромный намет снега, одна ее лыжина нелепо воткнулась в сугробину. На нее-то и наткнулся Матвей и упал рядышком, под самый бок девушки. И близко-близко оказалось его лицо с румяным лицом этой девушки-девочки с голубыми яркими глазами, с карминовыми, алыми губами. Едва-едва удержался Матвей, чтобы не поцеловать эти горящие губы, это пылающее юным румянцем лицо... Но, преодолев себя, выкарабкавшись из снежной перины, он помог Розе подняться. И вновь заторопились они на пологий склон. Может, затем, чтобы продолжить затеянную ими игру? Светлые чувства закипали в сердцах у них. А может — любовь?

* * *

В голову Марии в последнее время все чаще приходила еще совсем недавно нелепая мысль: «А вдруг всерьез любит меня Матвей? Да, он нередко твердит об этом. Если так, то почему... якшается с Пляжкой?»

Она перечитала последнее письмо Матвея, в котором помимо подробного описания своей жизни и работы в Дрожжаном, откровенно раскрывал он свои чувства к ней.

И еще не забыла она однажды сказанных им слов: «Все равно ты будешь моей...»

Ощутила сейчас Мария в сердце своем какую-то перемену, начала переосмысливать она свое отношение к Матвею и, вроде, начало просыпаться в ней робкое ответное чувство симпатии к нему. А может, начала она осознавать предостережение отца остаться старой девой-вековухой. И случилось для многих удивительное: решила Мария стать женой Матвея (хотя и твердо говорила ему когда-то: «Я никогда не выйду за тебя замуж»).

И вот отшумела многодневная чувашская свадьба... Матвей, летавший совсем недавно среди облаков безысходной своей любви, начал ощущать, что спустился-таки с них на землю: любимая им девушка стала, наконец-то, его женой.

В звездную брачную ночь, как требует того старинная традиция, молодоженов оставили одних. Положил свою мягкую ласковую руку Матвей на плечо Марии, которой в этот миг показалась она почему-то тяжелой, твердой и властной, подвел ее, раздетую, к кровати, уложил и лег с нею рядом...

— Матвей, — взмолилась Мария, — давай поживем немного как брат с сестрой. Чисто... Может, тогда я буду любить тебя как никого на свете не любила. А-а-а-а? — и вслед за словами этими поцеловала его.

«Вот как! Я от любви сгорал и сгораю, а она только готовится к любви. Ну, погоди, я заставлю тебя полюбить и никого не подпущу к тебе...» — не на шутку разозлился Матвей.

Опьяненный страстью своей, не вникая в просьбы-заклинания и причитания Марии, взял он ее... силой грубой. Весь остаток ночи, до самой зари, проплакала Мария, корила себя, что вышла замуж без любви, просила прощения у... Васи.

Когда зоря полыхала в полнеба, отринув все обычаи, что требуют показа постельного белья родственникам жениха и всем гостям, сожгла она его в жаром пылающей печи. Желанье жить покинуло ее, она навсегда отстранилась душой от Матвея. Однако новая жизнь забила под ее сердцем...

Однажды острый слух о том, что в Шоршелах женится объявившийся «ниоткуда»... храбрый герой Василий Ведюков, поверг смятенную душу Марии в подлинное иступление. «Что я наделала, что я наделала? — проклинала себя

Мария, на бегу по дороге в Шоршелы поправляя волосы. — Зачем, зачем я вышла замуж за Матвея?»

По причине беременности — тоже! — Марию тошнило, солнечный свет померк в ее глазах, в них стало темно... «Только бы его увидеть, только бы увидеть, — повторяла она на ходу. — Пусть даже за свадебным столом. Он и женился, верно, потому, что узнал, что не дождалась я его... Добрая мать-Земля! Возьми ты меня!..»

В свадебной избе Марию ждало новое — и тоже страшное — потрясение: жених Вася Ведюков... вовсе не был... ее Васей. Это был его однофамилец и одноименец, родственник. И это вконец подкосило Марию: без сил упала она в сених свадебной избы...

Мария не хотела иметь ребенка от растлившего ее душу Матвея. Говорят в народе: если мать не желает рождения ребенка, то он не просто «поймет» это, но будет остро (по-своему, конечно) переживать, болеть уже в ее чреве. Так оно и случилось с ребенком Марии: родившись, он не прожил и двух дней, зачатый не по любви, а по насилию...

Почти год со дня подписания заковой бумажки и свадьбы между тем мучил Матвей любимую жену своими ревнивыми выходками, тайком навещая бывшую ее подружку Плякку. Повсему поэтому и развалилась непрочная семья Матвея, главное — не было в ней обоюдной любви...

* * *

Но был еще один человек, которому причинил Матвей боль — это была молоденькая учительница Роза Мадурова, которая, к своему несчастью, чуть ли не по-детски влюбилась в него. Однако, как замечено, молодость и стремление к светлой жизни почти всегда побеждают невзгоды. Сумела преодолеть их и Роза, кроме того влекла ее ясно встающая перед ней цель — поступить в институт, стать настоящим педагогом. Она понимала, что учитель — возможно, настоящее ее призвание. Но тут снова удар: она провалилась на первом же вступительном экзамене в Чебоксарский пединститут.

Чтобы окончательно развеять долго не дающие ей успокоения мысли, поехала она в Казань погостить у родственников, как будто чувствуя, что даже сама Волга, как добрая матушка, обязательно утихомирит ее душевный недуг, даже мысли о Матвее рассеет...

Ехала Роза в трюмном, четвертом, классе, в тесноте прижавшись к какой-то сердобольной тетке. Старалась ни на кого не смотреть.

— Куда ты едешь, девушка? И откуда? — вдруг услышала она неожиданный вопрос.

Роза вскинула глаза: напротив нее сидел какой-то парень, задавший этот вопрос. «Странно, — подумала она, — больше часа мы едем вместе, а я его даже не заметила». Роза повнимательнее посмотрела на парня — улыбчивого, черноглазого, чернобрового. Что-то было в нем такое, что сразу вызывает доверие и расположение, симпатию, даже у таких, не любящих случайных знакомств людей, как Роза. И потому еще, что в голосе его было нескрываемое участие к ней, опечаленной своими думами, захотелось Розе поговорить с ним. Все равно о чем...

— Далеко-недалече, — ответила она, впервые, может быть, за последнее время открыто улыбнувшись. — В Казань! Из Дрожжаного...

— Что это за Дрожжаное?

— Деревня наша так называется.

— Она, наверно, славна дрожжами?

— И дрожжами тоже...

— А у нас, в селе Шоршелы, выращивают замечательный хмель, — с гордостью произнес парень.

— Тогда мы с тобой оба — люди пива, — пошутила Роза. — А название Шоршелы не от слов ли «шур» и «шал» — что означает «белые зубы» — произошло? Наверно, в вашем селе у всех парней белые, как у тебя, зубы...

— Нет, не угадала. Слово «Шоршелы» в переводе на русский означает «Светлые ключи».

— И много у вас этих самых светлых ручьев-ключей?

— Великое множество! — вновь гордо сказал парень.

Так, только лишь ради разговора, ради шутки вели они свою немудреную беседу. И вдруг Роза обнаружила, что дурное и тягостное ее настроение куда-то уплыло, улетучилось.

— А в Чебоксары ты зачем ездил? — заинтересованно спросила она. — В институт поступать?

— Захотелось посмотреть чувашскую столицу. А свою учебу в Марпосадском лесном техникуме я нынче закончил, — охотно ответил парень.

— А сколько тебе лет? — полюбопытствовала Роза.

— Ровно через месяц исполнится восемнадцать.

— Да ну? — удивленно воскликнула она. — А мне тоже через месяц и еще один день исполнится столько же.

— Так значит ты только на один день младше меня? — рассмеялся парень и сразу как-то резко перекинулся на другую тему. — А я в Карелию собираюсь осенью на работу

ехать, — доверительно поведал он ей. — Сам вызвался. Романтика! У одного из чувашских поэтов есть о ней такие вдохновенные строки: «Ночь Карелии очень уж красива, ночь Карелии синее, как стекло...»

Скоро пароход начал причаливать к дебаркадеру — пристани Мариинского Посада. Парень взял свой аккуратный фибровый чемоданчик, Роза вызвалась проводить его до трапа.

— Может, адресок тебе свой будущий дать? — спросил парень уже ступая на него. — В Карелии в темные зимние вечера очень было бы приятно читать письма от такой... веселой девушки, что младше меня всего на один лишь день. И в белые летние вечера тоже...

Пока Роза раздумывала, парень едва успел сбежать на берег. Остановился и молча, выжидающе, во все свои черные глаза смотрел на девушку, на отходящий от дебаркадера пароход.

Роза, словно опомнившись, закричала ему:

— Какой адрес? Я сейчас же запишу...

...Но донеслись до нее едва различимые слова: «Карелия... Леспромхоз...» Какой леспромхоз — Роза не расслышала...

ВОЗМУЖАНИЕ

Как много прекрасного на нашей земле! Красивы зори над нею, реки, ручьи и речушки, горы и море; воздвигнутые человеком из камня, бетона или мрамора дворцы, рубленные топором простым необычайно красивые избы... Из бревен, а значит — дерева, что растет в лесу.

Лес... Удивительнейшее и красивейшее явление природы, и он всегда живой... Не будь лесов — обеднела бы наша земля, оскудела бы душа человека. Называют порой лес зеленым золотом. Но сравнение это скорее обедняет, чем обогащает значение леса. Ведь золото всемогуще тем, что на него можно обменять любой товар. Само же золото имеет куда меньшее применение и распространение, чем лес или даже древесина.

Лес — красочная одежда земли, он и товарищ, и отец, и лекарь наш; он кормит, защищает, дарит здоровье, вдохновение, свет и радость душе.

Так приблизительно рассуждал по-взрослому молодой парень Андриян Николаев, оказавшись в «волшебной голубой стране Карелии» — так скажет о ней он когда-то.

Он понимал значение и необходимость своей предстоящей работы, потому что именно теперь, после разрушительной войны, лес, наш зеленый друг, должен помочь стране восстановить из руин и пепла села и города. И вообще — древесина его всегда нужна человеку в обычном его быту...

Предстало перед Андрияном детство, младшие классы школы. «Как можно изобразить на бумаге, в рисунке Родину?» — спросил однажды учитель. Долго сидел он в раздумье над клетчатым листом и нарисовал... маму такой, какой ее видели его глаза, сердце.

«Как бы вы изобразили красоту земли? Нарисуйте», — предложил ребятам следующее задание учитель. И Андриян нарисовал белую березу на фоне его самого любимого цве-

та — голубого, бирюзового, который всегда казался ему сказочным.

Андрян с детства любил лес, босиком еще бегал в прибрежные, приволжские леса. Он помнил, как пытался поймать бабочку.

Он любил это зеленое соседство — веселые березки, стройные ели, задумчивые ветлы, могучие дубы... Он помнил, как шоршелские старики, проходя мимо дуба, обращались к нему с магическими заклинаниями: «Ты — хозяин всех деревьев, к тебе обращаемся с мольбой: помилуй нас...» Считая деревья живыми и как-то влияющими на их жизнь, земляки запрещали хлестать животное березовым прутком, а хлев подметать березовой метлой, старики не делали клюки из березы... А разве забыть ему родные зеленые липы, грустные осинки и оранжевые рябинки?

Потому, почитая каждое из деревьев, Андрян всегда стремился посадить по весне или осени как завет будущему хотя бы одно деревце. Но сейчас он призван к обратному «действию» — рубить лес и деревья. Это необходимо стране!

Очень часто перед глазами его вставал облик родного края, несказанно дорогих Шоршел... Любимой матери... Ее слова, сказанные ему во время проводов, порою словно бы звучали в его ушах: «Сынок, ведь уезжаешь на самый край света. До свиданья! Трудись хорошо. Свою жизнь украшай трудом».

Что же еще говорила ему мать? «Всегда делай свое дело с любовью. Закаляй себя трудом. Не поддавайся болезням». Напоследок добавила: «Жизнь она, Андрян, нелегкая штука, не забывай: жизнь она, сынок, — старание, борьба».

Эх, мамы! Не могут они провожать своих детей не прослезившись. «Когда приедешь теперь, Андрян?! Уж слишком далеко уезжаешь ты, сынок», — сказала тогда мать, вытирая слезы концом платка. «Не печалься, мамочка, на побывку обязательно приеду», — успокаивал он ее...

Андреяна направили на работу в Деревянский леспромхоз, что в двадцати верстах от Петрозаводска. Восемнадцатилетнего парня сразу назначили помощником мастера. Со здешними людьми он начал знакомиться в небольшой конторе. Средних лет, худощавый, но жилистый технорук леспромхоза Иван Семенович сразу же понравился Андриюну.

— Отец с матерью есть? — спросил тот, пытливым взглядом на еще не вполне окрепшего парня.

— Отец три года как умер. Мать живет в деревне...

Семеныч не сводил своих глубоких глаз с Андрияна.

— Окончил лесной техникум? Хорошо! Почему попал

именно на север? — задал он и такой вопрос. — Романтика? Сам напросился? Понимаю — романтика заманила. Я не ошибся?

— Она самая, романтика! — добродушно ответил Андриян. — Но не только она. Понимаю: очень нужен сейчас хороший строевой лес, чтобы быстрее залечить раны войны.

— Верные слова говоришь, парень. Ладно. Теперь иди, отдыхай, — с теплотой в голосе сказал Семеныч. — В общежитии для тебя местечко приготовлено.

Назавтра, в первый его трудовой день, он обещал пойти на работу вместе с Андрияном.

Когда новоявленный помощник мастера Андриян Николаев пришел в общежитие, почти все рабочие были на своих местах. Сорок человек, сорок непохожих друг на друга людей в огромной комнате.

Как тому положено быть, он поздоровался, спокойно прошел мимо любопытствующих глаз к своей койке. Привел ее в порядок. Затем вытащил из котомки книги и начал складывать их в маленькую тумбочку. Вдруг какой-то рыжеволосый парень, совсем близко стоявший от него, назвал его по имени.

— Откуда ты знаешь меня? — удивился Андриян.

Потом сообразил: когда он сдавал в конторе свои документы и писал заявление, рядом с Семенычем стоял именно этот рыжеволосый парень.

— Моя фамилия Мрехин, давай знакомиться, — предложил сосед и протянул Андрияну руку. Потом, сильно сжав его ладонь, буквально вытащил Андрияна на середину комнаты. Задорно промолвил: — Давай поначалу ради знакомства поборемся!

Андриян не был таким человеком, который может растеряться в подобной ситуации. Он мгновенно сжал огненно-рыжего в крепких своих объятьях и уложил на поленья, что были припасены для топки большой железом обитой печи. Постоял-постоял Андриян над побежденным, подождал, когда тот поднимется с «мягкой» лежанки, спросил с усмешкой под одобрительные возгласы присутствующих:

— Может, еще поборемся?

— На сегодня, пожалуй, хватит, — примирительно ответил Мрехин. — Ты победил честно! Успешно выдержал, так сказать, первый экзамен на должность помощника мастера.

Мимолетно Андриян заметил, а затем стал и изредка поглядывать на сидящего в углу на кровати угрюмого и на-

супленного человека, который время от времени глотал из мятой алюминиевой кружки какую-то жидкость. «Явно водку», — без труда догадался Андриян.

— Птенец желторотый, — уловив его взгляд, пробормотал мужик-парень, потом громко, на всю комнату, добавил: — Бороться умеет, а какой он в работе? Завтра посмотрим...

Через некоторое время после слов своих мужик-парень по имени Тит свалился на койку и уже через минуту захрипел, издавая гортанно-утробные звуки, изредка прерываемые отрывистыми фразами...

...Хотя и изрядно устал сегодня Андриян, но еще не торопился отдаться благодатному сну: привел он в порядок свои вещи, потом проверил, хорошо ли греет железная печка. Убедился: хорошо, даже очень, оттого в комнате тепло. Дров на нее не жалеют... Потому ее утроба наполнилась розовым жаром.

Перед самым сном Андриян вышел из дома, глубоко вобрал в себя и воздух и синюю звездную ночь незнакомой стороны, постоял в раздумье.

Когда совсем стемнело, из дверей показался Мрехин и позвал его на участок, где завтра предстояло ему работать.

— Что это за мужик, который глушил водку? — спросил Андриян.

— Недавний ээк. Будь с ним поосторожнее, — предупредительно сказал Мрехин.

— За что же он осужден был?

— Говорят, за попытку убийства односельчанина, да еще свою девицу поколотил изрядно...

Рыжеволосый Мрехин оказался простецким и откровенным парнем. Он рассказал Андрияну о своей любви к леспромхозовской табельщице, что как раз сейчас намеревался к ней отправиться, но вот «случайно» повстречал его...

Побродив со Мрехиным, Андриян, наконец, добрался до постели, разделся и лег. Минутно проанализировал прошедший день. Очень хотелось ему, чтобы и первый его рабочий день тоже не был ничем омрачен. И потому было Андрияну немного тревожно: ведь доверили ему такую ответственную работу... «Интересно, — думал он, — почему технорук собирается пойти на работу вместе со мной? Сомневается во мне, что ли? Может, побаивается, что по молодости не справлюсь на своей должности? Не исключено... Нет, он понимает, что мне, новичку на лесозаготовках, на первых порах может понадобится его помощь. Его, опытного человека».

...Утром показалось Андрияну, что солнце светит по-особому тепло, сияет ярко и радостно. «Что ж, — настраивал он себя, — к работе мне не привыкать. И в колхозе трудился до соленого пота. На практике в техникуме все силы выкладывал. Но сегодня (не побоялся высоких слов Андриян) я приступаю к выполнению важного — государственного — задания. С сегодняшнего дня я рабочий человек! Сегодня один из знаменательных дней в моей жизни!»

— Отныне жизнь твоя будет частью большой жизни нашего коллектива, — сказал технорук Андрияну перед всеми рабочими. — Заботы коллектива, честь коллектива — это и твои заботы и честь твоя тоже. Здесь ты можешь найти самых надежных друзей, определишь свое место в жизни. Помни об этом всегда! Биографию человека делает труд, труд вдохновенный, самоотверженный. Мы надеемся, что ты оправдаешь высокое звание рабочего человека.

Все эти высокие слова Семеныча были так неожиданны для Андрияна, что он на миг ничего не смог сказать в ответ. Помолчав, словно взвесив и обдумав услышанное, он спокойно и отчетливо вымолвил, будто клятву какую произнес:

— Вступая в ряды коллектива леспромхоза, я обязуюсь во всем следовать его трудовым традициям. Постараюсь сделать все для повышения производительности и укрепления дисциплины. С сегодняшнего дня эти общие задачи станут и моими ударными задачами, постоянными в моей личной жизни.

И вот вместе с Семенычем они взяли одну на двоих пилу, у самого комля начали пилить ствол могучей сосны.

Какие красивые — белые-пребелые! — опилки начали падать к ногам подельщиков! До середины ствола работали они без отдыха, только тогда Семеныч скомандовал перерыв.

Мрехин со своим товарищем уже спилили одну стройную, незаматеревшую еще сосну. Другие работали тоже дружно и старательно. Лишь один Тит с топором через плечо стоял без дела, не сводя глаз с помощника мастера и техрука, который как раз перекуривал...

А Мрехин с товарищем своим уже пилил второе дерево. Ай да Мрехин! Видно, удовлетворенный трудом своим, мурлычет какую-то песенку. Потом и вовсе запел в полный голос. Ее слова, не сговариваясь, подхватили и другие.

...Они свалили еще три дерева. И после этого Семеныч собрался на другой участок. В это время к ним грузно подошел здоровенный, как артиллерийский конь, Тит.

Ворот его рубахи был расстегнут. Сквозь волосы широкой груди просвечивает корявая темно-синяя обширная наколка — изображена голова тигра. Над локтем устрашающая наколка-фраза: «Не тронь меня! А то...»

— Нам полагается платить побольше. Как полярникам! — вдруг сказал он.

— Платят каждому из нас в зависимости от выполненной работы, по утвержденным расценкам, — спокойно сказал Семеныч. — Получишь за то, что сделаешь. И мы вовсе не полярники!

— Надо сказать, что мы вкалываем почти у шестьдесят девятой параллели, — продолжал задиаться Тит. — Считай, почти Север! Соответствовать этому должна наша зарплата. Надбавка требуется. Северный коэффициент!

— Эх ты рассуждаешь, — язвительно засмеялся Семеныч. — Почти Север... — передразнил он Тита. — До Крайнего Севера отсюда далековато, да и леса там не растут. Тундра там... А коль говорить о деньгах, то повторяю, что получка зависит от чистосердечной, добросовестной работы.

— От какой еще чистосердечной работы? — мгновенно ожесточился Тит, сбросил с себя рубаху и остервенело бросил ее на землю. — Это я, что ли, с грязным сердцем работаю? Да наша, моя работа самая тяжелая, может, на свете!

По пояс голый, сжимая пудовые кулаки, готовый к нападению, застыл он перед Семенычем. Сообразив, что затем может последовать, Андриян встал между ними.

— Значит, ты говоришь, что работать в лесу тяжело? — переспросил Семеныч, стараясь быть сдержанным. — А где легко? Может, в забое шахты или в море легче?

— Легче!

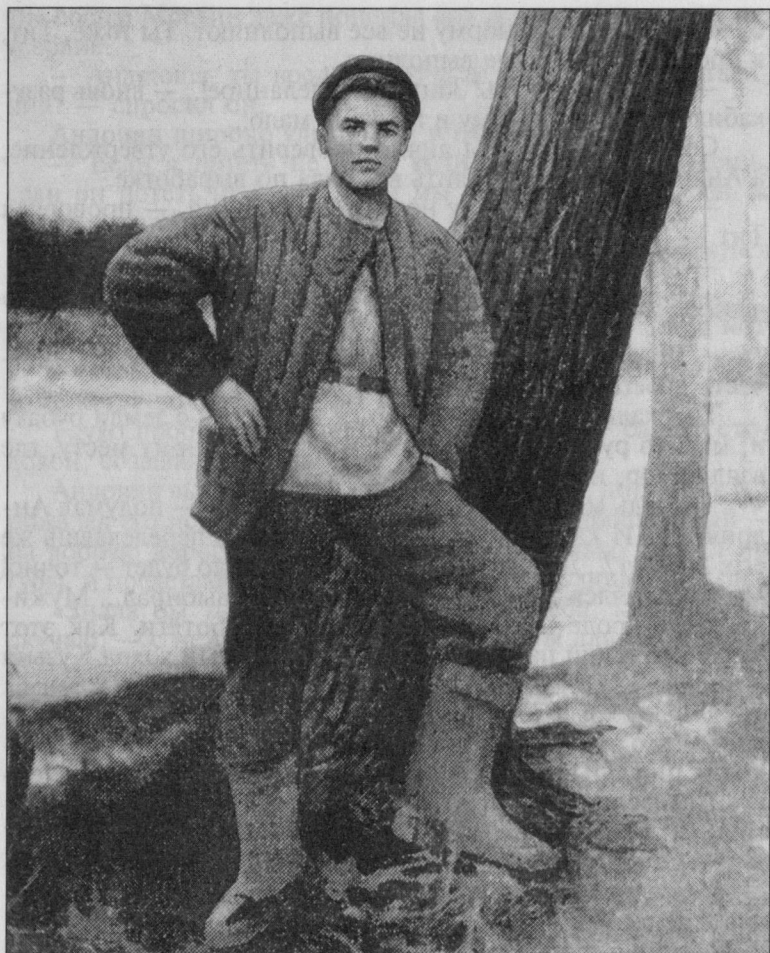
— Ты здорово ошибаешься! Думаю, что еще труднее. Может быть, полярникам зря платят дополнительные деньги? Или они там без работы скучают? А вот вовсе не «северными» платят трудягам-хлеборобам, проливающим пот на полях, платят тоже в зависимости от того, сколько вырастят и сдадут они хлеба. Ты ешь этот, потом политый хлеб?

— Мне много его не надо. Хватит и полбуханки на день.

— Тебе полбуханки, другому — столько же... А по всей стране, если подсчитать, сколько миллионов тонн хлеба нужно?

Андриян заметил, что доходчивые и умные слова Семеныча действовали на задиристого и разгоряченного Тита: он опустил свои кулаки. А Семеныч начал говорить еще убедительнее, будто утешая Тита:

— Когда организуем дело получше, тогда и заработок

В краю Карелии озерной.

будет побольше. И норму не все выполняют. Ты тоже, Тит, в прошлом месяце не выполнил...

— Ну да! Скажешь! Занизили сделанное!.. — вновь разубахился Тит. — Потому и получил мало!..

Семеныч пообещал лично проверить его утверждение, а Андрияну велел наладить все дела по выработке.

— Посмотрим, как у него это получится, — проворчал Тит. — Только сейчас у меня за душой — ни копейки...

— Могу помочь... — неожиданно предложил Андриян.

— Сколько не жалко? Учти — я заправляюсь в день по три раза!

— Держи, — протянул Андриян ему немалые деньги — часть своего аванса, — считаю, хватит.

Тит жадно заграбастал деньги, подобрал с земли рубаху и, махнув рукой, пошел к своему оставленному месту, где взял топор, начал очищать дерево от веток.

«А ведь мне с ним бок о бок работать, — подумал Андриян. — И как мне с ним быть? Ведь не переделаешь же его. А вдруг?... Да нет — пустое дело. Тяжело будет — точно! Но коли взялся за гуж... Сам судьбу свою выбирал... Мужики здесь вроде нормальные, честные работяги. Как этот рыжий русский парень Мрехин, длинноусый хохол Кузьма Калюк...

После ухода Семеныча Андриян работал в паре с Мрехиным. Со всех сторон доносилась музыка стальных сверкающих пил... Шагов на десять влево от только что поваленной ими сосны отошел Андриян, как вдруг услышал истошный голос Мрехина:

— Сторонись, Андрюша, сторонись!

И в самом деле, подпиленная соседями трухлявая сосна, треща, клонилась в сторону Андрияна.

Андриян ринулся к Мрехину, тот — к нему, на полпути они столкнулись и упали рядышком. В мгновение, когда не вдалеке от них рухнула порченная лесными болезнями сосна, когда миновал испуг каждого, и Андрияна, и его напарника, Мрехин вдруг навалился на Андрияна, тот попытался сбросить с себя отчаянного борца, только не удалось ему это сделать.

— Победа! — ликовал Мрехин, вскакивая на ноги. — Реванш за вчерашнее мое поражение состоялся!

— Пошли работать, — вставая с мягкой земли, пробурчал недовольный Андриян.

Говорят, что в воодушевленном труде обо всех неприятностях — и малых, и больших — человек забывает. Как раз так и работал сейчас Андриян. После очередной «сво-

ей» сосны Мрехин даже попенял его за такое вдохновенное усердие.

— Андрияша, ты вроде вспотел от своего такого старания? — спросил он.

Андриян широко улыбнулся и ответил:

— Если я потеть не буду, если ты потеть не будешь, если он потеть не будет, если мы потеть не будем, кто ж тогда согреет землю?

— О, да ты, оказывается, и поэт! — начал восторгаться Мрехин.

— Каждый человек немного поэт, — с ноткой назидания в голосе ответил Андриян.

— Может, это и правда, — согласился Мрехин. — И я тоже когда-то баловался стихами...

Глухо пробубнил колокол, подвешенный у барака столовой, созывая лесоповальщиков на обед.

Андриян вынул платок, собираясь обтереть пот со лба и... пожалел его испачкать. Потому что это был прощальный — на добрую дорогу — платок матери. Он только тронул им губы, и представилось Андрияну, будто мать поцеловал он...

«Знала бы ты, мама, как я люблю тебя, как по тебе скучаю, — с нежностью подумал он. — Ты для меня самая красивая и добрая на свете. Самая заботливая... И не только обо мне были твои заботы, тяжкие после смерти отца. И о двух моих братьях, сестре... Все вынесла ты, самая наша родная и дорогая... У каждого, наверно, самый святой на земле человек — мать, мама... И сама земля на них держится, ими живет...»

* * *

Что-то изменилось-переменилось в озлобленной душе Тита после того, как помог ему Андриян с деньгами. Хотя это его и немного унизило в собственных глазах. К тому же для Тита он был — в прямом смысле этого слова — начальником, которых он в любом их виде и качестве не любил после лагерной своей жизни.

Поначалу, располагая одолженными, а может, дареными деньгами, решил Тит, попросту говоря, пропить их, пустить на вольный ветер, но потом почувствовал вдруг: что-то останавливает, тормозит его желание. «Что за чертовщина? — недоумевал он. — Неужели совесть?.. Так она со мной давно распрощалась... — попытался посмеяться он над собой, но не смог. — Неужели разучился зубоскалить?» — удивился, а потом чуть ли не ужаснулся он.

Во время обеда Тит был на редкость покладистым, даже простил Мрехина за его очередные шутки насчет его имени и «большой ложки», да и после обеда работал он, как никогда усердно.

Хоть и выкладывался Тит после полудня, все равно норму не выполнил... из-за того, что утром волинил, «мантулил», как говорят в его родных краях. Потому и обычное недовольство всем и вся возвратилось к нему, потому все же решил выпить. Но только тайком...

Когда, изрядно опьянев, сидел он в своем укроме за кустами и деревьями, узрели-таки его глаза проходящего невдалеке Андрияна.

— Эй, поммастер новый! Пацан! Поди-ка сюда! — приказным голосом позвал он его.

Слегка опешивший от такого к нему обращения, Андриян с некоторой опаской все-таки подошел к Титу.

Жалуясь на тоску-скуку, тот снова попросил у него деньги.

— На еду, чес-слово — на еду... — даже заканючил он.

Не устоял Андриян — сунул ему деньги, и это безмерно поразило Тита: ведь он совсем не надеялся, да и не верил просто, что Андриян сделает ему еще одно одолжение.

— Бороться тебе надо, Тит, — произнес перед уходом Андриян совсем уже несусветную для того фразу.

— Да я и так со всеми борюсь... — пробормотал Тит.

— А ты сам с собой попробуй бороться, — назидательно сказал он, «пацан» (хоть и начальник), взрослому мужику Титу.

...На следующий день Тит, можно сказать, работал в четверть отпущенной ему жизнью силы, и даже увещательные слова Андрияна летели мимо его ушей, только опускал он крупную свою голову с надвинутым на лоб маленьким картузом.

После обеда он хотел и вовсе покинуть участок, но на этот раз лесорубы не дали ему совершить обычную в другие времена выходку.

...По вине Тита в тот день бригада не выполнила норму. Вот уж тогда — впервые! — дружно вознегодовали лесорубы. Пришел конец их снисхождению и терпению. Особенно наступательно вел себя Андриян...

Заметался, как затравленный, Тит, а к вечеру куда-то исчез. Вернулся за полночь. Постучал в окно возле кровати Андрияна, хриплым голосом попросил выйти. Заколебался было тот, но решив: «А... была не была!» — вышел на крыльцо.

— Ты прости меня, Андрей, — глухо заговорил Тит, от

которого и на этот раз разило водкой. — Подвожу я тебя... и мужиков наших тоже... Пойми, я на тебя зла не держу... Знаешь, Андрей, — вдруг разоткровенничался он, — совсем я в жизни запутался. Сбежать мне, что ли, отсюда? Посоветуй. Мне кажется, ты здесь единственный, кто меня понимает и кто мне поможет... — закончил он свою несобранную фразу и... заплакал.

— Ребята тоже помогут, — начал успокаивать его Андриян, — а сейчас лучше иди-ка приляг. Отдохни. Завтра поиному будешь думать. Недаром же говорят в народе: «Утро вечера мудренее...»

Послушался его неумный Тит, но долго не мог заснуть, ворочался с боку на бок, бормотал: «Плякка, Плякка! На всю жизнь тебя полюбил... Хочу увидеть тебя...»

Не спал Андриян, в минуты эти по-человечески жалея этого нескладного и, наверно, несчастного человека, которого, видать, очень сильная безответная любовь так скрутила. «Бывает же такое!» — подумал он, засыпая.

* * *

В воскресный день Андриян отправился побродить по лесу. Вспомнились ему попутно и родные приволжские леса, вспомнились и чувашский дуб-батюшка, о котором родной народ поет в древней песне: «Наш отец — вековой дуб»; и «липа вековая, что над рекой стоит»; и клен остролистый, что ветви простер у околицы деревни рядом с робкими осинками; и ветлы деревенские — ивушкины сестрицы... И безрезки знакомые с детства ему пригрезились.

И здесь, в Карелии, на сотни верст — белоствольные, милые его сердцу березки, куда ни глянь, везде.словно разлинован лес белыми их стволами. Идешь — и даже запах березы ощущаешь, в нем — запах воды. «Ручейной, речной и озерной, — думал волжский парень. — А озер этих в Карелии неисчислимое множество. Прозрачны они до дна, глубоки и студены. По осени — как сейчас — плавают густо на их поверхности рдьяные листья. И земля, и валуны ими покрыты. И все будто пылает золотым пламенем. Но больше всего, наверно, здесь сосен и елей. Как высоко вытянулись они в безмерное небо! Можно подумать порой, что, вырвавшись из земли, стоят готовые взлететь в высь. Во Вселенную!»

И грустно подумалось Андрияну при взгляде на одну из стройных красавиц-сосен: «Как жаль, что упадешь ты на землю под звон бездушной стальной пилы! И я сам стану

виновником твоей гибели. И будет у меня болеть сердце, когда увижу я тебя поверженной. Я, с детства приученный сажать деревья, дарить им жизнь...»

В осеннем лесу Карелии вспомнились ему родные... Старший брат Иван, который стал таким же, как он, «специалистом» по лесу и работает в Приволжском лесном хозяйстве.

Сразу же после приезда в Карелию Андриян написал домой письмо. Не дождавшись пока ответа, он сейчас же решил написать еще одно.

Андриян присел на обомшелый пенек, вынул из кожаного планшета чистый лист бумаги и начал не спеша писать.

«Здравствуй, мама. Недавно написал и послал к вам большое письмо, наверное, к этому времени вы уже получили его, но от вас до сих пор нет ответа.

В первом письме я уже сообщил, что на место назначения доехал хорошо. Рабочие Деревянского леспромхоза встретили меня очень тепло. Мама, сейчас я живу хорошо, здоров.

Здесь, в лесу, работы очень много, очень нужны специалисты. Мой приезд оказался весьма кстати.

Как вы живете? Скоро вышлю вам немного денег. Когда ты их получишь, сразу же купи себе материал на платье. Ладно, мама?

Петя и Зина, вы как живете, как идут учебные дела? Постарайтесь учиться получше, помогайте маме. Письма пишите почаще.

Интересуюсь еще житьем-бытьем старшей сестры отца Лизук. Как у нее со здоровьем? Мне очень хочется знать обо всем.

Передайте привет от меня всем нашим соседям.

Будьте здоровы. Андриян».

Вложив письмо в конверт и заклеив его, написал Андриян адрес. И как раз в это время услышал вдалеке звук пилы. «Что это такое? — удивился Андриян. — Сегодня же воскресенье». Он быстро встал и зашагал на звук пилы. Одноручной! Временами ее визг прерывался звоном топора.

И вот, наконец, он у цели. У поляны, на окраине которой хозяйничал... Тит. И сразу бросилось в глаза Андрияну — облюбовали его пила и топор молоденькие березки. Удивило его сразу и то, что обычно неторопливый на лесосеке, работал Тит очень быстро, аккуратно и толково.

— Стройматериал, древесину заготавливаю, — увидев Андрияна, невозмутимо произнес Тит, не прерывая своего браконьерского дела.

— Сейчас же прекрати! — во все легкие крикнул ему Андриян.

Но тот и не подумал выполнить его приказа. Больше того — спиной к нему повернулся.

Стремительно рванувшись к Титу, Андриян с силой толкнул его в крутое плечо. И откуда только взялась у него эдакая силища? Огромный Тит, словно подрубленный ею, рухнул на землю. Стальная пила — сообщница его — переломилась надвое: одна половина ее осталась в стволе березки, другая — в руке лесного браконьера.

Не сразу поднялся неуклюже упавший Тит. А когда встал на ноги, отбросив в сторону обломок пилы и выудив из кармана оловянный кастет, резво шагнул к Андрияну.

— Сейчас я тебя убью! — грозным шепотом сказал он.

Сначала Андриян растерялся — нет, — даже испугался, потом как-то сразу пришел в себя.

— Ты не сумеешь этого сделать, — спокойно сказал он.

— Почему?

— Я не хочу тебе зла.

Вдруг Титу показалось, будто у него «взорвалось» сердце. Он подскочил к Андрияну, этому еще совсем мальчишке, вскинул над ним тяжелый кулак с зажатым в нем кастетом.

Вместе с праведной злобой на губителя юной поросли так любимых им березок, вновь влилась в молодое и неокрепшее тело все та же, никогда не ощущаемая Андрияном огромная сила.

— Чарән!!! Шуйттан!!!* — закричал он, перехватывая жилистую руку Тита.

И далеко в глубь леса полетели эти два чувашских слова: «Чарән!!! Шуйттан!!! Чарән!!! Шуйттан!!! Чарән! Шуйттан! Чарән! Шуйттан! Чар... Шуй... Ча... Шу... ча-ш...»

Вдруг, видимо, начиная соображать что-то, бессильно опустил свой, смерть несущий, кулак Тит.

— Ты что, чуваш? — искренне и безмерно поразился он, пытаясь улыбнуться, но улыбка никак не могла выплыть на его лицо.

— Какой же ты человек! — негодовал Андриян. — Неужели ты можешь вот так — запросто — из-за выгоды своей убить человека?

— Что ж в этом особенного? — никак не мог обрести улыбки Тит. Потом, опустив в карман кастет, выпростал откуда-то «лосиный» нож: — На, держи. Желаеть — убей

* Чарән. Шуйттан (чув.) — Перестань. Черт.

меня! Семнадцать писем написал этой дурехе, своей любимой, в ответ — ни одного! Ну, скажи, зачем мне жить на белом свете? Убей меня, прошу, — запаленно продолжал он, обнажая грудь. — Или вначале малость поговорим? Давно уже по-чувашски не калякал. Соскучился по родному слову. Откуда ты?

— Как же это так? Как это можно так запросто убить человека? — все еще кипятился Андриян.

— Да угомонись же ты, Андрей! Айда поговорим, сядем.

Он отошел в сторонку и уместился на стволе недавно спиленной им березки.

— У меня не хватит духа сесть на умертвленную тобой чистую березку.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся-таки Тит. — Удивительный человек ты, ребенок-мальчишка еще, — но все же встал со ствола и пересел на пеню.

Андриян примостился на пне по соседству, помолчав немного, вымолвил:

— Я из Мариинско-Посадского района. В Марпосаде закончил лесной техникум.

— Сэндэр... ворри? (Мариинский Посад — по-чувашски Сэндэрворри). Знаю! Я из Мурзина, близ Шоршел.

— Да что ты говоришь? Мы же совсем земляки... — удивленно промолвил Андриян. — Как ты оказался здесь?

— Это — длинная история, — проговорил Тит, доставая кисет. — С другой стороны, не такая уж и длинная.

— Я уже знаю, что ты сидел в лагере...

— Да! Сидел! — сказал Тит.

— Слушай-ка, Тит. Ведь ты вовсе не «Тит», — успокоившись, сказал Андриян. — Недавно узнал в конторе: звать тебя Фома, ты чуваш.

— Да, никакой я не Тит. Чуваши зовут меня Хумой, а по документам я Фома. Меня тут считают лентяем и обжорой, поэтому имя новое мне присвоили, следуя прибаутке: «Тит, иди молотить». — «Голова болит». — «Тит, иди кашу есть». — «А где моя большая ложка?» Таким образом я и стал Титом.

Андриян внимательно слушал исповедальные речи Тита-Фомы.

— Знаешь ли, Андриян, я должен убить одного человека. Или сильно избить...

— Кого? — удивился Андриян.

— Не бойся, не тебя. Поверь, из-за крайнего своего возбуждения поднял на тебя руку. Я же — псих! Я никогда

никогда тебя не трону! Тот человек привязался к моей любимой девушке, которая обещала выйти за меня замуж.

— Я слышал, что ты сам пытался лишить ее жизни.

— Да, это так. И она посадила меня в лагерь. Но я все равно не перестал любить ее. Немного подзаработаю здесь деньжат, вернусь домой, к матери. Женюсь. Но только на ней! Любимой! Ох! Видел бы ты ее. Красавицу Плякку! Откровенно говоря, Андриян, я и сохну-то, и бешусь, и злюсь на всех от своей беспросветной любви. Ох! Ты бы видел меня, как я сражался на фронте! Шел прямо и явно на смерть. А смерть-то меня не брала, обходила всегда стороной. А видел бы ты меня, как я после фронта в колхозе трактористом вкалывал! Норму выполнял на все двести! А знаешь, какая радость была для меня получать письма на фронте от нее, любимой моей? Каждую неделю писала. А сейчас не пишет. А знаешь, каким счастьем были для меня встречи-свидания с ней? И это счастье отнял он! Ох!.. — как титишный ребенок, зарыдал здоровенный Тит-Фома.

— Кто же он? Этот человек, которого ты хочешь убить-избить?

— Да есть в наших краях один, — сквозь слезы сказал Фома. — Он вначале Плякку обкрутил, а потом женился на другой. Учительнице...

Андриян вновь возмутился.

— Хватит толковать об убийстве! Порочного человека нужно поправлять в его поступках... — горячо выпалил он. — И по-русски, и по-чувашски...

Потом Андриян резко поднялся и скорым шагом пошел к ближайшему озеру. «Шлеп!» — послышался звук падения «лосиного» ножа в чистые глубокие воды — это Андриян закинул его на самую середину озера.

* * *

...На следующей неделе на участке Андрияна появился Семеныч и похвалил его: «Хорошо ты начал свою работу, особенно с людьми, молодец!» В воскресенье техрук притащил Андрияну целую кипу книг: учебники по математике, по русской литературе и языку.

— Вот, принес все, что ты просил, — сказал он удовлетворенно: — Я рад тому, что ты такой любознательный, доволен, что хочешь учиться дальше и знать больше и больше.

Затем они завели разговор о трудностях на участке. Так, например, нет вездехода, чтобы быстро добраться до даль-

них уголков лесосеки. Очень много грубых ручных работ. Бензопилы — нарасхват, сучкорезок нет вообще. Хорошо, что еще работяги не ропщут, понимают: прошло лишь два года, как закончилась война...

И все же собеседники подсчитали все потребности для успешной работы участка, подготовили кое-какие заявки.

* * *

Погожие деньки длились недолго — начались затяжные нудные дожди. Даже гати на лесовозных дорогах перекрыла жадная вода. С превеликим трудом, то и дело проваливаясь в темноте в хлябь, возвращались лесоповальщики со своих участков. Все уставали до изнеможения, но Андрияну было, пожалуй, потруднее, чем любому из них: он был самый молодой на участке, всего лишь восемнадцать ему... Но он трудился наравне с самыми крепкими и двужилыми лесовиками.

— Ты не позоришь доброе имя чуваша, — сказал ему как-то Фома, который в последнее время всегда старался быть рядом с ним.

— А ты?

— Здесь до сих пор еще никто не знает, что я чуваш, — поспешно ответил Фома.

— Знают, Фома. И давно. Жаль, что как раз ты доброе имя запачкал нашего народа, покуда здесь жил...

Замолчал и надолго задумался Фома...

Перед тусклым заходом солнца два чуваша решили потолковать, как говорится, основательно и серьезно.

— Знаешь, Фома, и до нашего приезда в Карелии побывало немало чувашей. Добрую память оставили они о себе, — сказал Андриян, присаживаясь на щелястую скамейку перед общежитием. — Во время гражданской войны героически сражался здесь Хрисанф Кольцов. Ему, семнадцатилетнему добровольцу-комсомольцу, командование Красной Армии вручило почетный знак с надписью «Храброму воину Карельского фронта».

— В семье Кольцовых было два брата, — продолжал рассказывать Андриян. — Об одном, Хрисанфе Михайловиче, я уже говорил. А другой брат — Константин, младший по возрасту, воевал в этих местах с фашистами. Константин был поэтом. Если я скажу: Кэстюк Кольцов, может, ты и вспомнишь такого поэта.

— Да, да, — обрадованно ответил Фома, — я даже стихи его знаю, слушай:

...Под густой черемухой с любимым
Девушка свиданья нынче ждет,
А над ней, красивой, в небе синем
Круг за кругом чертит самолет.

Потом он вдруг обратился к Андрияну со словами, в которых сквозило неприкрытое уважение:

— Андриян Григорьевич, откуда ты все это знаешь?

— О Кольцовых рассказывал мой любимый учитель Михаил Петрович. Кэстюка он хорошо знал лично. У него есть стихотворение «С Карельского фронта». Я прочитаю тебе отрывок из него.

Как родной дом, дорога ты мне, Карелия,
Как любимая девушка-невеста, красивая.
За оскверненные твои поля и леса
Никакой пощады не будет врагу.

Вперед, вперед, храбрый мой сверстник,
Как буря-ураган, вперед пойдем, родной!
Для того, чтобы разбить врага вдребезги
Закаляется наша неиссякаемая сила.

— Слушай-ка, Фома, — дотронулся до его дрогнувшей руки Андриян. — И ты, и я можем сказать теперь по-русски словами Кэстюка: «Как родной дом, дорога ты мне, Карелия, как любимая девушка-невеста, красивая».

— Пока я так не могу сказать, Андриян. Вот ежели моя любимая Плякка приедет сюда, может быть, и для меня Карелия будет дорога, как родной дом, красива, как любимая девушка-невеста... А как сложилась судьба этого Кэстюка?

Андриян, глубоко вздохнув, начал рассказывать:

— В одном из писем домой Кэстюк Кольцов писал: «До последнего дыхания буду сражаться, чтобы разбить фашистов наголову! Сейчас не время думать о своей собственной жизни. Наши думы-помыслы о судьбе нашей Родины, о судьбе нашего будущего поколения».

Кольцов не вернулся с войны. Злая вражеская пуля обрвала его молодую жизнь. Могила пламенного чувашского поэта где-то здесь, в Карелии. Эх, если бы мы ее разыскали, Фома, то поклонились бы ему...

— Разыщем! — взволнованно сказал Фома. — Знаешь, Андриян, мой отец тоже погиб на Отечественной войне. Я тоже, чтобы отомстить за отца, добровольцем, раньше призывного возраста, пошел на фронт...

Андриян, заметив, что Фома разнервничался, поспешил повернуть разговор на заботы завтрашнего дня...

Ох, и соскучилась же Анна по своему сыну: «Как живет он там? Как работает? Очень уж хочется увидеть его! Ай, как далеко он уехал! Птицей полетела бы я к любимому сыну, но нет крыльев».

Когда Андриян получил первую зарплату, купил и послал он в подарок маме красивый фуляровый платок. Пригласил к себе в гости.

«Я бы поехала к нему, только как поедешь в такую даль, надолго бросив дом?..» — думала Анна.

Однажды во время таких ее раздумий и навестила Анну Варвара.

— Салам! — сказала она еще с порога. — Как поживаешь, Анна?

— Ай, Варвари, салам! Проходи в красный угол, — радушно встретила Анна свою подругу. — Как поживаю, спрашиваешь? Живу помаленьку, по Андрияну скучаю.

— Слышала. Чуть ли не на край света он уехал. А мы ждали его в наших краях. Ты, подруга, шибко не переживай. Твой сын молод — пусть посмотрит большой мир... Землю...

Вдруг глазастая гостя увидела на стуле новый головной платок.

— Ай-ай, Анна, откуда он у тебя? Откуда такой красивый шелковый? — завистливо спросила она.

— Подарок от Андрияна, с первой зарплаты подарок, — радостно ответила Анна, подходя к иконе.

Перекрестившись, как великую драгоценность достала из-за нее письма сына.

— Вот пишет, что на лесозаготовках помощником мастера работает. Что нравится ему там. И зарабатывает хорошо. Прямо обрисовал красивые те места. Пишет, мол, озер там видимо-невидимо, что рыба в них кишмя кишит. А какие цветы там красивые цветут, пишет! Много грибов, рассказывает, там да еще черники, брусники, ежевики, клюквы...

— Молодец твой сынок! — завидующими глазами посмотрела Варвара на подругу, и та уловила в них какую-то печаль. — Всегда был молодцом, всегда выделялся среди других мальчишек. Поезжай, Анна, поезжай к сыну, ежели приглашает...

— Приглашать-то приглашает, да вот как решиться в такую дальнюю дорогу? — ответила та, потом спохватилась. — Да что же мы только говорим-говорим. Как это русские утверждают: «Без обеда не красна беседа», — и она мигом спроворила гостевой стол, устала его всем, что имела.

— Передай своему сыну, Матвею, салам от меня! — сказала Анна.

После обеда тщательно скрываемое Варварой плохое настроение как будто бы улучшилось.

— Не сомневайся — передам, — ответила Варвара. — Раз вспомнили Матвея, признаюсь тебе: не сложились у него жизнь с женой. А причина-то главная в том, что любит она до сих пор другого. Ты знала его... Василия Ведюкова...

И все же не удержала язык Варвара, постепенно возбуждаясь, начала было хулить свою бывшую невестку. Анна, прервав ее, встала на ее защиту:

— Ты больно-то дурно о ней не говори... У меня четверо детей. Не в обиду другим детям сказано, но ближе всех мне Андриян. Почему, думаешь, Мария, Мария Ивановна, любила его всем сердцем? Потому что оно у нее доброе, отзывчивое...

— Может, Матвей и сам во многом виноват, — задумчиво сказала Варвара, — уж больно он у меня ревнивый, а когда ревнует, недобрый, прямо бешеным делается. Оскорбить, унижить мог он Марию... — и вдруг она повернула разговор в другую сторону. — Коль мы Ведюкова Васyleя упомянули, скажи-ка, подруга, как там она, мать его? По-прежнему — не в себе?..

— Сегодня утром заглядывала к ней. Горяченькие блины занесла. Ждет все сына... Каких-то кукол наделала, ласкает, баюкает их... Это, рассказывает, мои внучата...

— Наслышана, наслышана, — перебила ее Варвара. — Ты ведь помнишь, когда началось у нее помутнение? Когда убили мужа ее, Петра Ведюкова. Почитай, года эдак три дурной бродила по деревне. Потом, вроде, послабление ей от сатаны вышло — и воскресла ее душа. А как прилетела черная похоронка — опять вселился в ее голову и душу недруг-обманщик, нашептывает-нашептывает: жив, дескать, сынок твой, Васyleй... Ох, несчастная, до сих пор верит, что жив он, ее ненаглядный... В одно время думала: а вдруг случится такое и с Марией? Не случилось: убедилась, пришло, наконец, понимание, отошла от липучей ненормальной веры-надежды. Молодая, образованная, а что со старухи-матери возьмешь? Да-а... — протянула она.

— Андриян вон рассказывал, — проговорила Анна. — Когда в каникулы послали его за солью и возвращался он домой вечерней зарей... «Смотрю, — говорит, — у околицы мать Василия застыло стоит. Сама вся в черном. И заря вырисовывает каждую складку на платье. Как памятник стоит, и руки — на сердце...»

— Это сына Васyleя она, ненормальная, вышла встречать... с парохода... — печально завершила о ней слова Варвара.

Поговорили, поговорили еще немного уже на пороге старые подруги, до конца излив душу, заботы свои, печали и радости. И легче стало на душе у каждой.

* * *

Случается же на свете чудо! Даже сам поверивший было в свою неминуемую и скорую смерть, бывший сосед и дружок детства Марии Виктор, потихоньку-полегоньку, но стал поправляться. Что вдохнуло в него живительные силы? Страстное желание жить, красота окружающего мира? Неизбывная любовь к Марии? Стихи, которыми он в последнее время так увлекся? Никому и никогда не разгадать причин этого чуда...

Однажды утром Виктор, лежа в постели, размышлял о жизни и смерти. О любви... В несбыточных мечтах своих порой он вновь погружался в дрему. Вдруг перед окнами избы заурчал мотоцикл, потом остановился он. А когда мотор его совсем заглох, донеслись до Виктора и слова мотоциклиста, обращенные к его матери:

— Если я не ошибаюсь, вы тетя Дарья, а Виктор ваш сын?

— Да, я мать Виктора. Дарья. А ты сам кто будешь?

— Фамилия моя Смирнов. Мы с вашим храбрым сыном почти всю войну провоевали рядышком, вместе побеждали...

— Э-э-э, отважный командир Смирнов, значит, это ты будешь? — как родному человеку обрадовалась ему Дарья. — Мой Виктор без конца тебя вспоминает.

...Торопливо одевался больной Виктор. Когда он уже подпоясывал гимнастерку широким ремнем, в горницу вошел Геннадий Смирнов в форме лейтенанта. Обнялись бывшие воины Отечественной...

— Дорогой дружище, Геннадий Яковлевич, — не удержал слез радости Виктор. — Спасибо тебе, что разыскал меня.

Дарья хотела уже собрать стол. Да вот незадача: выставить-то на стол нечего. Всполошенная, побежала она к соседям.

— Приехал командир Виктора... — запыхавшись, сообщила она Ульяне, та мигом все сообразила. Снабдила ее целым кувшином пенистого чувашского пива, маслом, хлебом даже. И целый круг чыгыта сунула соседке.

Конечно же, кое-что поесть-попить Смирнов и сам привез. Через окно он позвал своего братишку, который напросился с ним в поездку, по-военному приказал принести объемистый рюкзак.

Когда они сели за стол, гость предложил хозяину выпить по рюмке коньяка. Слегка стусевавшись, тот отказался.

— Да ты что, солдат, на самом деле умирать собрался, что ли? — грубовато пошутил Смирнов.

— Собраться-то не собрался, но пока что мне худо, — чистосердечно признался Виктор.

— Коли до сих пор жив — значит, минует тебя безглазая, — сочувственно, но убежденно твердо сказал Смирнов.

— Эх-х, Гена, добрый мой командир! Как хочу я верить твоим словам! — промолвил Виктор, с любовью глядя на Смирнова.

— Пью до дна-донышка за твое здоровье! — высказав свое самое сейчас сокровенное, лейтенант осушил рюмку.

...Потом, почти как в стихах известных говорится: «Друзья вспоминали минувшие дни и битвы, где вместе сражались они...» Друзей фронтовых — и погибших, и выживших, — конечно же, вспоминали.

Долго продолжалась их задушевная, со слезами на глазах, беседа. Потом братья Смирновы вызвались помочь Дарье выкопать огородную картошку.

«Эх, — с обидным сожалением думал Виктор, — если бы была в теле сила-силушка, я бы тоже с ними бок о бок работал».

Так надоело Виктору сидеть на охапке картофельной ботвы, что с помощью костыля-товарища доковылял-таки он до работающих.

— Я тоже хочу работать, — тихо сказал он и, с натугой наклонившись, захватил пятерней одну картофелину и бросил ее в ведро.

С сочувствием и в то же время с нескрываемой радостью посмотрел бывший командир на бывшего своего солдата, подумал: «Обязательно он поправится. Обязательно! Ведь он начал работать!»

На полчаса труда хватило Виктору сил. Но когда сел отдохнуть он, то ощутил, что дышит он в полную грудь, что сердцу в ней вроде легче стало. И опять захотелось ему поработать. Взял он в руки лопату, но Смирнов упредил его намерение:

— Этого делать пока не надо. Пособираю немного картошку — и хватит! Даже такой труд для тебя уже победа!

Смирнов не захотел не завершать начатой работы, и братья остались ночевать.

Бывало, Виктор всю ночь бредил. Мать кое-как разбирала иногда бредовые слова его и фразы. Но в нынешнюю ночь почти спокойно и умиротворенно спал ее сын, только лишь раз промолвил — не выкрикнул! — какую-то короткую фразу.

К вечеру следующего дня огород был чист от картофельных куртин. Как радовалась тому Дарья. И еще тому, что Виктор, ее Виктор, сумел принять участие в самой картофельной копке.

...Только вдвоем сидели за вечерним столом фронтовые друзья. Всласть наработавшийся Смирнов выпил свою рюмку, и, глядя на него, у Виктора вдруг появилось настойчивое желание хотя бы пригубить ее. И на этот раз его старший по воинскому званию друг даже поощрил его.

— Я помню о твоей любви, — отхлебнув глоточек коньяка, сказал вдруг Виктор. — Как сейчас?.. — недоспросив, посмотрел он на Смирнова.

— Сейчас? Сейчас она, дождавшаяся меня девушка, — моя жена. И я люблю ее, кажется, еще больше, чем прежде...

«Да, — с доброй завистью подумал Виктор. — У него счастливая любовь, счастливая судьба!» — и слеза покатилась по его впалой щеке. И его друг все понял...

До поздних сумерек проговорили фронтовики. О многом. Но больше всего — о любви, верил и уверял своего друга Смирнов, что не обойдет она стороной и его...

Потом уехали братья, но скоро... вернулись. По настоянию братишки Смирнова Виталия... Чуткий старший брат догадался, сердце ему подсказало: хочется ему побыть еще, по-настоящему попрощаться с соседкой Виктора девочкой Олей, с которой он провел почти все время, если не оказывалось ему быть в гостевой избе или на картофельном огороде.

Хорошо зная характер своего младшего брата, он понял: зачистит, зачистит парень в эту деревню. Вначале под видом того, что хочет навестить дядю Виктора, а потом как-то откровенно скажет: «Знаешь, брат, Олю давно не видел. Соскучился».

...Еще до развода с Марией сбылось одно из желаний Матвея Архипова: его назначили директором школы.

Ничего не скажешь, уже в первый месяц его директорства в школе улучшилась, как говорится, учебно-воспитательная работа. Под строгим оком директора подтянулись учителя, тщательнее стали готовиться к занятиям, да и внешний вид их изменился.

...Были ребята, которые часто пропускали уроки. Директор приглашал их к себе на беседу, узнавал причину пропусков, просил больше не делать этого. А ребята давали крепкое слово. И после этого два мальчика опоздали на занятия, один из них убежал с последнего урока. Директор пригласил родителей этих мальчиков к себе на беседу. И ребята исправились.

А ребята! И они стали лучше учиться, совсем прекратились неуважительные пропуски уроков.

В один из душных пасмурных дней своей жизни с тоскою на сердце возвращалась Мария в родительский дом. У крыльца, будто ожидая ее, стоял чем-то довольный Виктор. Поздоровавшись, он протянул ей объемистый платочный узелок:

— Прошу тебя, возьми, — сказал он, проникновенно глядя в самую глубину ее глаз. — Друг фронтовой прислал, бывший мой командир... Яблоки, апельсины, лимоны... И даже консервы... А мне, Мария, лучше стало, аппетит появился, и, смотри, я даже без костылей, даже без клюшки хожу... Расцветает во мне жизнь...

— А во мне, наоборот, угасает... После развода Матвей назвал меня пропащим человеком. Временами белый свет не мил, жить совсем не хочется...

— Не говори так, Мария. Жизнь такая красивая, такая прекрасная. И у тебя все лучшее еще впереди!

Неведомо, что произошло после слов этих с Марией, но ей вдруг захотелось рассказать Виктору о своей несостоявшейся жизни семейной. Все — подробно и полностью. Так подробно, как она еще никому не рассказывала.

С горьким вниманием слушал ее горячую исповедь верный друг детства.

Когда она замолчала, то как-то удивленно, просветлевшими глазами посмотрела на Виктора, промолвила:

— А ведь верно... того... поправляться ты начал. И по лицу, и по настроению видно, извини, коль немного испортила его своими жалобами и нытьем. Уверена, месяц за месяцем, день ото дня будут возвращаться к тебе силы, похищенные болезнью, а точнее — войной... Слушай, через месяц-другой похлопочу за тебя. Может, оформят тебя весовщиком на ток? Оформят! Это работа как раз пока для тебя...

* * *

Роза Мадурова по-прежнему учительствовала в Дрожжаном. Упорно готовилась к новому штурму пединститута. Преподавала она трудный — по понятиям многих — предмет — физику. Вместо Матвея Сергеевича.

Однажды на новогоднем школьном вечере один из ее учеников — смуглый черноглазый мальчишка — прочитал стихи чувашского поэта Уйпа Мишши. Там были знакомые ей строки: «Ночь Карелии очень уж красива, ночь Карелии синее, как стекло».

Сердце Розы тревожно вздрогнуло: она вспомнила того парня, с которым пришлось ей мимолетно познакомиться на пароходе. Да, да, он читал Розе это стихотворение, и собирался тот парень именно туда — в Карелию. «Наверно, работает сейчас в тамошних лесах, — думала она, — шагает в лесных просторах по глубокому снегу в высоких — до самых колен — валенках. А я и адреса его толком не знаю... Кричал: ... «леспромхоз». Но какой «леспромхоз?»

И та недавняя, в общем-то, встреча живо предстала перед глазами девушки. «А как было бы хорошо в зимние длинные вечера читать письма этого занятого шоршелского парня. Постой-ка, — размышляла она, — а если написать просто: «Карелия, леспромхоз, чувашскому парню»? Наверно, конечно. И едва ли найдут его по такому «адресу». Получается что-то вроде: «на деревню, дедушке».

* * *

А «тот парень», как называла в мыслях его Роза, там, в далекой Карелии, оказывается, — и может, это вовсе не странно — тоже... вспоминал ее, Розу, с первой и единственной встречи так понравившуюся ему. Больше того — он ждал от нее письма, ждал и надеялся его получить.

В эти зимние длинные вечера много книг и на русском, и на чувашском прочитал Андриян. Как-то в воскресенье его «уединение с книгами» нарушил Фома.

— Что, Андрияша, не в институт ли готовишься ты поступать? — спросил он, присаживаясь рядом. — Вижу, что-то записываешь...

— Об институте я пока не думаю, а записываю я свои мысли, впечатления в дневник, так сказать, выбрасываю их на белую бумагу, — без утайки ответил Андриян.

— А обо мне там есть хоть две строчки? — поинтересовался Фома.

— Есть! — коротко ответил Андриян.

— Тогда и я вошел в историю?

— Каждый человек в какой-то степени входит в историю, Фома... — начал философствовать Андриян.

— Да, история, — задумался Фома, закурил. — Расскажи-ка, Андриян Григорьевич, об истории чувашского народа. Твои слова о братьях Кольцовых перевернули мне душу...

— Древние предки чувашей, болгарские и суварские скотоводческие племена, — начал говорить Андриян, — в I тысячелетии до нашей эры кочевали в верховьях Иртыша. В начале нашей эры из-за неисчислимых засух они оторвались от остальных тюрков и начали продвигаться на запад. Во II—III веках они оказались на Северном Кавказе.

— Это точно? Или версия? — с нетерпением вставил Фома.

— Историки так подтверждают, ученые, — ответил Андриян, показывая на кипу книг на столе. — Слушай дальше. Здесь предки чувашей испытали вторжение гуннов и других завоевателей. В начале VII века появилось государство Великая Булгария. Раскинулось оно от Каспия до Азовского моря...

Рассказывал Андриян и вставали перед его глазами целые страницы книг, посвященных его народу, и текла его речь, не спотыкаясь, почти по-писанному.

После распада Великой Булгарии одни из составлявших ее племена ушли на Дунай, другие — на север, к берегам Волги и Камы, некоторые остались на юге. Булгары и сувары проникли в среду восточнофинских, в основном, марийских племен, обитавших здесь еще с IV тысячелетия до новой эры, а также венгерских племен, переселившихся из Западной Сибири. Предки чуваш стали обитать в местностях, некогда составлявших центр болгарского царства. Они являются, вероятно, потомками волжских болгар. Эта догадка подтверждается тем, что чувашский язык очень близок к болгарскому, от которого сохранилось несколько памятников. Близость чувашского языка к болгарскому настолько велика, что мы можем считать нынешний чувашский язык потомком бул-

гарского языка, а чувашей — потомками деревенского населения Болгарского царства.

Большинство венгров переселилось на Дунай, где создало свое государство. Часть венгров осталась в Волжской Болгарии. К XII веку сформировалась единая болгарская (древнечувашская) народность. Иногда их называли сувазами, потом это слово «суваз» преобразовалось в «сювазь», а потом и в слово чуваш (чăваш). Поэтому историки говорят, что эту народность можно называть болгаро-чуваши.

Волжская Болгария по уровню своего развития стояла на уровне Киевской Руси и даже государств Западной Европы. Основными отраслями хозяйства были пашенное земледелие и скотоводство.

Некоторые племена древних чувашей в X—XII веках занимали место между Цивилем и Свиягой. Это были низовые чуваша — анатри. Другие древние чуваша поселились в лесистой местности между Цивилем и Сурой. Здесь они смешались с местным населением — древними марийцами. Они стали называться верховыми чувашами — вирьял. Постепенно обе группы чувашей слились в один народ.

С тех давних лет и веков утекло немало воды и крови. В начале XIII века жестокий и многочисленный враг пришел с востока, это были монголо-татары. Во все края устремились их «конные тьмы»...

Болгарская армия была неплохо организована и вооружена мечами, саблями, луками, палашами, кистенями, булавами, копьями... Воины были надежно защищены шлемами и кольчугами. Умели они и нападать, и упорно защищаться. Города цветущего царства были хорошо укреплены. Поэтому эта армия оказала врагу достойное сопротивление.

После разгрома русско-половецких дружин на реке Калке окрыленная успехом орда вновь двинулась на непокорную Волжскую Болгарию, где их отряды уже ждала засада. И потом монголо-татары терпели поражения. Только обрушившись с огромной армией на болгаро-чувашские земли, внук Чингис-хана Бату одолел их, сжег почти все города.

И все же через четыре года болгаро-чуваши поднялись против врага, и монгольскому полководцу Субедею пришлось повторно их покорять.

Так начался, пожалуй, самый трагический период жизни чувашского народа, он был насильственно включен в состав Золотой Орды, стал ее главным поставщиком хлеба. Кроме того — обложен огромными налогами.

Целых два столетия хозяйничали завоеватели в болгаро-чувашских землях. Это стало большим бедствием для народа, принесло ему неисчислимые страдания. Чуваша за это время забыли даже свою письменность. «Чувашскую книгу королева съела», — до сих пор говорят в народе...

В Золотой Орде между ханами шла постоянная междоусобица. В XV веке Орда раскололась, в Поволжье возникло Казанское ханство, и здешние народы — чуваша, марийцы, мордва, башкиры и удмурты, как и раньше, продолжали платить большие налоги — ясак, выполняли разные

повинности в пользу хана: поставляли конных и пеших воинов, лошадей, снабжали ханские войска продовольствием.

Лучшие земли края были захвачены татарскими феодалами. На этих землях гнули спину чувашские крестьяне и русские пленные. О том, какие унижения испытывали чуваша от угнетателей, в народе сохранилась легенда, очень похожая на быль.

В одной чувашской деревне на реке Суре жил Сарри, — продолжал Андриян. — Он был высокого роста и очень сильный. Все его уважали за храбрость. За могучую силу его называли Сарри-батыр. Сарри, как и все чуваша, тогда был в зависимости от татарского хана. Ханские войска насильно собирали ясак. При малейшем сопротивлении они жестоко избивали людей, дочиста грабили деревни.

Татарские воины приехали в чувашскую деревню собирать налог. Они силой забрали красавицу-дочь Сарри. Тогда Сарри собрал из близлежащих деревень дружину.

Однажды татарские воины ехали по дороге. Сарри дал знать своей дружине — трижды свистнул в дудку. Чуваша выскочили на дорогу, захватили обоз, перебили всех ханских воинов. Так были спасены дочь Сарри и другие захваченные чуваша.

Расширепел хан, узнав о случившемся, и послал свои войска для расправы с непокорными чувашами. Много жестокостей пришлось терпеть чувашам, но недолго. Сарри лесами пробрался к русскому царю. Он просил его прислать войска и защитить чувашей от ханского засилья.

...Наступил решающий декабрь 1546 года, когда чуваша и горные марийцы в результате народного восстания отпали от Казанского ханства и приняли подданство Русского государства.

В 1552 году русские воины «с огнем и мечом» двинулись на Казань. Во главе их был сам царь Иван Грозный. Русские шли от Суры к Свияге через чувашские земли. Чуваша радостно встречали освободителей. Они помогали им чем могли: строили мосты, чинили дороги в «тесных местах», дарили и продавали хлеб, мясо и мед. Многие чуваша вошли в ряды русских войск. Они вместе с русскими воинами сражались против ханского войска, помогли взять Казань.

В одном предании рассказывается такой интересный случай.

В войсках Ивана Грозного был один чуваш-гусляр. Он очень хорошо играл на гусях. Этот гусляр будто бы помог русским взять Казань хитростью. Дело было так. Русские войска подошли к Казани. Несколько раз пытались они взять город, но ханские воины держались стойко. Когда русские подходили к крепостной стене, то обороняющиеся осыпали их стрелами, обливали кипящей смолой. Русские не смогли сразу взять крепость.

Гусляр-чуваш любил по вечерам играть на любимом своем инструменте. В зорьней тишине далеко разносились волшебные звуки серебряных струн его гуслей. С волнением слушали его игру русские и сидящие за крепостной стеной татары.

И вот, говорят, однажды их посланец вышел из крепости, разыскал чувашского гусяря и пригласил его в Казань. Чуваш взял свои нежнострунные гусли и, широко шагая, пошел вслед за посланцем. Русские считали каждый его шаг. Так узнали они точное расстояние до крепостной стены. После этого начали рыть подземный ход, чтобы заложить под нее бочки с порохом. Наконец прогремел взрыв — стена рухнула, и русские ворвались в город. Казань была покорена...

Был ли в самом деле такой гусярь? Сказать трудно. Но известно: русские действительно сделали подкоп и взорвали крепостную стену.

Казанское ханство было повержено. Чувашский народ навсегда освободился от оков татарских ханов и феодалов. Но освободился ли от оков угнетения? Конечно же, нет: одни оковы сменились другими.

В Чувашии стали появляться города. В 1555 году в Чебоксарах была построена крепость. Города располагались по берегам рек. На месте слияния Большого и Малого Цивилия возник город Цивильск, где река Алатырь впадала в Суру, — Алатырь, в низовьях Суры — Ядрин.

Да, после челобитья чувашских посланников с просьбой о присоединении к Русскому государству царь Иван Грозный объявил «золотую грамоту», обещая чувашам и в дальнейшем льготы в уплате налогов-дани. И, действительно, эти льготы в первые годы присоединения проводились на деле. Но это длилось недолго. Угнетающее самих русских крестьян, государство не могло проявлять особого покровительства инородцам-чувашам. Происходила и насильственная христианизация... Крестьяне превращались в царских крестьян. Кроме обычной воинской повинности чувашские крестьяне отбывали «засечное дело», «городовое дело», то есть рыли валы, строили крепости, устраивали засеки, охраняли их. Везли «посопной хлеб», рубили и сплавляли по Волге лес. Платили «лесовые деньги», «лубяные деньги», если не выполняли натуральной повинности по заготовке леса и луба и так далее. Ходили на «мельничную поделку», везли чуть ли не за сто верст солому для казенных колесчатых мельниц. Крестьян гнали на «селитряное варенье» куда-нибудь к Симбирску, причем «рабочие люди» должны были из Чебоксарского, Ядринского и других уездов привозить с собой и дрова для селитряных заводов. Вконец разоряли крестьян ямской повинностью. Реку Суру нельзя было переехать без платы провозных или мостовых денег.

Чувашский народ испытывал и национальный гнет: царские чиновники, помещики и купцы преследовали народные обычаи и нравы, чувашский язык не признавался, он презирился даже в разговорной речи...

Общение чувашей и русских значительно изменилось и расширилось в период развития капитализма. Особенно чувашских и русских крестьян...

«Русские чувашам друзья, — говорили сами русские. — Чуваша — народ мягкий, разумный и находчивый, всегда сумеет своему приятелю русскому оплатить шуткой же. Русские идут в поручительство за чуваша и наоборот».

Добрые отношения сложились у чуваш и с другими народами Поволжья и Урала — марийцами, мордвой (эрзя и мокша), татарами, удмуртами, башкирами.

— Очень уж ты мудрено говоришь, Андриян, расскажи попроще... — прервал его усталый, но заинтересованный Фома. — Легенды какие-нибудь... Предания...

— Хорошо. Расскажу потом, — согласился Андриян.

— Хочешь прогуляться? Возьмешь меня?

— А может, сходим на охоту? — предложил Андриян.

Такое предложение очень обрадовало Фому, тоже, как и Андриян, страстного охотника.

И вот, обрядившись в дубленые шубы, напялив шапки-ушанки, натянув валенки, с двухстволками за плечами, на широких «охотничьих» лыжах отправились они в лес.

С этих пор такие лесные хождения после долгих бесед стали для них воскресной традицией. И хоть очень редко возвращались они с добычей, зато каких только лесных, волнующих душу чудес не встречали они.

* * *

В один из дней получил Андриян сразу два письма: от старшего брата Ивана и бывшего своего учителя. Как обычно, ответил на них сразу. В письме к Михаилу Петровичу просил он, чтобы присылал тот ему побольше книг на чувашском языке...

Беспокоило его, что долго нет писем от матери. Но длительное молчание ее объяснял примерно таким образом: «У мамы нет времени писать мне каждую неделю... Хорошо, если хоть два раза в месяц письмо или весточку от нее получу».

Однажды он решил написать к одной девушке из Шоршел, когда-то в детстве он дружил с ней. Учились они в одном классе, помогая друг другу, и были неразлучны.

Уже взял Андриян чистый лист бумаги, уже ручка потянулась к ней, как вспомнил он случайно услышанные слова ее матери, которые та сказала своей дочери: «Ты что, не можешь найти в деревне парня получше этого Андрияна? Да посмотри, как он одет! Весь в заплатках да в рвань». С тех пор их дружба пошла на убыль. «Нет, не буду я ей писать», — решил Андриян и отложил ручку в сторону.

Андриян, возможно, написал бы и Розе. Но ведь он не знал ее адреса. Она вроде из деревни Дрожжаново. А дальше что? Ведь и фамилия ее ему неизвестна!

Настойчивая по натуре — ну, прямо совсем как Андриян, — добилась Роза Мадурова своей желанной цели: поступила-таки на физико-математический факультет Чебоксарского педагогического института. Вернувшись на время в Дрожжаное — и, ох, как жаль, не встретив на пароходе... «того парня» (ведь бывают же, говорят, в жизни самые невероятные случайности), — к положенному времени — началу учебы в институте — приехала она в Чебоксары. На долгое время постижения педагогических премудростей приютила ее тетка, которой она гордилась и которой втайне завидовала. Это была артистка Елена Мадурова.

...Матвей Архипов, само собой, тоже был из породы настойчивых, но даже среди них выделялся он своей... непримиримостью в достижении цели. Ведь добился же он Марии? Добился! Не сложилась семейная жизнь — ну и ладно! Захотел стать директором школы? Стал!

Теперь вошла ему в голову идея перейти с заочного отделения на дневное. Ан — не удалось! «Ерунда, не надо переживать из-за этого, — минутно успокоил себя Матвей, — сделаю небольшой антракт...» И сделал: около месяца проработал учителем в какой-то школе, а потом заявился в Казань. В университет! Разыскал известного всей стране ученого-физика, не постеснялся обратиться к нему за помощью. Тот помог. Так Матвей Архипов стал студентом дневного отделения Казанского университета.

Прошло больше года, как приехал Андриян в Карелию. Идет вторая карельская его зима. Одаривает обильными белыми снегами, порою — жгучими морозами и колючими метелями.

Но сегодня день выдался хоть и студеной, но безветренный.

Как-то Андриян как завзятый лесовик в шубе дубленой, мохнатой шапке-ушанке, в подшитых огромных валенках спешил в сторону конторы леспромхоза. По дороге повстречался ему техрук Иван Семенович.

— Знаешь, Андриян Григорьевич, — обратился он, — мне надо бы с тобой поговорить по одному важному делу.

Андриян внимательно посмотрел на Семеныча, насторожился. До сих пор тот никогда не называл его по имени-отчеству. «Не случилось ли чего? — подумал Андриян. —

Может, Фома что-нибудь натворил? Может, дома что стряслось, а я еще не знаю?» Уловив его тревогу, Семеныч поспешно произнес:

— Ничего страшного не случилось. Толковали мы с директором и решили, что пора назначить тебя мастером. Как на это смотришь?

— Иван Семенович, я поразмышляю... Серьезно...

На том они и расстались.

«Почему любят его лесорубы? — подумал Семеныч, оглянувшись на деловито шагавшего Андрияна. — За его спокойный характер, за его честность, самоотверженный труд, за то, что он сам глубоко уважает настоящих трудяг. Он умеет ладить с людьми, они прислушиваются к его словам и под его началом работают без понукания. Пора, пора ему быть настоящим «командиром производства».

Перед обедом Семеныч как-то издали, исподволь снова завел с Андрияном разговор о «важном деле», но тот опять ответил ему прежними словами.

К удивлению Андрияна, подобный разговор затеялся, возник к вечеру... И не где-нибудь, а в общежитии. Инициатором его стал Мрехин, которого недавно избрали комсоргом. Он подошел к Андрияну, пристраивавшему свои промерзшие валенки поближе к знаменитой железной печке, и неожиданно сердито спросил:

— Что, молодой человек, стало быть, дезертируем?

Андриян, опешив, молча смотрел на Мрехина.

— В чем дело?! — наконец проговорил он. — Объясни!

— А в том, дорогой Андрияха, — совсем другим, убедительным и доброжелательным тоном заговорил Мрехин, — что тебе надо принимать роту.

— Какую еще роту?

— Тебе же предлагают должность мастера нашего участка. Почему не соглашаешься? Робеешь? — не то в шутку, не то всерьез стал наступать на него Мрехин. Потом обратился к окружившим их рабочим: — Вы не поверите, люди добрые, Андриян струсил! А кого боится? Нас с вами!

Вышел на середину комнаты самый «матерый» лесоруб, хохол Кузьма Калюк, подергал свисающий седой ус, заговорил:

— Ни, хлопцы, давайте поболакаемо спокойно. Дило тут нэ простэ. Андрию трэба его обмозговати. Думаю, що согласие ему трэба давать. А що до молодости, Андрий, нэ сомневайся. Она дилу нэ мешаэ. Такую я думку думаю... И ты, Андрей, тоже подумай крепко.

Да, пришлось Андрияну «думу думать» крепкую. «Лесо-

рубы хотят, чтобы я был их руководителем — мастером, — рассуждал он. — Можно ли отказаться? Нет! Если не соглашусь — меня перестанут уважать и директор, и Семеныч, и тем более — рабочие! Ладно, впрягусь в более тяглую упрягу».

Известно — у мастера и участок побольше, и объем работы пошире, Андриян стремился все время быть среди рабочих. И до того он закружился в своих бесконечных заботах, что запустил свой дневник. Превратился он в... недельник. Вот что написал как-то в нем Андриян:

«Всю неделю был сильный снегопад. Потом начались метели да бураны. В лесу снегу — по пояс. Добраться к месту работы можно было только на лыжах. Там, на месте, и обедаем. Хлеб, схваченный морозом, с трудом поддается ножу. Устаем адски. А проку мало. Не все выполняют норму. Что делать?»...

В обусловленное время Андриян поехал в Петрозаводск поинтересоваться судьбой заявок на бензопилы...

— Деревья надо валить так, — часто напоминал Андриян, — чтобы и вывозить можно было больше, и подрост-молодняк к тому же сберечь, не повредить, чтобы потом лес восстановился бы сам. Конечно, и посадку к нему когда-нибудь произведут. Но нам — нам! — нельзя работать варварскими методами.

На следующей неделе на участке был настоящий праздник — были привезены “выбитые” новым мастером бензопилы и сучкорезки, несколько тракторов и лебедок.

— С этого дня в нашем лесу началась революция! — восторгался Мрехин.

— О какой-то такой революции ты глаголишь, товарищ Умрехин? — притворившись недотепой, спросил Фома.

— Научно-техническая революция! — кинулся объяснять ему комсорг, объяснял, пока не сообразил, что морочит его Фома.

Работая на этом оборудовании, бригада в первый же день намного перевыполнила намеченное. Такого не случилось никогда! Радостные, довольные своим трудом возвращались лесорубы с участков, кто-то даже песню запел.

В бригадах, руководимых Андрияном Николаевым, дела налаживались по всем показателям. И по дисциплине тоже... Это отметили на собрании Деревянского леспромхоза.

Да и в самом поселке произошли изменения. Построили новое общежитие, отдельные жилые дома. Вот-вот откроется новая большая столовая. Менялись и люди, определялись их судьбы. Например, Мрехин поступил на заочное

отделение лесного техникума. А еще — женился он на местной красавице — хрупкой белокурой табельщице Инге. Целый новый щитовой дом дали молодой чете, и Мрехин навсегда распрощался с холостяцким общежитием.

Ближе к весне, в марте, «за успехи в труде» (как было написано в приказе) получил солидную премию Фома. «Пустой месяц» не стал для тебя пустым», — пошутил по этому поводу Андриян (чуваши март называют так: “пуш уйых”, что переводится «пустой месяц»).

Главной причиной того, что Фома начал так усердно и прямо-таки ударно трудиться-вкалывать, было то, что получил он такое желанное и долгожданное письмо от своей Плякки. «После распутицы-бездорожья приеду к тебе в гости, повидаться», — писала она в нем. «Может, останется здесь сновсем?» — размечтался Фома.

Однажды — и это не было ни для кого неожиданностью — Андриян Николаев выступил с почином: «Срубил одно дерево — посади два!»

— Лес нам дает жизнь и благополучие! — горячо говорил он на одном из собраний. — Нам надо работать с заглядом вперед.

Хоть работы на участке становилось все больше и больше, но удавалось иногда Андрияну и Мрехину свозить своих работяг в Петрозаводск в настоящее кино, театр, на концерты. Очень понравился всем спектакль по пьесе Горького «На дне». А Фома и вовсе глубоко задумался. Сказал своему мастеру:

— А ведь я чуть не опустился на это самое дно.

Поспешил успокоить его Андриян:

— Этому теперь не бывать!

Андрияну временами казалось, что колесо его жизни завертелось быстрее. Надо же — уже полтора года он работает в Карелии, вторую весну здесь встречает. Однажды, во время обеденного перерыва, разомлев от легкой усталости и красоты, окружавшей его, расстелил он на оседающем крупчатом снегу плащ, распластался на нем, устремив взгляд в сочившуюся сквозь вершины высоких сосен лазурь неба. Будто испарывая его, тянулся по небу пенообразный след реактивного самолета.

— Эх! — в сердцах воскликнул Андриян. — Как мечтается мне о такой высоте!

«Вот, — с какой-то горечью размышлял он, — люди там, в вышине, летают, а я лежу на земле недвижно. Хоть бы на маленьком аэропланчике в небо взлететь! — и вдруг, как подарок весны, родилась в его голове упрямая мысль,

цель! — Во что бы мне это не стало, я буду летать! Поднимусь в небо!»

В этот весенний полдень еще больше окрепла в нем давно вынашиваемая мечта поступить в авиационное, летное училище.

* * *

Совсем окреп к концу веселого месяца апреля Виктор. Глядя на него, никто не подумает даже, что так тяжело болел он, что безысходные мысли о смерти изгвоздили его душу.

Однажды, когда зеленые нежные ветви марьиной березы коснулись зеленых ветвей его, Виктора, липы, решительно отворил он дверь соседской избы. Навстречу ему встала взволнованная Мария, с гулким сердцем выслушала который раз слышанные ею его признания! И предложение, которого она втайне ожидала.

И сошлись их любящие души в едином согласии! А перед самым весенним севом собралась их негромкая и скромная, небогатая свадьба.

Виктор, работавший теперь на равных со всеми в бригаде своего тестя, неожиданно узнал, что на место его, работавшегося, прочат не кого иного, как именно Виктора. Давно знали люди о прилежании к труду этого бывшего солдата, одолевшего двух врагов — фашистов и свою физическую немочь.

...В глубине души Мария была рада, довольна, что в свое время нашла в себе силы, проявила твердость, чтобы развестись с Матвеем, хоть очень даровитым к точным наукам, но эгоистичным человеком.

Мария была наслышана о блестящих успехах своего бывшего мужа. Успешно закончил он знаменитый Казанский университет. Как лучшего студента оставили его в аспирантуре и тему серьезную предложили: что-то вроде связанное с физикой атомного ядра. Только не знала Мария о колебаниях Матвея, метавшегося между наукой и поприщем обычного школьного учителя. Честолюбие все-таки победило: он стал аспирантом!

Не знала Мария и о горьких мыслях Матвея, рассуждавшего в редкое свободное время: «Да, я знаю, все знают, что я талантлив... в труде, в науке. Но я, наверно, не способен создать не только хорошую, даже нормальную семью. Для этого у меня нет никакого таланта, способностей. Об этом знаю только я, Мария знает, больше — никто! Какой же я все-таки несчастный — односторонний! — человек!»

Когда Матвей уже начинал работать над диссертацией, внезапно умер его научный руководитель. И встала перед ним проблема: как продолжать учебу в аспирантуре над выбранной им темой? Ведь с этой темой глубоко соприкасался лишь покойный его руководитель и патрон. Паника овладела Матвеем... Поостыв и поразмыслив, он начал мечтать о переходе в аспирантуру Московского университета, и не только мечтать, но и предпринимать для этого какие-то шаги.

* * *

Плякка устроилась кассиром в одну из казанских столовых. Не удалось ей завести связи с Матвеем в бытность его еще студентом. Тогда она наладила переписку с Фомой, но как-то все не получалось ей приехать в Карелию. Одной из причин были не вполне ладные дела с деньгами. Тогда щедрый Фома выслал ей довольно крупную сумму. И еще была причина. Пожалуй, главная: она побаивалась Фому, ведь что ни говори — она сама в свое время отправила его в северные лагеря...

К чести Плякки, взялась она за ум, за образование: заочно поступила в кооперативный техникум.

И вдруг... вдруг, как снег на голову, неожиданно, неожиданно заявился к ней сам Фома. Это была горячая, искренняя, с воспоминаниями о прошлом, встреча. Плякка сразу заметила, как изменился он: окреп, загорел, да и одет прилично! И еще — в глазах его больше стало света любви к ней, такой пламенной в далекой юности. И девушка почувствовала, что в ней растет и ширится — несмотря на прошлые измены и даже предательство — большое ответное чувство. Как же не оценить было ей многолетнее и неистребимое временем чувство этого парня! Но никаких недозволенных чистыми традициями, обычаями поступков они себе не позволили, на этом больше всего настаивал Фома. Больше всего он говорил ей о своей любви к ней, рассказывал о своей жизни на севере, о мастере своем — тоже чуваше — Андрияне Николаеве, с которым он крепко сдружился, который принял большое участие в его нелегкой судьбе, который обещал помочь с квартирой, если только Плякка согласится поехать с ним в дальние края.

На эти слова Плякка ответила:

— Немного, чуть еще подожди... вот окончу техникум...

— У меня тоже мечта забрезжила: учиться дальше... — тихо промолвил Фома.

После тяжелой болезни в душе Виктора словно вспыхнули силы, а с ними еще больше и краше расцвела его любовь к Марии, у которой, как и у него, в глазах горел теперь счастливый огонь.

Виталий, один из братьев Смирнова, по-доброму завидовал им обоим. «Только настоящие и достойные друг друга люди могут крепко любить... Любят они взаимно и не налюбуются друг на друга... Как бы мне решиться поговорить, посоветоваться с Виктором о своей любви к Ольге, сестре Марии?» — думал он.

И вот пришел однажды Виталий к нему и услышал от него о многом, чего не знал, не понимал, не испытал раньше.

Скоро грянула свадьба. Сначала в Чебоксарах, потом в Мурзине... Свадьба двух студентов: Виталий заканчивал авиационный институт, Оля — медицинский... Впереди их ожидала большая, как они сами определили, «безотдышная» работа, впрочем, шутили они оба: много времени находили они друг для друга, друзей и товарищей.

...В конце летних месяцев начались затяжные дожди. Занепадало. Промокший хлеб начал портиться и в поле, и на гумне. Впечатлительного и ответственного бригадира Виктора это очень беспокоило. Безысходно горевал и негодовал он и до такой степени, что заболел и слег, сердце его забилося снова с перебоями.

Душевная и чуткая Мария как могла успокаивала и утешала мужа, жалея его. Он только улыбался бледной улыбкой, и на щеках его поблескивали радужные слезинки, временами он нутужно кашлял. Наконец Мария сообщила о несчастье Ольге, та, приехав в деревню, затеяла разговор об операции. Уговоры подействовали на Виктора и он согласился, тем более Ольга обещала поговорить о предстоящем — еще одном его испытании — с очень авторитетным и известным хирургом. Консилиум врачей под его руководством «пришел» к необходимому выводу: удалить злополучный осколок, угнездившийся невдалеке от сердца их пациента.

...Всю ночь вспоминала Мария тягостную жизнь (всего-то год!) с Матвеем и безмерно счастливую с Виктором. «Неужели она пройдет? Неужели?..» — и ноющее болезненное чувство опасности не оставляло ее до самой хмурой зари. На веках Марии окаменели слезы... «Да, я люблю его даже больше, чем когда-то Васю... — призналась она себе. — Нет, не должна погаснуть в одночасье моя голубая звезда!»

...Ассистировала на операции Ольга. Хирургу удалось

быстро и споро удалить злой вражеский осколок — в таких делах необходима была особая сноровка, опыт: ведь от них зависит сама жизнь пациента.

Тяжело поправлялся Виктор, долго еще неуверенно билось его сердце и настроение его было надломлено, невеселые мысли приходили в голову. Но все же как стойкий солдат думал он иногда: «Жизнь, я теперь не отпущу тебя, и ты меня не покинешь. Потому что в сердце у меня большая любовь!»

Ободренный этими думами, он попытался приподняться и сестра — боль пронзила его сердце, у него закружилась голова, он потерял сознание, навзничь упав на постель.

* * *

За своими заботами и назолами Андриян почти не заметил, как пролетели два с половиной года его работы на лесосеках Карелии. Пришел апрель 1950 года, когда весенние зори и солнышко землю воскрешают, когда в небе плывут синие облака и объемлют оттаивающую землю белые призрачные ночи. Этот месяц называют в народе снегогон, водолеем, соковником, водополом. В этом месяце апрельский цветок ломает снежок... В лесу остро и духмяно пахнет забродившими соками деревьев, набухшей корой сосен. Кажется, даже кора березы на солнце весеннем белее стала...

Апрель — благодатная пора для заядлых охотников. Андриян — именно из таких. Все выходные дни он проводил в лесу. Охотился на косачей лирохвостых, наблюдал за ними — чуфыркивающими и сшибающимися друг с другом. А скромные тетерки внимательно на них посматривали...

Глубоко дышал Андриян, вкушал вкусный апрельский воздух...

Как-то раз, возвращаясь с одной из таких прогулок, он встретился в поселке с директором леспромхоза. Низенький, начавший полнеть, директор всегда выглядел добродушным. «А сегодня у него какое-то особенно приподнятое настроение, — подумал мастер. — Так бывает с человеком, который радуется не за себя, а за других».

— Новость есть, Андриян Григорьевич, приятная, — сказал директор.

— Для кого? — нетерпеливо осведомился мастер.

— Для нас обоих. Но для тебя — особенно, — торжественно заговорил директор. — Сегодня был у меня военком. Так мы договорились насчет твоей брони.

— Какой такой «брони»? — пристально посмотрел Андриян.

— Короче говоря, дается тебе отсрочка от призыва на военную службу.

— Что?!

— Ты недоволен? — удивился директор. — Но пойми, ты сработался с людьми. Участок пошел в гору. Да и мастеров просто не хватает.

— Не выйдет! — сказал Андриян несколько грубовато.

К вечеру, несмотря на белые молочные сумерки, он уехал в район. Провел ночь в гостинице, а утром скорым шагом отправился к военкому. Все объяснил. Тот выслушал необычную его просьбу — только руками развел:

— А я думал, вы сами согласились на бронь.

— Никакой брони мне не надо, товарищ полковник, — твердо стоял на своем Андриян.

— Жаль только, что партия призывников, с которыми вы должны были ехать, отбыла сегодня ночью.

— Я их догоню, товарищ полковник! — с искренней готовностью пообещал Андриян.

— Вам надо пройти медицинскую комиссию.

Подумав, Андриян спросил:

— Скажите, а если я успешно пройду медицинскую комиссию, смогу ли я попасть в авиацию?

— А танковые войска или артиллерия чем хуже? — засмеялся полковник.

— Не хуже, конечно, но все-таки мне с детства мечталось попасть в авиацию.

Военком пожал плечами.

— Хотите, значит, стать летчиком? Ну что же... Посмотрим, что скажет медкомиссия.

Врачи всех необходимых специальностей долго проверяли здоровье призывника.

— В авиацию! — сказал председатель комиссии. — У вас отличное здоровье. Без малейших изъянов...

Директор леспромхоза, узнав о его непреклонном решении, вначале даже обиделся на своего молодого мастера. Но поразмыслив, сказал больше самому себе, чем ему:

— Молодым не надо вставать поперек дороги. Собирайся, я прикажу отвезти тебя на мотовозе, скорее доберешься, — сказал он и крепко пожал на прощание руку. А потом улыбнулся и почему-то заключил: — Хитрован!

Андриян улыбнулся, были его зубы бересты белей. Но Андриян и не думал хитрить и лицемерить, он просто очень хотел стать летчиком, и, если удастся, летать все выше и

выше. Он верил, что если сильно захочешь — обязательно взлетишь в небо.

Провожало любимого мастера на службу все общество, все рабочие во главе с Мрехиным. Пришел техрук Семеныч.

Всех поочередно расцеловал Андриян. И каждый пожелал ему всяческих благ, здоровья и успехов. С Мрехиным они молча и крепко обнялись.

Мрехин проводил его до самой станции. Перед расставанием он опять обнял своего любимого мастера, дружески хлопнул его по спине и “подарил” ему последнюю свою шутку:

— Ну, Андрюха, власть переменилась. Ты откомандовал свое. Теперь тобой будут командовать. Приготовься!

— Что ж, я готов стать настоящим и достойным летчиком! — бодро ответил Андриян.

Прежде чем попасть в назначенную ему авиационную часть, ему пришлось пересечь почти всю огромную нашу страну с севера на юг. Это было второе его большое путешествие за дальние пределы отчего края — Чувашии. Из Петрозаводска прибыл он в Ленинград. Затем миновал Москву, Воронеж, реки — Дон и Кубань, и вот, наконец, показалась сказочная страна — Кавказ... В его гористых, штурмующих небосвод отрогах ему и предстояло служить.

Жаркое, горячее солнце апреля вначале было ему в тягость после прохладной карельской весны. Но настоящие поистине горячие дни были впереди.

Скоро начался памятный для каждого солдата курс молодого бойца. С утра и до вечера они “трамбовали” плац, то и дело «молодняк» совершал изнурительные марш-броски, тщательно изучал доверенное ему оружие, учился метко стрелять...

Со стрельбой у Андрияна было вроде неплохо, а вот со строевой покуда не ладилось. Так и казалось, что нарочно какой-то недоброжелатель его с ноги сбивает. Вроде в лесных крепях Карелии приобрел он физическую закалку, а тут иногда выдыхался на марше... Правда, на маршевых бросках многие крепко изматывались. Не он один! Взводный не ругал его, а даже сочувствовал и подбадривал:

— Духом не падайте, Николаев. Вы просто еще не вполне акклиматизировались. После севера никак не привыкнете к югу. Но вы втянетесь в новую обстановку, уверен.

Андриян был рад таким обнадеживающим заверениям. Но «втягивался» довольно туго. Какое это было мучение со скаткой через плечо, при полной походной выправке вы-

шагивать или даже пробегать без передышки десятков-другой километров! Куда ни шло, если ночной марш-бросок. А если днем, когда печет безжалостное солнце?

...Прошел месяц. И Андриян незаметно втянулся — заставил себя втянуться! — в службу. Все вошло в норму. И не так жарко вроде стало палить кавказское солнце, и строевая не изнуряла как прежде, и обмундирование как-будто носил он уже несколько лет. После прохождения курса молодых бойцов состоялось торжественное принятие присяги. Выстроились солдаты на плацу ранним утром — в начищенных сапогах, выглаженных галифе, с автоматами на груди. Перед строем поставили стол, накрытый кумачом. Офицер каждого солдата выкликал к столу и каждый по отдельности зачитывал текст военной присяги. Когда была раздельно произнесена его обычная крестьянская фамилия, — несмотря на внешнюю сдержанность — Андриян разволновался: «Никогда никому не давал я таких клятвенных обещаний». Чувствуя серьезность происходящего, с гордостью громким голосом прочитал:

— Клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и Советскому правительству.

Об этом событии Андриян Николаев подробно поведал своему дневнику-другу.

* * *

Долго смотрел Матвей Архипов на небольшой глобус. Потом завертел его и отошел в сторону. «Как свободно и непринужденно он вращается! — думал молодой ученый. — На настоящий земной шар бы так посмотреть со стороны, а не на его модель! Выйти бы в космос и понаблюдать за ним».

Наконец глобус остановился. Архипов сел на свое место. Повернул глобус, пристально и внимательно стал разглядывать моря, океаны, горы, равнины. Шептал про себя: «Эх! Где-то на этих просторах, конечно же, могут быть запасы ядерного топлива. Если суметь их использовать, можно сделать жизнь краше, обеспеченнее».

Потом, надев очки, Матвей засел за работу...

...Уже тридцать два года стукнуло Матвею. Он заметно погрузнел, посолиднел, щеки слегка отвисли, видны заметные носогубные складки, волосы поредели. Лишь глаза его были по-прежнему ясные.

К этому времени Матвей успешно закончил аспирантуру при МГУ, защитил кандидатскую диссертацию. Его как способного ученого оставили работать в Московском университете. Видимо, здесь в основном помогло то, что на кафедре нужен был человек его специальности, а на вакантное место другой кандидатуры не было. Так он дошел до должности старшего преподавателя. Мечтал быть доцентом, а потом — профессором.

И по научной линии у него дела шли неплохо. Он не сомневался, что напишет и защитит также и докторскую диссертацию. А насчет создания семьи он уже махнул на себя рукой. «Неужели мне суждено судьбой жить без семьи? — иногда переживал он. — Неужели я не способен создать нормальную семью?»

Матвей жил довольно комфортабельно, в жилом корпусе для преподавателей. Имел большую квартиру... «И как это в такой замечательной квартире жить одному!» — порой страдал он. Частенько стоял посередине комнаты, вслух и громко разговаривал сам с собой по-чувашки:

— Я, Матвей Архипов, бегавший когда-то без штанов деревенский чувашский мальчишка, стал крупным ученым, преподаю физику. Способен подняться к заоблачным вершинам науки. А на земле не могу наладить семейную жизнь, как это делают многие и многие тысячи простых, ничем не отличающихся чувашей”, — и он чувствовал жгучую жалость к себе.

«Мне надо жениться. Жениться надо мне! Обязательно, — думал он как-то по весне. — Жениться и в летнюю пору уехать с женой на юг».

А до каникул осталось совсем немного времени. «Поеду-ка я на юг один и найду себе избранницу», — рассуждал он.

Вслед за этими горестными размышлениями Матвей одел синий костюм, белоснежную рубашку и пошел читать последнюю перед каникулами лекцию. После лекции в другой группе начал проводить консультации перед экзаменами. Подробно объяснил основные темы испытаний, доходчиво отвечал на многочисленные вопросы. Потом его окружили самые любознательные студентки. Среди них была и Эльвира, очень симпатичная блондинка с ищущим взглядом. Матвей давно заметил, что она всегда старается быть рядом с ним и задает ему дельные и интересные, сложные вопросы. Может, она из-за любви к физике всего-то на-всего уважает и его, преподавателя? А вдруг совсем наоборот. «Может быть, из-за любви к преподавателю уважает

физику?» Естественно, он такие вопросы ставил перед собой в шутку. Но как только серьезно начинал он думать о создании семьи, то быстро прогонял саркастические мысли из головы.

Когда два любознательных студента ретировались, осталась лишь Эльвира и ее верная подруга. Их интересовали тонкости физики диэлектрика. Матвей стал объяснять вопросы на доске, исписав ее множеством формул. Эльвира старалась ловить каждое его слово, стоять ближе к своему преподавателю и даже после консультации в коридоре шла рядом с ним, додумывая свои вопросы.

Девушки поблагодарили Архипова и направились в противоположную сторону коридора. Матвей не утерпел, чтобы не оглянуться на красавицу Элю. Действительно, все-таки в ней ему нравилось все, больше того — она интересовала и волновала его. Он глубоко вздохнул. «Возможно, что она ко мне хорошо относится лишь потому, что мечтает получить “пятерку” на моем экзамене?» — обреченно подумал он, потом сразу прервал себя: «Нет, не поэтому! Она же по всем остальным предметам учится на “отлично”. Надеюсь, что здесь что-то другое...»

Ныне Матвей видел, вернее — поставил перед собой две главные задачи: как можно быстрее закончить докторскую диссертацию и жениться... Создать нормальную семью. Ему до тошноты надоела одинокая бесприютная жизнь. Прошло уже восемь лет, как он разошелся с Марией, и все и за своего «самоугодия». «Поеду в большой город и быстренько найду себе красавицу из красавиц», — уверенно думал он, когда уезжал из Юрганов. Однако не нашлась эта красавица ни в Казани, ни в Москве.

...Ночью Матвей сел за письменный стол и попытался заставить себя работать. Но ничего путного у него не получалось: то образ Марии вставал перед ним, то виделись сцены из просмотренного «Бахчисарайского фонтана», то вообще чертовщина какая-то упорно лезла в голову...

С болью в висках от дум своих и отсветов белой бумаги он встал из-за стола и вышел на улицу. Долго гулял по самым различным местам столицы. Да! И как это могло вылететь из его головы? Сегодня же у него — не спавшего всю ночь — экзамен. Надо хоть часочек вздремнуть!

...Экзамен прошел успешно. Только одна девушка ответила на “удовлетворительно”.

Стол экзаменатора украшал роскошный букет цветов... Матвею запомнилось, как весело светились глаза Эльвиры, как слова ее звенели тихим серебром: “Спасибо вам, Мат-

вей Сергеевич, большое спасибо!» — «За что?» — «За то, что даете глубокие знания, за то, что научили любить физику».

Их понимающие, поблескивающие глаза встретились. «Как она таинственно, завлекаяще смотрит на меня! — вдруг поразился Матвей. — Что-то непонятно. Неужели?!»

После экзамена, после такой напряженной работы, Архипов решил основательно прогуляться. На улице он опять вспомнил Эльвиру: «Неужели... Не может быть! А вдруг?... Студентка любит своего преподавателя! Все может быть, и ничего удивительного, необычного здесь нет! Хотя по возрасту разница между нами большая: десять лет».

...А вот Розу не смог он со всей ясностью вспомнить.

«Эх! — вздохнул он. — Эх! Личная жизнь не получилась у меня, — терзал он свое сердце. — Жизнь не удалась!» — и в душе Матвея возникла злоба на себя и свою неласковую судьбу. Он вновь вспомнил счастливые времена молодости, вспомнил любимую от всей души Марию.

Да, никого в жизни, как Марию, он никогда не любил. «Сейчас, конечно, я ее носил бы на руках. Дурак я последний, кристально чистую любовь не смог сохранить, — корил он себя. — Ведь осуществилась заветная мечта! — женился на ней. Был какое-то время очень счастливым!»

* * *

Случается так у слишком целенаправленных людей, особенно у девушек: они любят что-то одно, определенное. Так и Эльвира любила физику. И только это. Пока у нее не было любимого парня и едва ли в ближайшее время такой мог появиться.

Проникновение в тайны естественных наук казалось ей похожим на вхождение в новый неведомый мир. Ученые-физики делают открытия, познают доселе неизведанные тайны природы, мироздания. Эльвире грезилось, что она всем существом и разумом своим входит именно в эти тайны. Вместе с тем она все же опасалась порой, что ее уводит в сторону от не менее увлекающей тайны — тайны человеческих взаимоотношений. Недавно ей исполнилось двадцать два года. А по-настоящему она еще никого не любила. И непознанность этого чувства временами заставляла затрагивать, тревожить глубины ее души, сердца. Тогда Эльвира начинала запоем читать книги, в основном научные. Цель Эльвиры: как можно глубже проникнуть в загадки физики, получить диплом с отличием, поступить в аспирантуру.

Потом, может быть, займется она обустройством и семейных проблем. А пока — учеба. И только!..

Она слушала лекции многих профессоров, слушала и академиков. Однако лекции Архипова нравились ей больше всех иных. Когда Матвей Сергеевич прочитал свой спецкурс, она ясно ощутила, что поднялась еще на одну ступеньку выше в изучении тончайших законов физики...

И не только это... Архипов был куратором их группы. Студенты обожали, больше того, любили его, не стесняясь рассказывали о своих нуждах, жите-бытье. Куратор помогал им советами, старался всегда выполнять и удовлетворять их просьбы.

По окончании учебного года, с завершением всех экзаменов, Матвею надо было провести собрание в группе. Студенты собрались в намеченное время и стали ждать прихода куратора. Не было случая, чтобы Матвей Сергеевич опаздывал, он всегда входил в аудиторию точно в указанное время. Но сегодня он почему-то задерживался... Староста сходил в деканат, и там ему сообщили, что Архипов внезапно заболел. По инициативе Эльвиры, что говорится, скинулись на большой букет цветов. Староста и две девушки направились на квартиру доцента. По дороге Эльвира все жалела преподавателя: «Работает, не жалея себя, потому и заболел. Стоит ли так ломать голову из-за этой пресловутой науки? До сих пор без семьи. Из-за этой «жестокой» физики он не может жить по-человечески». И странно, именно в минуты этих ее рассуждений она неожиданно почувствовала какое-то охлаждение к так любимой и почитаемой ею физике...

Студенты долго задержались у Архипова. А Эльвира, движимая чувством хоть чем-то помочь в его неустроенной жизни, осталась на некоторое время. «Дай-ка ему пол помою», — решила она. В это время Матвей тайком, но стеснительно бросал быстрые взгляды на девушку, как это делает почти каждый мужчина в подобной ситуации.

«Почему она со мной разговаривает так предупредительно? — думал он. — Незамедлительно выполняет любые мои просьбы? Неужели только из-за того, что без ума от физики? Она же обыкновенная, хотя и очень умная девушка. А я... Возможно, любит меня? Нет! Нет!» — приостановил он свои мысли.

— Счастливо оставаться, до свиданья, Матвей Сергеевич, — наконец попрощалась она с Матвеем. — Выздоровливайте быстрее...

После ухода Эльвиры его настроение немного поднялось. Но потом опять одолела грусть-тоска, разболелась голова, во всем теле почувствовал он неизмеримую тяжесть. Мучительно хотелось спать. Но сон все равно не шел! Мысли в голове бродили самые разные, но все чуть ли не бредовые...

Только к вечеру еле-еле, с великим трудом уснул он. Но, пожалуй, был это не сон, а обрывки болезненного бреда. Вот один из них... Что-то загромыхало, и из... космоса спустился великан, ростом от земли до самого седьмого этажа. Встал перед окном.

...В последнее время Матвей, можно сказать, мыслил по-русски. И разговаривать приходится ему, разумеется, больше на русском языке. Но сейчас, при разговоре с этим великаном, говорил он вперемежку то на русском, то на чувашском языках. Тот общался с ним тоже подобным же образом: «Я — вечный человек!» — начал он. Потом повел с ним долгую беседу. По его словам выходило, что он, хотя и такой огромный, способен вмещиваться в поступки обыкновенного человека и возбуждать его на необыкновенные мысли. «В свое время я был в мозгу Ломоносова, владел умами и других величайших ученых, помог им осуществить всемирно известные открытия», — говорил великан. Он готов был помочь и Архипову, если тот даст согласие войти в его мозг. «Пока не надо, — возразил ему Матвей. — Я сам попробую решить встающие передо мной сложнейшие проблемы». «Как знаешь! — сказал великан. — Если согласишься, я сейчас же сделаю тебя профессором, потом член-корреспондентом, а затем академиком. Нужно только твое согласие!» Архипов поспешил перевести тему разговора в другое русло: «А как у вас там, во Вселенной... обстоят дела с... женским вопросом?» Великан быстро ответил: «У нас нет такой проблемы. Мы — бессмертны! Не рождаемся, не умираем. Поэтому для воспроизводства женщины не нужны. Живем без женщин».

Долго разговаривали они, спорили. «Хочешь, я тебя сейчас же сделаю бессмертным, вечным человеком?» — великодушно предложил великан. Матвей наотрез отказался...

Архипов проснулся, вернее, вроде бы пришел в сознание. Только что увиденное казалось полнейшим бредом. Он по-настоящему испугался, что сходит с ума. Несмотря на слабость и головокружение, Матвей оделся, пошел прогуляться.

Как ни странно, долгие его хождения вернули ему силы и здравомыслие. Придя домой, он быстро уснул. Но... но под

самое утро у него опять начался бред. Снилось, как будто он сам у себя берет интервью, еще какая-то чертовщина. Пришедший наутро врач поставил диагноз: грипп. Архипов болел очень долго, с осложнениями...

Время не остановить: Эльвира окончила университет... Ей казалось, что как будто она свалила с себя целую гору, как будто лопнула в душе ее та золотая пружина, которая двигала все ее мысли и устремления в течение пяти лет напряженной студенческой жизни...

— Да, теперь я уже не студентка, — вслух промолвила она. — Я совершенно самостоятельный, независимый от костных традиционных университетских правил и догм, человек. — Она быстро поднялась и оделась. «Нет, теперь я уже не как студентка иду к нему, — решительно думала она, перекладывая букет цветов из одной руки в другую. — Теперь и разговаривать буду с ним не как студентка...»

Вот и корпус, где живут преподаватели университета. Скоростной лифт вознес ее на седьмой этаж. После небольшого раздумья о том, как приветствовать, как обратиться, как и о чем разговаривать с Архиповым, Эльвира нажала на кнопку звонка. Тишина... Больше она с Архиповым не встречалась. Чувства к нему перегорели в ее сердце...

* * *

Роза села писать давно задуманное ею письмо. Но с чего начать?... Написав обращение: «Матвей Сергеевич!», подчеркнула его дважды.

А что же писать дальше? С четверть часа сидела она в глубоком раздумье, однако ничего не приходило ей в голову.

На одном из пальцев Розы был памятный ей перстень, и это он напомнил ей о Матвее, надоумил ее написать ему письмо...

Вернувшись с дипломом домой, Роза осталась работать в том же Дрожжаном. Времени уже прошло порядочно. В дни очередных зимних каникул одна из ее ближайших подружек пригласила ее на посиделки — «гаданию на кольцах», — которое историей своей обязано глубокой старине, древним чувашским обычаям. Хотя и была Роза, как она говорила, свободна от всяческих предрассудков, предложение подруги ее почему-то заинтриговало. Именно этот перстень опустила она в ритуальное ведро с водой, назвав

имя Матвея. Опустив другой перстень, назвала свое. И что удивительно, после этого языческого обряда чувство любви к Матвею, едва теплившееся где-то в дальнем уголке сердца Розы, возгорелось с новой — необычной — страстью. Решилась, наконец, она послать ему весточку. Но — вот заковыка — не пишется письмо... Потом вдруг строчки одна за другой побежали по бумаге. Однако ни разу не упоминалось в них желанное слово «любовь». Написала она о том, что окончила пединститут, что теперь так же, как и раньше, живет и работает в Дрожжаном. «Улучив время, приезжайте и посмотрите на Дрожжаное, — так закончила Роза свое послание. — Все же здесь есть места, которые вы знаете, есть близко знакомые вам люди».

...Это письмо оживило душу Матвея и очень обрадовало его. Он вспомнил о своей работе в Дрожжаном, о встречах и разговорах с Розой вспомнил. «Да, почему же я до сих пор совсем не думал о ней, — «бестолочный» в обычном быту, Матвей машинально хлопнул себя по лбу ладонью. — Роза на самом же деле любит меня! Но ведь я был уверен, что она давным-давно уже вышла замуж!»

Он поспешил написать ответное письмо. И все же в его воспаленной голове витали-роились и такие — вполне обоснованные — мысли: «Может быть, она и на самом деле вышла замуж? Может быть, пишет просто так, от нечего делать?»

Матвей снова взял в руку тетрадный листок в клетку. Синим по белому на нем было написано так: «Я еще все так же одна. Вы сами, Матвей Сергеевич, как живете?»

«Может быть, она выходила замуж, а выбор оказался неудачным?» Наконец, отметая все подозрительные свои предположения, он твердо — вслух — сказал, почти выкрикнул:

— Все равно я на ней женюсь!

«Погоди, не говори так прямолинейно: ведь она ничего же не сказала тебе о том, что не против связать с тобой свою судьбу», — появилась в мозгу более здравая мысль.

И все же почти за полчаса спешно написал он ответное письмо, отослав его авиапочтой.

Хотя Роза очень ждала ответа, но все же сомневалась, думая: «А вдруг он вовсе и не получит моего послания?» Но не прошло и недели, как прилетело оно, желанное письмо. Девушка поняла, что основная идея его заключается в следующих строках: «Я тоже все еще живу один... Я не против соединить наши жизни... Как только получу от тебя добрую весть, тут же примчусь в Дрожжаное».

И это писал Матвей, который всегда нравился Розе. Тот самый Матвей, который женился на другой. Теперь он, Матвей, пишет ей, Розе: «...Я не против соединить наши жизни...»

Получив такое письмо, Роза не знала, радоваться ей или негодовать. Причиной ее негодования были девичья скромность и обманутые когда-то Матвеем ее чистые чувства. Но все же негодование постепенно проходило. Хотя она твердо не надеялась на то, что теперь (после стольких лет разлуки) выйдет за Матвея замуж, девушка все-таки исподволь мысленно начала готовиться к свадьбе. Однако об этом она никому заговя не говорила.

Получив телеграмму со словами «Ждем. Приезжайте», Матвей накопил всевозможных свадебных подарков и Розе, и будущим родственникам. До самого Дрожжаного мучили его сомнения и неуверенность в серьезности предполагаемых событий.

— Эх, была не была! — обреченно махнул он рукой, нарочито бодро подходя к околице. — Что суждено, того не миновать!

...Нет, Роза вовсе не шутила. С первого же взгляда Матвей ясно увидел: в ее глазах все также сияет чувство любви, хотя и лицо ее было тоскливо-серьезным. Но временами замечал Матвей, что Роза смотрит на него то испытующе, то с каким-то осуждением.

Матвей тоже посмотрел на девушку испытующе. В ответ она улыбнулась ему. Иначе и не скажешь — ...«синей» улыбкой: ведь глаза-то у нее такой глубокой голубизны. Весь облик ее как бы говорил ему, вернее, подтверждал воочию: «Вот гляди, я совсем не изменилась, может, даже привлекательнее стала».

— Пожалуйста, заходите в избу, Матвей Сергеевич, — радостно проговорила Роза.

Поднимаясь на крыльцо, Матвей неловко оступился: он чувствовал себя довольно стесненно. Пройдя в главную комнату, он почтительно подал руку отцу Розы, потом ее матери. Из всех сил он старался скрыть свое волнение. Но это у него получалось плохо. Все понимали причину его стеснения: ведь в свое время он отверг Розу...

Вскоре собрались родные Мадуровых и люди, хорошо знавшие Матвея. Устроили маленькую пирушку.

— Прости меня, Роза, — уже несколько раз повторил Матвей. Он сам удивился тому, что в его сердце так сильно разгорелось чувство любви. — Прости меня. Когда-то по молодости я крепко ошибся...

— Ладно, Матвей, не будем об этом больше вспоминать, — как можно ласковее сказала она. — Не будем ворошить прошлое.

На следующей неделе решено было сыграть свадьбу...

* * *

В доме Мадуровых шумела-гремела свадьба. Родители невесты настояли провести свадьбу по мере возможности по-старинному, по чувашским обрядам. Роза надела на голову тухью. Все женщины повязались сурбанами, на голову надели хушпу.

Пригласили древних стариков — зурниста и пузыриста. Хотя они играли неважно, но все же эти национальные музыкальные инструменты напоминали красочную древнюю чувашскую свадьбу. Однако же ее в самой большей мере украсила игра на старинной скрипке. Пригласили и гармониста, думая, может быть, что и он будет необходим. Но эти хлопоты с гармонистом были напрасными. Красота свадьбы создалась и без него. «Другие свадьбы справим с гармошкой, — поговаривали пожилые женщины. — Раз уж взялись, давайте-ка свадьбу Розы проведем по своим обычаям. Ведь раньше у чувашей гармони вовсе не было».

Матвей сидел в красном углу в белоснежной вышитой рубашке. Он не сводил глаз с Розы, любовался своей будущей женой...

Маша, девушка-подружка Розы, непрестанно наблюдала за женихом, заметив восхищение Матвея Розой, запела на чувашском языке:

Что хорошо играть-смеяться?

Хороша девица с тухьей на голове...

Потом Роза, накинувшая белую фату, запела своим грудным голосом обрядовую песню — «плач невесты»: «Эх, папочка и мамочка, ухожу же я от вас навсегда. Эх, как не хочется!»

Мать Розы Варкка, обрадованная тем, что ее дочь нашла хорошего мужа, не прочь была малость похвастаться: еще бы, старшая дочь ее, Роза, счастливо выходит замуж за известного преподавателя Московского университета.

Мать Варкки не была дочерью бедняка. Она сберегла и свое девичье “богатство”. Состарившись, перед своей смертью она раздала к этой свадьбе монеты для хушпу, серебряные деньги. Из женщин, участвующих в сегодняшней свадьбе, еще трое надели на голову хушпу.

Матвей на миг почувствовал себя совсем в другом — давнем — времени, что будто он сидит не на своей свадьбе. На несколько секунд ему показалось, что живет он в поэтичных, сказочных дедовых временах. Конечно же, раньше, в далеком прошлом, стол не был бы накрыт так богато, как сейчас. Сами чувашаи тогда тоже такими радостными улыбками не сияли. На старинной свадьбе, соблюдавшей все языческие обычаи, старались сколько можно есть и пить, как говорится, «от пуза», потому что знали: на следующий уже день придется им голодать или попрошайничать.

Многое поразило Матвея в разнообразных, сложных, мудрых и красочных обрядах свадьбы по древним обычаям. И все же глаза его неотрывно смотрели чаще всего на Розу: «И как это я мог, посмел пренебречь ею в свое время?» — корил он себя. Потряс его душу плач невесты. Фольклорные плачи, заговоры и прочее практически не переводимы. Плач красив по форме, трогателен по содержанию. Примерный перевод его такой: «Вэль-вэль цветок, вэль цветок, желтый цветок у улья. Когда осыпятся лепестки с цветка, улей лишится красоты. Ах, матушка моя, батюшка мой, как только покину я дом родной, он лишится красоты».

Матвей, услышав этот плач, осознал, что не засушили еще его душу наука и тяжкие в ней изыскания.

...После свадьбы, прожив в деревне около недели, молодожены объехали весь Крым и только через месяц оказались в Москве. С величайшим трудом удалось Матвею устроить молодницу-молодку в вычислительный центр университета.

И для Матвея начались дни счастливой жизни.

* * *

Виктор как бы перестал чувствовать свое сердце через месяца два после сложной операции. Ушла из него боль, из души ушли тревоги и унынье. «Поправили, починили вы мое сердце, острый осколок из груди удалили! — беспрестанно благодарил он врачей. — Теперь, уже точно, обрету я здоровье, новое дыхание, новую счастливую жизнь!»

Завтра Виктор раным-ранешенько отправляется на работу.

Что-то детское все же осталось в его характере. Так в передний угол повесил он яркую лампочку — «голубую звезду». Он знал, что если с утра, например, посмотреть на что-то голубое, то день обязательно добрым, удачным будет. Он давно отметил умиротворяющее действие голубого

цвета на себя и внушил эту мысль и Марии, и детям своим. А может, и вовсе нет здесь ничего странного?

Виктор был очень доволен, что в его семейной жизни сложилось все благополучно. Мария всю душу свою отдавала ему, своему мужу, детям, конечно же, любимой учительской работе. «Настоящая мать должна быть как Мария», — часто думал Виктор, который навсегда хотел забыть, что она в стародавние года была недолгой женой Матвея, и даже мальчик родился от того неудачного замужества. Умер он...

Мария расцвела ныне красотой здоровой — пусть в годах уже — женщины. И что удивительно, у нее, как и у младшей ее сестренки Ольги, при улыбке, которая так часто стала появляться на лице, на щеках стали проступать милые ямочки. Раньше этого не было, видимо, потому, что раньше-то ей очень редко приходилось улыбаться, а может (в свое время), и вовсе не приходилось.

Чуваши говорят, что у женщины, которую любят муж и дети, на лице часто образуются такие «улыбчивые» ямочки.

— Видимо, от того, что Виктор ее сильно любит, преобразилась моя Мария, красивее, чем в молодости, стала, — радовалась старая Ульяна.

Матери... Они же все видят, все знают, все замечают и понимают. Они хорошо умеют читать каждую морщинку, каждую ямочку на лицах своих детей.

...А недавно важное событие произошло в семье бригадира Виктора: зная его добросовестность и рвение в работе, колхоз послал его на одногодичные курсы при Чувашском сельскохозяйственном институте...

РЯДОМ С ГАГАРИНЫМ

После окончания военного авиационного училища Андриян, как положено, получил назначение в авиачасть.

Когда-то, в отрочестве, он мечтал: «Хотя бы на маленьком аэроплане подняться бы в воздух». А мечтал он так, когда шагал в Мариинский Посад среди кружения бабочек-капустниц, белянок, голубянок, зорек, репниц, боярышниц, переливниц... Целая крылатая радуга витала вокруг него!

И вот он поднялся в небо. Свыкся с крылатым кораблем. Отличая его знания, стремление их углубить, ему доверяют ответственные боевые задания. А летает Андриян с большой охотой.

Вот он в кабине реактивного «Мига». Под ним — леса, рощи, холмы, болота, луга, уходящие далеко-далеко озимые поля. Все выше и выше в небеса стремится его грозная машина — и за горизонтами встают новые горизонты.

Совершенно неожиданно он вспомнил, как его учили плавать. Жесткие старшие мальчишки завезли его на лодке на середину глубокого и коварного, с крутыми берегами Цивилия и сбросили в плавно текущие его воды, пахнущие осокой и таволгой. То погружаясь в глубину, то вновь из нее выскакивая, и руками, и ногами бился о воду мальчик Андриян. Когда еле-еле выбрался он на скользкий глинистый берег, понял, что теперь он не утонет никогда, потому как усвоил жестокий этот урок. Он научился плавать.

Когда он учился летать, случилось примерно так же. Инструктор через пару полетов жестко и непререкаемо сказал: «Хватит тебе показывать, веди машину сам. Окунайся в воздух!» И Андриян взял на себя управление. Самолет вел себя вначале очень странно: словно спотыкался о небесные кочки, то вдруг задира л нос, то наоборот — неожиданно резко устремлялся к земле. Потом, совсем через небольшое

время, стала послушной машина, летела плавно, спокойно, не отклоняясь от курса. Красиво!

...Сейчас он вел самолет на посадку. Наконец его колеса коснулись земли. Выполнено еще одно боевое задание!

Командир звена эскадрильи капитан Юрий Воронин объявил:

— Николаев, тебе телеграмма, — и протянул бумажку.

В телеграмме сообщалось о приезде его матери — Анны Алексеевны.

Николаев вытянулся и отдал «честь».

— Товарищ капитан...

— Вольно! — быстро прервал Воронин. — Я знаю, что ты хочешь сказать. Поспеш на встречу, лейтенант. — Вот-вот должен прибыть поезд, — посмотрел он на часы. — Да не бегом... Выделим тебе машину.

Только лишь на две минуты раньше прибытия поезда приехал Андриян. Подбежал к указанному в телеграмме вагону и на руках спустил на землю свою любимую маму. Долго не выпуская ее из крепких сыновьих объятий, он целовал ее то лицо, то руки. В таких случаях редко кто может сразу найти нужные слова...

— Молодец ты, мамочка, — только и вымолвил он.

Анна Алексеевна привезла с собой деревенские гостинцы: шыртан, лепешки, варенье и сырые яйца.

— Вы надолго? — спросил ее командир Воронин.

— Что надолго? — не поняла Анна Алексеевна.

— В гости-то надолго приехали?

— Думаю неделю погостить, — без обиняков ответила она. — Если понравится, если разрешите, могу пожить и месяц.

— Будем считать, что мать Андрияна приехала к нам в часть в гости на целый месяц, то есть на тридцать дней, — и Воронин утвердил свое решение командирским взмахом руки.

Андриян, обрадовавшись этим словам командира, радостно и благодарно засмеялся.

Вечером долго сидели у него гости. Потом мать с сыном беседовали до глубокой ночи. Обоюдным новостям не было ни конца, ни края. Анна Алексеевна по порядку поведала, как живут его деревенские знакомые, а он рассказал о каждом своем друге-летчике.

Во время гостевания матери у сына его приняли в члены партии.

Вот что он записал об этом событии в своем дневнике:

«Меня приняли в члены партии... Когда я вышел на ули-

цу, над аэродромом уже рдели звезды. О чем я думал в тот памятный вечер? О многом, и, конечно же, прежде всего о своей жизни, за которую мне впервые пришлось отчитываться. И эта суровая отчетность за свое прошлое, нынешнее и будущее наполняла душу горделивым чувством: ты на виду у всех. Тебе оступаться нельзя. Я как бы заново открывал себя и людей. Так, в сентябре 1957 года у меня как бы было два дня рождения. Особых торжеств, конечно, не было. Но ребята, летчики и техники, собрались у меня дома. Мама приготовила ужин. Сидели допоздна. Пели песни, играли на баяне. Рассказывали всякую всячину. Не помню, кто-то сказал не без дальнего прицела: «Желаю, чтобы у тебя был и третий день рождения». Я понял, что имел в виду мой друг. Все мы, молодые пилоты, тогда страстно мечтали о каких-то новых, пока неведомых самолетах. Вслух грезили: «Чтобы и скоростенка была приличная. Скажем, две звуковые скорости. И высота — ну, на худой конец, тридцать километров. И, само собой разумеется, оружие мощнейшее. Тогда ты, как летчик, считай, заново родился». Мечтать-то мечтали, но, честно сказать, все это казалось таким далеким, как вон тот Орион в полуночном небе... Как самая яркая звезда в небе — Бетельгейзе!

Анна Алексеевна погостила у любимого сына один месяц и еще одну неделю...

И днем, часто и ночью, ясным и солнечным днем, иногда и в непогоду и наволочь, между землей и высоким небом билось сердце Андрияна. И в зимние трескучие морозы, и в летние жаркие дни, и в весеннее половодье-яроводье, и в ненастную осень он поднимал свой воздушный корабль в белое движение облаков, в лучи солнца и шел по заданному курсу.

И так хотелось Андрияну подняться еще выше, так мечталось увидеть весь земной шар во всем его объятии!

...Однажды приехал к нему в гости и младший брат Петр. Служил он шофером в наших войсках в Германии. По пути домой в долгосрочный отпуск заехал в авиагарнизон. С разрешения командира полка Андриян показал ему свой самолет, а потом и на полеты сводил. Понаблюдав Петя за стремительной в пространстве машиной брата и прямо-таки влюбился в авиацию.

— Если бы разрешили, сейчас бы в летчики-пилоты подался, — не скрывал он свою мечту.

Андриян с сожалением подумал: «Поздновато тебе это дело начинать. Да и со здоровьем неизвестно как — подойдешь ли?» Но лишь сказал:

— Что ж. Подумай хорошенько...

Об одном лишь случае в летной своей службе ни словом не обмолвился в разговорах с Петром старший брат.

...В жаркое лето 1956 года он, обычный летчик-лейтенант Николаев, совершил вынужденную посадку. Не любивший вспоминать об этом случае, он старался умалчивать о нем, потом за давностью времени забыли о нем и остальные.

Вспомнили об этом случае в августе 1962 года!

...В отряде космонавтов знали о чуть не случившейся катастрофе. Валерий Быковский, служивший тогда в соседней авиационной части, услышав о ней впервые, восторженно воскликнул: «Настоящий летчик!»

Впоследствии об этом происшествии на «мертвом» самолете Андрияна Гагарин писал так:

«На приборной доске заплясали стрелки, двигатель заглох... Сохраняя присутствие духа, Андриян действовал разумно и хладнокровно. Крепко обхватив ручку управления, он выровнял машину».

А генерал-полковник авиации Н. П. Каманин в своей книге сообщал: «Военный летчик Андриян Николаев не раз бывал в воздухе в трудных условиях. Однажды на посадке отказал двигатель, создалась аварийная ситуация. Андриян действовал грамотно, хладнокровно. Он посадил самолет на фюзеляж».

Ситуация эта развивалась таким образом. Случилось, что за самолетом с бортовым номером 069 укрепились в полку недобрая слава. Под благовидной причиной его передали в другую часть, где и служил Николаев. И здесь с ним случались всевозможные роковые события. Даже такое: летчику, летевшему в нем, из-за капризов машины пришлось катапультироваться. Но неуправляемый самолет каким-то чудом спланировал на грунт и остался почти невредим. И снова ввели его в строй, но летчики — не будем таить греха — народ суеверный, под всяким предлогом отказывались садиться в эту машину.

Тогда комэск, майор Морозкин, хитровато улыбаясь, предложил ее застенчивому лейтенанту Николаеву.

...Вначале все шло хорошо, но потом... После выполнения всех заданий, на высоте шесть тысяч метров на приборной доске вспыхнула лампочка: «Пожар!» Самолет неожиданно сильно трянуло. Постепенно стали падать обороты турбины, и вскоре двигатель и вовсе заглох. Николаев повел свой «бесшумный» самолет к аэродрому.

— Прошу посадку на грунт, — запросил он.

— Что случилось? — допытывался руководитель.

Андрян предпочел отмолчаться, тем более причина неполадки ему была неизвестна. Он не видел пользы в ничего не значащих разговорах: на КП началось бы волнение...

...Истребитель спланировал, сел «на брюхо» в полуметре от оврага.

Первым подбежал командир полка Е. Е. Глушенко. Прерывисто дыша, он помог Андриюну выбраться из кабины, ощупал его, живого и невредимого. По-мужски похлопывая по плечу, обнял и промолвил:

— Молодец! Но почему сразу не сообщил о неполадках с двигателем?

— Виноват, товарищ командир, не хотел волновать.

Сделав еще несколько обязательных внушений, тот грозную свою речь закончил такими словами:

— За мужество и находчивость объявляю благодарность с награждением именными часами.

Когда на злополучном самолете заменили двигатель всех удивило, поразило даже, что лейтенант Николаев попросил разрешения летать только на нем.

Уже слетав в космос, Андрян Николаев побывал в части, где прошла его летная молодость. Попросил показать ему... тот самолет. Но того самого уже не было. Под номером 069 числился другой современный истребитель: в виде исключения высшее руководство разрешило присвоить номер «его» истребителя новому самолету. И еще, если раньше никто не хотел летать на 069, то теперь просто не было никакого отбоя. Кто знает, может, он кого-то тоже выведет в космос?

...Полет следовал за полетом. Погода стояла расчудесная. В один день Андрян даже дважды ходил на учебный перехват. За два вылета перехватил четыре цели. И на солидной высоте! Только на медовой вечерней заре возвратился домой. Умылся. Сел за стол. И вдруг звонок. У двери стоял посыльный.

— Товарищ старший лейтенант Николаев, вас срочно вызывают в штаб.

Андрян накинул тужурку и размашисто зашагал в штаб. У начальника штаба его поджидали два подполковника. Поинтересовались, как дела, как летается?

— Все в норме, — по-строевому ответил Андрян.

— Не хотите испытать эдакое... что-нибудь реально-фантастическое? Например, полететь много выше, чем ныне и быстрее? — вдруг спросил один из подполковников после небольшой паузы.

— Что ж, это мое всегдашнее желание! — честно ответил Андриян и тут же попытался уточнить. — На совершенно новых самолетах?

— Нет, не на самолетах, а в космическом корабле, — серьезно сказал худощавый седобровый подполковник.

Никак не мог вначале уяснить летчик: «Как это? Спутники уже летали, — замелькали в его голове мысли. — А вот чтоб человек отправился в таком аппарате — это что-то близкое к фантастике».

— Это реально? — спросил он.

— Вполне. Конечно, не сразу все сложится. Но мы будем вас к этому готовить...

— Я с великой радостью согласен!

— Ну вот и договорились!

Подполковники уехали, наказав терпеливо ждать. Два месяца Андриян томился в ожидании вызова. Ему думалось: «Не сыграли ли со мной шутку? Не пригрезилось ли мне все это? Уж больно сказочно все выглядело».

В сентябре пришла-таки долгожданная депеша из Москвы. Андрияна командировали на медицинскую комиссию. Он был признан абсолютно здоровым. После этих обследований его вновь отправили в полк ждать нового вызова.

Вспоминая о первых своих шагах в космос, Андриян Николаев писал:

«Мы, группа военных летчиков-истребителей, отобранная специальными и весьма строгими медицинской и мандатной комиссиями, прибыли 13 марта 1960 года в Москву».

Вместе с пятью другими будущими космонавтами Андриян Николаев был отобран и в ударную шестерку...

...Вернемся во время на полгода раньше этого месяца, в сентябрь 1959 года, когда на медицинское обследование в Центральный научно-исследовательский авиационный госпиталь прибыл старший лейтенант Андриян Николаев. Здесь когда-то лежал после ранения Герой Советского Союза Алексей Маресьев, лечились пилоты эскадрильи «Нормандия-Неман», здесь как гость побывал президент Франции Шарль де Голь.

...Выдали Андрияну бежевого цвета пижаму с коричневым бортиком и белым накрахмаленным воротничком, черные тапочки и отвели в палату «лордов»-старожилов. Здесь и познакомился он со своими будущими «небесными» братьями — Юрием Гагариным, Павлом Поповичем, Владимиром Комаровым, Валерием Быковским и другими пре-

тендентами в космонавты. Жили здесь весело, шумно, дружно, особой веселостью отличались Гагарин и Попович. Андриян больше слушал да помалкивал...

«Он был полон загадок... — писал о нем Попович. — Просьбу он выполнял с такой же поспешностью, как и приказ. Он всегда помогал и никогда не обращался за помощью. Он считал себя третьим, но по сумме качеств выходил на первое место. Он мало говорил о литературе, а знал ее лучше нас».

«Врачей-обследователей было много и каждый был строг, как прокурор», — заметит потом Гагарин.

Никаких! Никаких изъяснов не было обнаружено в здоровье Андрияна, особенно поразило врачей великолепнейшее состояние вестибулярного аппарата.

Комиссия работала с таким тщанием, что обитателей палаты становилось с каждым днем все меньше, чаще они не выдерживали испытания в барокамере, которая иммитирует искусственный подъем в высокие разреженные слои атмосферы. Испытание на центрифуге для Андрияна было тоже серьезной проверкой, но, как отметили врачи, «Андриян Николаев — один из немалых летчиков, который так хорошо перенес перегрузки на центрифуге».

Повторно в этот госпиталь Андриян прибыл уже как «свой» человек — и начались многочисленные тренировки, обследования, опять тренировки в условиях искусственной невесомости, абсолютной тишины и одиночества в сурдокамере, в термокамере. Важнейшим, но, пожалуй, конечным этапом были исследования в макете кабины корабля «Восток», испытания эти прошли без сучка и задоринки.

...С большой симпатией к Андрияну Николаеву относились не только друзья-космонавты, но и руководители подготовки, «космические врачи». Один из них — Иван Касьян — писал о первом их знакомстве: «Передо мной стоял молодой, с отличной военной выправкой летчик в звании старшего лейтенанта, плотный, среднего роста, с черными, как смоль, бровями и спокойным взглядом добрых карих глаз...» Чем-то напомнил он ему Алексея Маресьева. А его «космический предшественник» Герман Титов вспоминал: «В отряде его все ласково называли Андрюша, да иначе, кажется, и невозможно обращаться к этому тихому, скромному и обходительному человеку, чья спокойная, доверчивая улыбка мгновенно располагает к себе и знакомых, и незнакомых, командиров, старших по возрасту и званию, и нас, его товарищей».

После приезда на место дислокации отряда космонавтов Андриян сразу же написал домой. И недолго ждал ответа. Петр писал: «Дорогой брат Андриян! Получили твое письмо. Ты пишешь, что все хорошо. И больше ничего. А мне кажется, этого мало. Не сообщил ты главного: насчет друзей, товарищей. Есть ли они у тебя на новой службе? А может, кто из старых друзей вместе с тобой переведен? Это было бы очень хорошо. Ты же знаешь пословицу насчет старого друга, который стоит двух новых. А вообще, со временем и новые становятся старыми, так же, как и старые когда-то были новыми. Так что суть, конечно, не в этом. Но без хороших людей жить нельзя. А тебе особенно — я-то тебя знаю... Так напиши, что и как. Пригласи своих друзей в гости к нам, в Шоршелы. Мама намочила яблок. Бережет к твоему приезду. И пиво будет. Солод уже приготовлен... ждем от тебя главного сообщения: как тебе служится с новыми людьми. Если можешь, напиши про свою летную службу. Много ли летаешь и на быстрых ли самолетах? Такие, как я видел, когда был у тебя на аэродроме или еще получше? Мама говорит, чтобы ты берег себя и слишком высоко не залезал на небо. Ей, конечно, не понять, что значит настоящая высота полета. Еще раз привет тебе и твоим товарищам. Петр».

Андриян задумался: «Что я могу написать о новой службе, о новых друзьях. Много и ничего! Много потому, что действительно есть о чем писать. Ничего потому, что наша служба не терпит огласки». А беспокойство Петра и заботу о нем он прекрасно понимал.

В тот же вечер он принялся сочинять послание. Какое же было для него, искреннего и честного человека, это трудное дело.

Начал он так: «На хороших людей мне всегда везло. Здесь тоже очень душевные и толковые ребята подобрались. Народ что надо! Друзей много. Служится с ними легко. Ты, конечно, прав, все зависит от себя самого. Каким ты будешь для людей, такими и они будут для тебя. Главное, самому быть человеком. О летной службе писать пока рано. Учимся, осваиваем все лучшее. Высота и скорость? Подходящие. Обижаться — грех. А мама пусть не беспокоится — небо уже обжито, и по нему самолеты летают, как мы когда-то с тобой с крыши нашего сарая. А мечта-то была побывать много-много повыше крыши...»

Ну как здесь не вспомнить стихи Николая Асеева?

Когда залезал он на крышу сарая:
Над вечною высотой,

К этому языку пытался прислушаться и Андриян...

«Насчет приезда в Шоршелы моих друзей, в принципе, договорился, — продолжал он письмо. Время выпадет подходящее — приедем. Мои друзья передают вам всем привет и благодарность за приглашение. Кстати, меня тоже зовут в гости. Не знаю, может быть, придется побывать на Днепре. Говорят, там очень красиво. Тот, кто приглашает меня на Днепр, добрый парень, сердечный, веселый. Вы с ним обязательно сойдетесь. До свидания.

P.S. Дорогая мама, не беспокойся. У меня все хорошо. Береги себя. Скоро приеду в гости и расскажу все, все...»

Часто получал он — бывший мастер леспромхоза — и письма от друзей из Карелии. Из одного из них узнал Андриян, что мастером вместо него работает Мрехин. Кузьма Калюк — его помощник, правая рука. Фома странствует по белу свету, созидает рукотворные моря. Однажды он писал из Цимлянска: «Занялся исправлением ошибок Бога: делаем новые моря, которых не успел создать Всевышний за свои горячие шесть рабочих дней». Всегда подписывался: «Тит-Фома, исправляющий ошибки Бога». Он женился на своей любимой Плякке и был очень счастлив.

Напряженно учился и трудился Андриян на небывалом своем поприще. Он и раньше на здоровье никогда не жаловался. Ни разу серьезно не болел, и здесь с болезнями не знал, не водился. «Я так думаю, — объяснял он потом, — что это оттого, что большей частью прожил в лесу. А лес, по-моему, обладает лекарственной силой. Там человек насквозь пропитывается целебным духом — всякие микробы убиваются, и жизненный тонус поддерживается на высоком уровне. И в авиации мне посчастливилось: авиачасть наша в лесу была запрятана. И даже здесь, в отряде космонавтов, под еловой крышей очутился. А по мнению мамы, моей первой колыбелью было широкое хлебобобовое поле. Трудовым оно для меня стало. Работа, говорит она, просмолила меня до косточек — тут ни одна хворь не пристанет. Но я так думаю: наверное, и то и другое, и третье — все доброе действие возымело. Лес, поле и работа, так сказать, в одном направлении действовали. Наверное, поэтому я никогда не чувствовал, где мое сердце. Доктора говорят, это самая лучшая оценка физического состояния».

Мудро говорят люди: «В здоровом теле — здоровый дух». Положения эти взаимосвязаны. От здорового духа Андри-

яна тоже напрямую зависело его крепкое здоровье, он «питался» большой целью, мечтой, поставленной им на всю жизнь, добрым отношением к людям (оттого у него всегда было так много друзей), всегдашней готовностью помочь им в беде, разделить с ними радость. Физическое здоровье Андрияна подкреплялось духовным началом души.

Андриян осознал и глубоко это понял уже здесь, в группе космонавтов. Все самые трудные испытания и тренировки всегда переносил без жалоб на здоровье, даже на легкое недомогание. Именно здесь все чаще и яснее всплывали в памяти его простые слова матери.

Но все же — признавался он только себе одному — порою трудно было ему. Очень трудно! Именно тогда яснее всплывали в его памяти материнские слова, сказанные более десятка лет назад: «Жизнь, Андриян, не легкая вещь, не забывай: жизнь она, сынок, — старание, труд».

И ему казалось, как будто эти слова мать сказала ему, сыну, предвидя сегодняшние трудности в его жизни в отряде космонавтов. Она благословила его на их преодоление, победу над ними.

И не только Андрияну было нелегко, трудно было всем космонавтам. Какие испытания выпадали на их долю — долю первопроходцев!

...Перед стартом Андрияну удалось побывать в родных Шоршеллах, встретиться с мамой.

* * *

Плавной поступью входил в мир новый день — 12 апреля 1961 года... Синевы потоп — от неба до земли. Душа безрез, покрытых жемчужовым потом, веяла окрест... Под золотым и, словно праздничным солнцем, будто предвещавшим человеку славу, славу голубой планете Земля.

Сколько сотен лет мечтал ты, человек, о полете в небо, космос? Никто этого никогда не узнает. И любовь свою земную он тоже с небом соразмерял, со звездным полетом, как, например, в чувашской сказке о «Девушке на луне». В ней злые силы вознамерились погубить девушку-красавицу. И никого не было вокруг, чтобы спасти ее. Только одна-одинешенька луна с неба светила. Взмолилась красавица:

— Не дай мне погибнуть, ясная луна, от козней сатанинских!

Луна услышала мольбу девушки, засияла еще сильнее и на своих лучах подняла ее вместе с ведрами и коромыслом к себе. Теперь до нее уже невозможно было дотянуться...

С тех пор, говорят старики, в ясные ночи на полной луне видится девушка с коромыслом на плечах. Приглядитесь получше — обязательно увидите.

И с тех пор уж сколько смелых парней стремились вернуть ее с луны, взять в жены. Победить колдовские силы!

...Росисто-синее небо, золото-серебро лучистого солнца падало на землю. «Если захочешь — ты, человек, сможешь взлететь к звездам, — вспомнил кто-то старинную русскую поговорку. А человеком тем первым стал улыбающийся Юрий Гагарин.

— Ты, Юра, будешь человеком, первый раз обнимающим Землю, — пошутил Андриян.

— Я ее всего лишь один раз хочу обнять. Зато крепко! Впервые мечтаю послать ей космический поцелуй, — на шутку шуткой отвечал Гагарин. — А ты, Андрюша, ее, нашу голубую красавицу, обнимешь и поцелуешь, возможно, не один раз. Сто раз!

Все заливисто засмеялись. Хотя у каждого на душе было чуть тревожно — все верили в общий успех.

Потом Андриян вместе с товарищами натягивал на него красновато-желтый скафандр.

— Теперь ты точно как парень, идущий сватать девушку, — все еще шутили товарищи Юры.

— Нет, он теперь как годовалый ребенок, который вот-вот покинет колыбель и сделает первый трудный шаг, — серьезно заметил Андриян. — Ведь, как сказал Циолковский: никто не может жить вечно в колыбели.

— Ты прав, Андрюша, — и белозубо улыбнулся Гагарин, и улыбка его была так тепла. В ней были и доброта, и сила, и не было в ней ни капли превосходства, что он — первый! — в мире первый человек, уходящий в космос. Чтобы возвратиться! — Человек не будет больше прикован к Земле, я буду первым из землян, из россиян, кто сломает окопы Земли. Простите, ребята, за высокие слова. Я полечу туда, где исчезает ощущение горизонта.

Гагарин надел на голову гермошлем, на котором большими буквами было написано «СССР». Вместе с друзьями и руководителями полета сел в специально оборудованный автобус. Все отправились на стартовую площадку. По дороге пели песни, опять шутили, радовались предстоящему — этому первому в мире — старту человека в космос.

Все было готово к запуску. В тревожном величии застыло серебристое тело ракеты.

— Счастливого пути... — многоголосо гремело в степи.

Незадолго до старта. В гостях у мамы.

— Счастливого пути, — прошептал Андриян. — Желаю удачи!

Как хотелось Андрияну перед расставанием расцеловать его! Но гермошлем не позволял расцеловать, зато мог обнять космонавта каждый провожающий. Машинально приблизил к гермошлему Гагарина Андриян свое лицо, но лишь только синяк «на память» тот ему «подарил».

Герман Титов, дублер Гагарина, был в полной готовности, тоже в скафандре. Перед расставанием они крепко обняли друг друга и «звякнули» гермошлемами.

Юра тепло попрощался с каждым, а затем «по-мушкетерски» сказал:

— Ну, братцы, один — за всех, все — за одного.

Эти слова среди космонавтов олицетворяли верную дружбу.

Еще раньше, перед тем как подняться на лифте в кабину корабля, Гагарин сделал заявление для печати и радио. В голосе его сквозила уверенность. Но Андриян понимал, что где-то в глубине души он переживал, потому как нечто подобное ощущал он даже в себе.

— Дорогие друзья, — торжественно, но в то же время и звонко произнес Гагарин, — соотечественники, люди всех стран и континентов! Я сделаю все, что в моих силах, для выполнения задания.

И вот скоростной специальный лифт вознес его на железную площадку перед кабиной, к вершине ракеты. Юрий, подняв обе руки, последний раз послал провожающим прощальный привет. Потом он взобрался в небольшую кабину, умастился в кресле. Оглядел — для порядка — множество приборов. Все действия Гагарина прекрасно транслировали на пульт управления мониторы.

...Отошли от корабля последние ажурные металлические штанги...

— Чувствую себя хорошо, сердце бьется нормально, — послышался голос Гагарина. — Готов к полету в космос!

И вот раздалась — решающая! — команда:

— Подъем!

— Поехали, все в порядке! — залихватски промолвил Юрий. — Все идет по норме!

Над весенней степью переплелись между собой усиливающийся шум и все нарастающий гул. Гигантский корабль мелко задрожал всем своим серебристым корпусом и медленно, очень медленно — как бы нехотя — начал подниматься от своего космического стола. Юрий почувствовал, что ожидаемая, но тягуче-огромная мощь сильнее и силь-

нее вдавливают его тело в кресло. И невозможно ей воспрепятствовать, даже чуточку пошевелиться. Но и теоретики звездных полетов, каждый космонавт — все они прекрасно знали, что явление это будет продолжаться только до выхода корабля на орбиту.

Когда корабль оказался на орбите, Гагарин совсем ненадолго покинул кресло и — впервые в космосе — ощутил состояние невесомости. И телу, и душе его стало небывало легко... Эта «милая» забава заняла у него считанные минуты: он приступил к намеченной учеными работе, объективно записывая все свои действия и наблюдения в бортовой журнал.

...Корабль пролетал над широкой сибирской рекой. Гагарин отчетливо видел даже островки на ней и освещенные полуденным солнцем лесистые ее берега, тайгу. Взгляд его скользил то по земле, то устремлялся в небо, в далекое пространство. Четко различал он горные хребты, холмы, крупные озера, большие реки, побережья морей и океанов, огромные массивы лесов, поля и большие луга, тончайшие нитки шоссе и железных дорог.

Самым красивым зрелищем, так поразившим его, был, если можно так сказать, горизонт в радужной мешанине солнечных лучей и таинственного черного цвета космоса. Больше всего в опоясывающем землю ореоле было нежно-голубого цвета, который через бирюзовый, синий и фиолетовый переходил к иссиня-черному... Цвету космоса! В нем, сверкая, пылало сонмище звезд. И солнце ярко горело, словно медно-красный костер. Но вот оказался корабль над неосвещенной им поверхностью Земли и — мгновенно — наступила тьма...

...На земле, в пункте связи все задействованные службы напряженно следили за полетом Юрия. Прекрасно видно было на экранах телевизоров его вдохновенное и сосредоточенное лицо.

— Полет проходит нормально и успешно, — слышался из Вселенной его голос. — Чувствую себя хорошо. Все приборы, вся аппаратура работают нормально.

«Лед тронулся, — подумал в это время Андриян. — Точно так! Гражданин нашей страны, простой русский парень, командир «Востока», летит среди звезд в пространстве, где нет атмосферы. Весь мир будет праздновать и прославлять эту звездную весну человечества. Началась новая эра в истории человечества! Полет Гагарина открыл эпоху космической навигации...»

Уже после возвращения из космоса Юрий Гагарин в

одной из главных газет страны прочитает стихи известного поэта-фронтовика Михаила Дудина:

О Родина! Ты смотришь в небо смело,
Ты рвешься к звездам, обгоняя
птиц.

Нет разуму свободному предела,
И смелости высокой нет границ.

Что скорость птиц! — Ты ловишь
скорость света,

Опережая музыки полет.

И в космосе не синяя комета —

Людское сердце бьется и поет.

Счастливый путь! Мы люди,

а не боги,

Но мы умеем делать чудеса,

Прокладывая первые дороги

С родной Земли в немые небеса.

Твой гордый сын, отваги полный,

Пронес наш алый стяг

в межзвездной мгле,

Он совершил свой подвиг

беспримерный

Как сын Земли для счастья

на Земле.

* * *

Обычная, но хорошая дорога вела Юрия Гагарина в космос. И даже по фотографиям можно проследить его биографию. Вот он, мальчишка в коротких штанишках, что есть духу бежит к речке. Снимок сделан в родной деревне на Смоленщине. Вот он среди школьных друзей. Вот он рядом с учительницей. Вот он стоит смущенный: наверно, первый раз одел галстук, колхозный мальчишка... петлички ремесленного училища и повзрослевшие глаза.

А вот большой групповой снимок, на нем надпись: «Саратовский индустриальный техникум. Выпуск 1955 года». Другая фотография — Юрий стоит на крыле самолета. Он поднял руку, улыбается.

Он окончил техникум и курсы аэроклуба одновременно, он хочет стать летчиком. Этот упрямый парень с «молоточками» в петлицах куртки... И вот уже «птички» в петлицах... У него было множество грамот: «За хорошую службу», «За отличные успехи...», «За победу...», «За отличие...» Его всегда любили товарищи, чего только стоит их надпись на одном из фото: «Личный состав подразделения поздравляет курсанта Юрия Гагарина с первым вылетом на реактивном самолете». А как его любила жена Валя, уже понятно по подписи на подаренном ею снимке: «Юра, помни, что куз-

нецы нашего счастья — это мы сами. Перед судьбой не склоняй головы. Помни, что ожидание — это большое искусство. Храни это чувство для самой счастливой минуты. 9 марта 1957 года. Вале».

А вот его подпись: «Моей Вале, дорогой, горячо любимой... Пусть фотография поможет тебе беречь нашу вечную всепобеждающую любовь. 16.03.58. Юрий».

Они любили своих детей, и дочери — Алена и Галя — их тоже любили. Вот трогательная фотография маленькой Алены, рядом — родители. Сколько счастья на их лицах!

Когда Юрий Гагарин полетел в космос, ему было двадцать семь лет. Он — герой — сидел вместе со всеми в кино, по воскресеньям катил коляску в парке, ходил в гости, играл в баскетбол и в бильярд...

Этот обаятельный и скромный человек жил в обычной двухкомнатной квартире, где обои с цветочками, на обычной улице, в обычном доме, на пятом этаже. И никто не знал, какая у него была служба. Но он был человеком, который готовился... К подвигу!

Как тревожилась и волновалась за него жена, когда вся Земля ждала его возвращения. Дрожащей рукою записывала в ученическую тетрадку часы, минуты... Наконец, когда «Восток» приземлился, слова великой радости вырвались из ее сердца:

— Жив! Родной мой! — и слезы текли по ее щекам...

Как неуловимо напоминает биография Юрия Гагарина биографию Андрияна Николаева... Современники, они были большими и верными друзьями.

Еще давеча, когда корабль вышел на орбиту и находящиеся на космодроме люди крепко обнимались, совершенно случайно кто-то заметил на глазах Андрияна слезинки. «Смотрите, наш невозмутимый — даже он — прослезился».

Не постеснявшись слез своих, тот ответил:

— А как же им не быть. Наш Юра на орбите! — радовался он. — Наш Юра там, где еще до сих пор ни один сын и ни одна дочь Земли не были!

...Корабль первооткрывателя космоса облетел земной шар за сто восемь минут и благополучно приземлился на поле колхоза «Ленинский путь» у деревни Смеловки Саратовской области, близ Волги. Необычный человек в ярко-оранжевом скафандре, конечно же, выглядел весьма странно и непривычно. И даже подозрительно. Поэтому первые, встретившие его «земляне», женщина с девочкой, поначалу боялись подойти к нему поближе. Потом с полевого стана прибежали механизаторы, окружили его плот-

ным кольцом. Они обнимали и целовали его, своего «звездного» земляка. За те неполных два часа, которые Гагарин провел в космосе, радио донесло и сюда, и во все концы Земли весть об успешном запуске человека в космос. Его фамилия уже была известна тем, кто его первым встретил.

Капсула «Востока» приземлилась невидалеке от глубокого оврага, в котором klokотали весенние воды (богат апрель водой). Корабль обгорел, цветом напоминал он горелый хлеб. Хлеб! Именно поэтому казался он Юре еще более красивым и родным, чем до полета.

Друзья-космонавты как можно быстрее прилетели на место, куда для предварительного послеполетного обследования поместили Гагарина. Когда они появились на пороге дома, Гагарин, не скрывая своих к ним чувств, бросился навстречу. И было много радости: ведь для всех этот день был большим праздником. Юрий, увидев на лбу Андрияна довольно заметный синяк, озадаченно спросил, где это его так? Андриян засмеялся:

— Это память о твоём старте, прощальный знак, след от твоего гермошлема...

Потом Гагарин подробно рассказал своим друзьям об увиденном, пережитом, о том, как переносил он перегрузки, вибрацию, невесомость... и в заключение сказал:

— Человек, находясь в корабле, может нормально жить и работать в космическом пространстве.

«Да, своим полетом он открыл человечеству дорогу в космос, — думал Андриян. — Сто восемь гагаринских минут! В это мгновение произошла обычная революция в сознании людей: то, что было для кого-то дикой фантазией, стало реальностью.

Но в то же время Андриян, как и все его друзья, понимал, что это только первый штурм Вселенной...

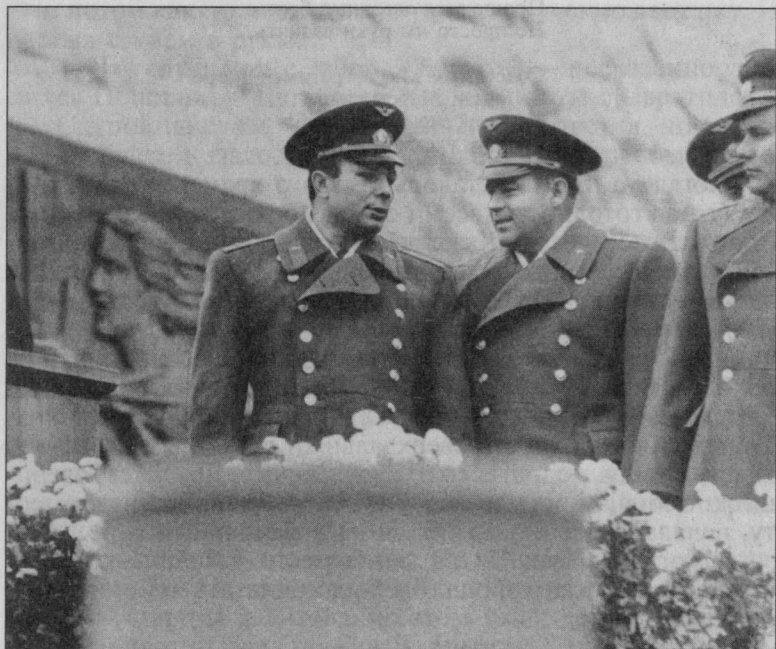
И не успели еще улечься чувства волнения, удивления и радости в сердцах людей Земли, как Андрияна Николаева вызвало руководство. Облаченный в скафандр, он стоял, готовый к новому космическому полету: его назначили дублером космонавта-2.

— Всего тебе хорошего, счастливого пути, Гера, — сказал Андриян спокойно. — До свидания. Счастливого возвращения! До встречи!

— Андрияша! Не печалься! Скоро настанет и твой день старта. Счастливо оставаться! — ответил Герман Титов.

Как все же точно подметил поэт:

Последние шутки, обаянья —
У нового старта опять

Космические братья.

Прощаются звездные братья,
Не просто им руки разнять.

Счастливо! Мы встретимся скоро!
Венере и Марсу привет!
Как грустно бывает дублерам
Глядеть улетающим вслед!

Когда до отлета осталось немного времени, наступила минутная готовность, всеми овладело тревожное ожидание старта. Все умолкли. Казалось, слышно было, как, изнемогая от полуденного солнца, стрекочут кузнечики. Стояла звонкая тишина! В это время прозвучала знакомая команда:

— Пуск!

Тут же, перед глазами Андрияна, над площадкой взметнулось огненное облако. Ракетные двигатели загрохотали, как гром. Корабль мощностью в двадцать миллионов лошадиных сил тронулся в сверхдальный рейс, выходя из-под власти Земли, содрогаясь от напряжения. Друзья и товарищи космонавта видели, как ракета, набрав заданную высоту, начала медленно ложиться на орбитальный курс.

...Когда Герман Титов занял место в кабине корабля, он подумал: «Как хорошо бы было полететь вместе с Андрияном».

* * *

Перед сдачей экзамена по высшей математике Андриян особенно много корпел над книгами и бумагами. То и дело решал задачи, вспоминал теоремы. Думал: «Недостаточно лишь доказать их, нужно уметь связать эти теоремы с реальной жизнью, с космосом».

Неожиданно его упорные занятия прервал ставший одним из самых близких друзей Павел Попович.

— Андриян! — сказал он весело. — Хватит зубрить...

Тот, чуть приподняв наклоненную над столом голову, вопросительно посмотрел на друга.

— Сегодня суббота. А ты сидишь и, как проклятый, штурмуешь науки, — промолвил он. — А не заглянуть ли нам к девушкам? А может, на бильярде сразимся?

— Правда же. А что? Предложение заманчивое... — обрадовался Андриян. — Весьма кстати пришел ты, Паша.

Они пошли в вестибюль гостиницы сражаться на бильярде. В первой игре выиграл Попович. Во второй тоже. А потом успех игры, можно сказать, как-то сразу повернулся к Андрияну. Он один за другим с треском забил в лузы сразу четыре шара. Подумал: «Обязательно забью и пятый!»

— и потом как-то неожиданно увидел он в окно девушку. И застыл с кием в руках...

— Что случилось с тобой, Андрюха? — несказанно удивился Попович. — Чуть ли не в памятник ты превратился...

Скупой на слова Андриян ничего не ответил, но с места не сошел. Казалось, глаза его напряглись, чтобы получше рассмотреть эту чудо-девушку в мужской обители космонавтов.

Попович, уловив его тугой взгляд, тоже посмотрел в окно. И вот уже оба они разглядывали стройную, как березка, обаятельную девушку, стоявшую перед ярким весенним солнцем. Девушка чуть ежилась в легоньком, цвета морской волны, пальтишке с черным воротничком. Волосы ее были повязаны золотистым платочком. На ногах — сапожки на низком каблуке. Поразительно доверчивым и открытым было ее лицо!

— Разве тебе неизвестно, что в нашем отряде появилось «девичье подразделение»? — спросил знающий все отрядные новости Попович.

Девушка вошла в вестибюль. Она быстро пробежала глазами по игрокам, видимо, надеясь увидеть мельком знакомых ей Гагарина и Титова, но здесь были другие лица.

Андриян и Павел повели Валентину Терешкову на второй этаж, взяли (как водится на Руси) из-под коврика ключ и открыли дверь приготовленной для нее комнаты.

Лихо поправив шапку, надетую набекрень, Попович сказал по-украински:

— Сама гарна свитлиця!

Андриян молча поставил ее чемоданчик на пол и ласково блеснул темными бархатистыми глазами.

Потом Попович вдруг заторопился куда-то, а может, посчитал, что оставаться дольше в девичьей «светлице» не совсем прилично. Он вышел и стал дожидаться друга. Но тот что-то медлил. Тогда Павел зашел снова. И увидел, что Андриян и Валентина, как молоденькие парень с девушкой, стоят и молча очень тепло смотрят в глаза друг друга.

...Оставшись одна, Валентина Терешкова тут же подошла к зеркалу. Даже по отражению в нем было видно, что лицо ее горит румянцем. «Что это со мной случилось?» — провела она ладонью по щекам.

Как каждая на ее месте женщина, Валентина детально ознакомилась со светлым своим жилищем, потом выглянула в окно. Перед ней открылась просторная поляна, вокруг которой словно на огромных «птичьих» лапах-корнях показывались старые сосны. Наступали сумерки — время тайн и

загадок... В сумеречном сосновом лесу даже воздух казался зеленоватым.

Черноглазый симпатичный парень словно бы «поселился» в ее сознании. «Где же я видела его? — мучительно думала Валентина. — Может быть, это просто так кажется. Где-то читала же: когда знакомишься с иным, необычным, человеком, хотя и впервые видишь его, порою представляется, что давным-давно с ним встречались».

К назначенному времени отправилась Валя на ужин в космонавтскую столовую. Когда перед ней поставили салат, она удивилась: «Подумать только, в конце марта кормят свежими огурцами!» Она съела полпорции вкусного куриного бульона, бефстроганов, выпила стакан вишневого сока...

Хотя и не сразу удалось уснуть Валентине, переполненной впечатлениями дня, но вот, наконец, явился-таки сладкий сон, предвещавший добрый и счастливый день.

...В комнате уже плавали зеленовато-голубые, розовые отцветы утренней зари. «Проспала работу!» — с ужасом подумала Валентина, еще полностью не отойдя от сна. Потом, осмотревшись, сразу сообразила, где она теперь находится. Валя быстро соскочила с постели, умылась, долго прихорашивалась перед зеркалом.

Надев свое самое любимое, но строгое платье, аккуратно причесав коротко стриженные волосы, как на смотринь, спустилась она в столовую. Взгляды всех летчиков, в ней находившихся, обратились на нее. Но среди них замечала она взгляды лишь того парня... Андрияна.

«В самом деле, где же я видела его? — опять ломала голову Валентина. — погоди! На снимке! — догадалась она. — Когда вслед за Юрием Гагариным в космос полетел Герман Титов, в газетах и журналах было напечатано порядочно снимков. Там я и видела его рядом с Германом Титовым! Верно же, там! Как все просто!»

Хотя и вышли они из столовой оба одновременно, но им не пришлось оказаться рядом. Андриян, по-доброму кивнув Валентине, вместе со всеми направился на занятие.

Свое время Валя вначале провела среди девушек-претенденток, много у них у всех было общих забот, тревог и надежд. Потом Валя решила прогуляться по лесу, по сосновому бору с высоченными соснами, под которыми, как уверяют верующие старики, хорошо молиться... Об осуществлении своей мечты, об успешной учебе в отряде впору было молиться и Вале в таком «священном» сосновом бору.

Когда она вернулась в гостиницу, то сразу, как зашла в

комнату, увидела на тумбочке букетик скромных первоцветов. «Кто же принес его?» — вспорхнул в ее голове вопрос.

Сладостно и трепетно забилося ее девичье сердце. Она была почти уверена, что этот букетик цветов принесен тем парнем... Андрияном.

Как и в предыдущий раз, из столовой Андриян и Валентина выходили в общей группе. Но сегодня молодой старший лейтенант решился-таки подойти и заговорить:

— Добрый день, Валя, — сказал он. — Понравился вам наш звездный городок?

— Очень понравился! Очень! — восторженно ответила она.

Ее глубокие и умные глаза, красиво выписанные брови, чистое нежное лицо, тонкие губы были уже совсем, совсем напротив его глаз.

— Приехать-то приехали мы, девушки, сюда. Но примут ли нас? Подойдем ли?

— Примут вас, Валя, обязательно примут.

— Спасибо на добром слове.

— Не только примут учиться, но, Валя, непременно полетишь ты в космос, — Андриян и сам не заметил, что в разговоре с ней перешел на «ты».

Валя весело и добродушно засмеялась. Ее бездонно-глубокие глаза еще ярче засияли.

— По-ле-те-ть бы... — мечтательно протянула она.

Хотя Андриян, как обычно, был скромен, но если бы кто со стороны пригляделся, то непременно заметил бы, что Валя тоже стесняется... Всего-то каких-то три минуты длилась их беседа, но показалось им обоим, что вместила она неизмеримую «огромность» времени.

— До свидания, — попрощался Андриян. — Надо идти «грызть» гранит науки, кроме того, ждут и тренировки. Нужно быть настойчивым и волевым, иначе нас не допустят к себе звезды.

— До следующей встречи, — доброжелательно произнесла Валя, легонько помахав ладонью. Потом, спохватившись, она проговорила ему вслед:

— Благодарю за прекрасные весенние цветы!

Андриян полуобернулся и чуть стушевался...

* * *

Юрий Гагарин после встречи с девушками-космонавтами привел все «девичье подразделение» для знакомства с космонавтами-мужчинами.

— Товарищи, нашего полку прибыло или, лучше скажем так, наша семья увеличилась, — улыбнулся он своей открытой обаятельной улыбкой. — Вот, так сказать, наши звездные сестры. Теперь нам всем будет веселее. Прошу любить и жаловать.

Попович с иронией взглянул на холостяков и охотно откликнулся:

— Что же, найдутся и те, кто непрочь и влюбиться, — сострил он, подмигнув Андрияну.

Юрий между тем продолжал знакомить космонавтов с каждой по отдельности девушкой. Те, в большинстве стесняясь, протягивали ладошки и еле слышно называли свои имена. Правда, были среди них и довольно бойкие девушки.

...Наконец свершилось: после всех необходимых тестов, медицинских исследований вместе с пятью прибывшими девушками Валентину Терешкову приняли в отряд космонавтов. И начались тогда у них напряженнейшие, порой изматывающие занятия и тренировки. По жесточайшему распорядку. Слушали они лекции по специальным программам по астрономии, геофизике, ракетной технике, изучали специальные космические дисциплины. Особо много времени отводилось в планах подготовки усиленным спортивным занятиям, занятиям на специально разработанных тренажерах.

«Кто знает (а Андриян в это верит), может быть, и я полечу в космос», — не выходила желанная мысль из головы Валентины.

...Вот она в удобной люльке, но в тесных объятьях привязных ремней. Сигнал — включение! Центрифуга начала плавно вращаться. Ничего страшного! Как на карусели в детстве! Но постепенно вращение приобретало немыслимые обороты. В глазах Валентины потемнело. Невозможно было сжать веки. В теле появилась неимоверная тяжесть, и сердце забилося так, что казалось: вот-вот вырвется оно из груди...

Второе испытание на страшной этой машине вполне уверенно прошла Валентина, и это лишний раз убедило ее в возможности осуществления своей мечты.

Мечта всегда имеет свои истоки... Иногда совсем, на первый взгляд, незначительные.

Когда Валентина работала на Ярославском текстильном комбинате «Красный перекоп», заметила она однажды маленькое объявление. Оно приглашало юношей и девушек в различные кружки ДОСААФ. Она выбрала кружок парашютного спорта. Были у нее по два, по три прыжка в день. С тех

пор главную мечту своей жизни она связала с голубым небом. Навсегда!

Космонавтов обучали опытнейшие ученые, психологи, спортивные инструкторы. Среди лекторов было немало людей с высокими учеными степенями. Было известно, что будут навещать их и профессора — светила науки, академики.

Однажды Валя как-то зашла в комнату одной из девушек. Там она случайно увидела среди множества учебников и книги, написанные Юрием Гагариным и Германом Титовым.

Валя взяла в руки книгу «Дорога в космос».

— Где достала? — с нескрываемым любопытством спросила она.

— На время... у Андрияна, — ответила девушка. — Ведь нигде не купить...

На первой странице книги прочитала Валентина автограф: «Дорогому другу — Андрияну Григорьевичу Николаеву, в память о нашей славной работе, подготовке к первому космическому полету и его осуществлению. Желаю тебе самых счастливых и самых хороших космических полетов, всегда возвращаясь на нашу родную Землю живым и невредимым. «Ведь ни одна планета не ждет нас так, как эта планета дорогая по имени Земля». Ю. Гагарин. 15.07.61 г.»

Потом с неменьшим волнением взяла она другую книгу «700 000 километров в космосе». И там тоже был автограф: «Андрияну Николаеву на память о подготовке к полету «Восток-2» и о дне 6 августа 1961 г. Герман Титов. 10.02.62 г.»

Попрошавшись с девушкой-сверстницей, она пошла в свою комнату. Вдруг в коридоре окликнул ее знакомый голос.

— Валя!

— Андрюша! — радостно отозвалась девушка.

— Приглашаю тебя прогуляться. Под звездами.

— С удовольствием, Андрюша. Только вот одену пальто и выйду.

...Шагая рядом, ушли они далеко-далеко. И никому не стало их видно. Лишь звезды на небе следили за ними. Низко-низко наклонившись над землей...

* * *

...В деле освоения космического пространства покорителям его до некоторой степени помогали и труды ученого Матвея Сергеевича Архипова. Именно поэтому его доктор-

ской диссертации, подготовленной за пять лет до полета, московские профессора и академики дали высокую оценку. Сейчас Матвей Сергеевич работал дальше, в научных журналах печатал довольно важные статьи, публиковал он и популярные статьи в газетах. Готовил небольшую книгу об использовании атомной энергии в мирных целях. «Этак ты скоро выскочишь в членкоры», — кто в шутку, а кто и всерьез говорил ему. Однако сам Архипов работал не ради получения почетного звания члена-корреспондента Академии наук... Прошли времена былого его тщеславия...

В конце марта 1962 года ему вместе с другими профессорами и академиками предложили прочитать цикл лекций для космонавтов. Матвей согласился, но не с большой охотой. Потому что сейчас для него, напряженно сидящего над задуманной книгой, время было дороже золота.

Побывав в Звездном городке у космонавтов, Матвей ничуть впоследствии не каялся, что приехал туда читать лекции. Он был удовлетворен этой поездкой. Потому как убедился, что «космическая» молодежь и в самом деле хоть сейчас готова полететь в космос по неизведанным орбитам. И он согласился продолжить курс лекций.

Матвею задали множество вопросов. Один из наиболее внимательных и благодарных слушателей, молодой человек с черными, сталкивающимися у переносицы бровями и живыми мерцающими глазами, спросил ученого о том, над какой проблемой он сейчас работает. Получив ответ, он задал другой вопрос: какими путями он вышел на путь науки?

И вот они остались в аудитории только вдвоем...

— На научную дорогу я встал, можно сказать, еще будучи студентом. Закончил Казанский университет... — охотно рассказывал Архипов.

И вдруг любознательный летчик произнес удивившую его фразу:

— Между прочим, я вас узнал сразу же после начала лекции. Я из Шоршел. Вы должны меня помнить и знать: я немного учился у вас в школе, потом вы частенько приезжали в нашу деревню и в Марпосад. Бывали и у нас дома... Михаил Петрович, мой любимый учитель, ваш дядя...

— Больше ничего не говори! — Матвей поправил очки и уставился на собеседника. — Фамилия Николаев! Так, что ли? Звать — Андриян.

— Так точно!

— А ты как здесь оказался, Андриян?

— Не прямым, а довольно окольным путем.

— Наверное так! Слышал, что ты после окончания лесного техникума уехал в Карелию...

— Оттуда взяли в армию, попросился в авиацию. Летал почти десять лет. Видать, неплохо, что пригласили сюда, да и здоровье не подвело.

— Молодец ты, Андриян, — восхитился Матвей, потом слегка поправился. — Очень большой молодец ты, Андриян!

— Как вы вошли в аудиторию, я начал размышлять: где же я видел этого человека? А как вы заговорили — сразу же вспомнил. Думаю: «Этот лектор-профессор с наших сторон, чуваш».

— Разве заметно?

— Не очень... — чуть замялся Андриян.

Так они встретились, познакомились как бы вторично. Вместе вышли из аудитории. Нет-нет да и вспоминали минувшее, обоим им близкое и знакомое...

— В следующий раз после лекции заходите к нам, Матвей Сергеевич.

— Прекрасно! Потом ты ко мне в Москву приедешь, — сказал Матвей, крепко пожимая руку будущего космонавта. — Счастливо оставаться, удачи тебе!

Два случайно вновь встретившихся чуваша сошлись так близко, что Матвей уже несколько раз был гостем Андрияна: после лекции Андриян всегда приводил его в уютную комнату, где он жил со своими друзьями-побратимами.

— Теперь наступил твой черед побывать у меня, — после прочтения последней лекции сказал Архипов.

— С радостью принимаю такое предложение.

— Пошли сейчас же. Сегодня же дам книгу, которую ты просил почитать.

...Они вышли из метро, но до самого университета решили пройти пешком: благо, жилой его корпус был недалеко.

— А не отнимаю ли я у тебя драгоценное вечернее время? Не станет ли твоя возлюбленная на меня обижаться? — шуточно спросил Матвей.

— Нет, не будет...

— А кто она, если это не военная тайна, не секрет? Андриян промолчал.

— Что? Разве у тебя и любимой девушки еще нет?

— Есть, — блеснув белизной зубов, откровенно и весело рассмеялся Андриян. И в это время он подумал о... Вале Терешковой.

Матвей не задал на эту тему больше ни единого вопроса, лишь вымолвил:

— Хватит говорить о любви. Мы уже у цели. Сейчас я

познакомлю тебя со своей любимой женой и любимыми ребятами — сыном и дочкой.

Дверь квартиры открыла жена Архипова.

— Заходите. Пожалуйста, — радушно пригласила она гостя.

— Розочка, Роза Николаевна, познакомься. Это чувашский парень Андриян. Будущий... — начал было говорить Матвей, но, не досказав следующее за этим словом слово «космонавт», пошел переодеваться в смежную комнату.

— Вроде я где-то видела вас, Андриян? Даже разговаривали мы с вами довольно долго...

— Да, видели, Роза Николаевна.

— В Чебоксарах в пединституте вы не учились?

— Никогда...

— Может, встречала в Казани?

Андриян, удивленный встречей, молчал, потом с улыбкой вымолвил:

— Эх, девушки, девушки! Как же вы забываете незабываемые моменты!

— Никак не могу вспомнить! — сокрушалась Роза.

— Эх, Роза, Роза Николаевна! Я тот самый парень, который старше тебя лишь на один день...

— Теперь вспомнила! — обрадовалась и даже порозовела Роза. — Пароход... Вы говорили, что едете на работу в Карелию? В Марпосаде закончили лесной техникум?

— Так точно!

— Что? Вы разве знакомы друг с другом? — несказанно поразился Матвей, вернувшийся из соседней комнаты. — Как тесен мир!

— Дай-ка накормлю вас, Матвей, пельменями, — Роза по-девичьи упорхнула на кухню.

«Совсем юной девушкой была тогда, в то в общем-то далекое время, Роза... Худенькой, стройненькой, — подумал Андриян. — По спине стекали две длинные русые косы... Теперь? Теперь Роза в самом расцвете женской красоты... Я тоже тогда был лишь неокрепшим мальчишкой, — рассуждал Андриян. — А теперь я вполне состоявшийся мужчина, мужик, можно сказать... И мне тоже, видать, скоро будет необходимо создать семью. Вон какая красивая семья у них. Двое детей...»

...Трехлетняя дочка Розы, подложив ладошку под щеку, спала уже в своей кроватке. Пятилетний карапуз-сын подошел к гостю, залепетал что-то. Андриян легко поднял его и посадил на колени.

— Форма летчика очень тебе к лицу, Андриян, — заметила Роза, накрывая стол.

— Готовь-ка и шыртан, — будто бы строго приказал Матвей. — Дрожжановский шыртан. Дрожжановского мяса хотим!

«Да, Роза говорила тогда, что она из Дрожжаного, — подумал Андриян. — Это название, Дрожжаное, мне постоянно казалось каким-то волшебным».

Матвей выставил на стол коньяк, но, по понятным причинам, Андриян отказался даже пригубить рюмочку. Даже за встречу!

— Мне позволительно пить только турых*, — не то в шутку, не то всерьез сказал он.

Тактичные Архиповы не настаивали. Если нельзя, значит, нельзя. Тем более Матвей наверняка знал, что Андрияна подготавливают к ответственнейшему делу — полету в космическое пространство.

— Если хочешь турых — он есть, — и Роза принесла кефир из холодильника.

Так и пришлось Андрияну своим «кефирным» стаканом чокнуться с коньячной рюмкой Матвея.

— А сейчас я хочу предложить тост за будущих... В общем — хочу выпить за летчиков, — промолвил хозяин.

Роза сделала глоток, и опять Андрияну пришлось чокаться стаканом кефира.

Бережно уложив в портфель подаренную Матвеем книгу, тепло распрощался он с радушными хозяевами.

Через две недели он пришел к ним вновь. Однако Матвея дома не оказалось, он укатил в Ленинград на симпозиум физиков.

Роза, закончив срочные домашние дела, уложив спать девочку-малышку, к приходу его оказалась более или менее свободной, поэтому могла поговорить и вспоминать о том, о чем не было договорено в прошлый раз.

— Если бы тогда я дала тебе свой адрес, ты написал бы мне письмо? — пытливо спросила Роза, усадив сынишку на колени.

— Написал бы, Роза. Обязательно! — ответил Андриян и почувствовал, что слова его очень обрадовали Розу.

Он хотел было уже распрощаться с хозяйкой, как та попросила:

— Ты посиди, посиди еще, Андрюша, — нежно дотронувшись до его плеча, попросила Роза. — Ты не обижаешься, что назвала тебя Андрюшей?

— Нет, — снова сел Андриян.

— А в детстве как тебя звали?

* Турых — варенец, кислое молоко наподобие кефира.

— Андрейка. Эндри. Эндрьян. Иные даже — Ундрийкой.
— Чуваши нашей местности Андрея зовут еще Эндэркой.
— Да, неплохое имя Эндэрка, — согласился Андриян.
— А девушка у тебя есть? — неожиданно спросила хозяйка дома.

— Есть, Роза, есть...

— В таком случае — приглашаю вас обоих.

— Постараемся прийти, — как-то уклончиво ответил Андриян, переводя разговор на другую тему. — Матвей Сергеевич умный, аккуратный человек. Нам, летчикам, он очень понравился...

— Да, — задумчиво произнесла Роза. — Я безумно влюбилась в него в семнадцать лет. Веришь, я так счастлива, что мы вместе. Правда, болит иногда у меня сердце, как вспомню, что он был женат на другой, женился, зная, что я люблю его...

Андрияну трудно было говорить на такие интимные темы, кроме того, его «торопило» время. Он встал.

— Посиди еще, Андрюша, — попросила Роза.

— Извини, Роза. Никак не могу, — проговорил Андриян. — Я должен успеть к девяти в часть...

В воскресенье Роза рассказывала мужу, вернувшемуся с симпозиума, о приходе Андрияна. Матвей как-то мимолетно подумал, что вот раньше бы ревновал он безумно, придирался. Сейчас этого не случится. Или постарел он, или, действительно, крепкая у них семья. Равноправная! Он не считает Розу своей собственностью, вещью. Он любит не только себя (а это, между прочим, тоже необходимо), но, может быть, даже больше любит он Розу, детей — всю свою семью. Оттого-то и говорят о ней, что она красивая.

* * *

О пионерах ракетной техники Андриян читал еще тогда, когда учился в авиационном училище. Кибальчич, Циолковский, Цандер, Королев... Сейчас он подробно изучает их труды. Николай Иванович Кибальчич! Каким он был умным человеком! Революционером и ученым. Проект ракетного летающего аппарата он разработал в Петропавловской крепости. В заточении! Из-за неимения бумаги сначала чертил на стене. Когда соизволили-таки дать бумагу, проект «плавающего» в воздухе прибора начертил как следует. Он сидел в тюрьме всего семнадцать суток, потом его казнили. Труды ученого увидели свет только через тридцать семь лет, после Октября. Выдающийся изобретатель, наро-

доволец Николай Кибальчич, оставляя потомкам проект ракетного летательного аппарата, в своем смелом научном трактате писал: «Находясь в заключении, за несколько дней до смерти, пишу я этот проект. Я верю в осуществимость моей идеи... Если же моя идея после тщательного обсуждения учеными-специалистами будет признана исполнимой, то я буду счастлив тем, что моя идея не погибнет со мной, а будет существовать среди человечества, для которого я готов был пожертвовать своей жизнью».

Написав конспект по трудам Кибальчича, Андриян взял в руки книгу Циолковского «Грезы о Земле и небе», испещренную заметками чувашского мечтателя о полетах к звездам Василия Ведюкова. В её предисловии отмечалось, что «Циолковский не только заложил основы ракетной механики, не только разработал вопрос о горючем для ракетных аппаратов, но обсуждал и многие стороны самого межпланетного путешествия, то есть занимался проблемами звездной навигации. Он вычислил скорость, какую должен иметь ракетный корабль для того, чтобы, покинув Землю, сделаться спутником Земли или достигнуть Луны, той или иной планеты. Определил он также оптимальные для них маршруты...»

Здесь же, в своем конспекте, Андриян начертил схему внутреннего устройства ракетного корабля по Циолковскому. Из трудов великого ученого законспектировал разделы «Величие Вселенной», «Вид с разных точек Вселенной», «Движение звезд», «Что было бы с Землей, если бы Солнце перестало ее притягивать?», «От звезды к звезде», «Возвращение на Землю».

«Своими вдохновенными произведениями он будил человеческую мысль, — благодарно подумал Андриян о Циолковском. — Взять хотя бы, для примера, Василия Ведюкова. Это под его воздействием тот начал мечтать о полете в космос. Составлять альбомы и схемы космических путешествий. Хотя они (сейчас мне кажется) несколько элементарны и наивны. Но не они ли первоначально возбудили во мне мысль о полете к звездам? Они!»

Андриян вновь углубился в труды великого ученого. Вот книга Циолковского «Грезы о Земле и небе» (1895 г.). В ней впервые высказана идея создания искусственного спутника нашей планеты. «Воображаемый спутник Земли, вроде Луны, но произвольно близкий к нашей планете, лишь вне пределов ее атмосферы, значит, верст за 300 от земной поверхности, представит при очень малой массе пример среды, свободной тяжести», — эти мысли ученого Андриян записал в свою тетрадь.

...«Как сообщить такому... телу скорость, необходимую для возбуждения центробежной силы, уничтожающей притяжение Земли, когда эта скорость должна доходить до 8 верст в секунду?» — задал сам себе вопрос Циолковский. И вскоре сам же и нашел ответ: «...Предлагаю реактивный прибор, то есть род ракеты... грандиозной и особенным образом устроенной...» — писал он в 1903 году.

«Удивительно! — подумал Андриян. — Но в космических ракетах наших дней есть многое из того, о чем писал «калужский мечтатель» в своем труде, ставшим классическим, — «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Природа одарила человека чудесным свойством — жаждой знаний, которое властно влечет в неведомые дали, на трудную дорогу подвигов и открытий. Перед пытливым взором землян лежит почти совсем неизведанная страна — космос. И только ракета может стать «боевым конем», способным помочь им исследовать эту страну, стать свидетелем первых результатов исканий, познать и умело применить «богатство» космического океана для земных дел».

...Представилась Андрияну и такая картина. В нетопленном подвале дома на Садовой улице в Ленинграде люди, которые вчитываются в труды калужского учителя, склоняются над чертежами, и в причудливых переплетениях линий, в расчетах этих энтузиастов, «работающих даром», смутно угадываются черты первых «Востоков»...

* * *

В одной из своих статей Валентина Терешкова, сама уже член отряда летчиков-космонавтов, писала:

«...В отряде космонавтов приспела страдная пора — всю развернулась подготовка к длительному групповому полету двух космических кораблей. Командиром одного из них определили Андрияна Николаева, командиром второго... — Павла Поповича. У ребят был предельно занят каждый день; они жили по особому расписанию, и виделись мы реже, да и то все как-то мельком. Им предстояло выполнить сложные задачи. Речь шла не об одних сутках полета. Впервые в истории космонавтики на близкие друг к другу орбиты должны были выйти два корабля».

В одной из других своих статей Валентина Терешкова писала: «Меня радовало, что в командиры «Востока-3» готовят молчаливого Андрияна Николаева. Он дублировал Титова и, по отзывам медиков, обладает идеальным здоровьем, выдержкой и спокойствием».

Валя знала, что все космонавты уважают Андрияна Григорьевича за исключительную скромность, что он — прирожденный летчик-истребитель. И хотя никогда об этом не говорил, она знала: он совершил подвиг. Однажды в полете на его истребителе отказал двигатель. Андриян мог бы спастись на парашюте, но, рискуя жизнью, умело посадил самолет в поле, на краю глубокого оврага, сохранил дорогостоящую машину. Никто из его друзей не сомневался, что Николаев выполнит любое задание, чего бы это ему ни стоило.

Вале не раз доводилось видеть, как Андриян терпеливо возился с ребяташками во дворе, помогал им мастерить удочки, угощал мороженым, точил коньки. Дети были частыми гостями в его холостяцкой обители, запросто обращались к нему за советами, приходили разрешать споры.

Андриян — страстный рыбак. И, по мнению Вали, никто из космонавтов лучше него не умел на берегу речки в котелке на огне костра сварить уху...

* * *

Все-таки любопытно, а как же относились к Андрияну, к характеру его друзья по отряду? Как он сам анализировал свои тренировки и учебу в отряде?

Такая ходила о нем расхожая фраза: «Андриян Николаев никогда не волнуется, он очень терпеливый». Но сам-то он думал, что они просто шутят. Ведь он такой же, как все, и волнуется он так же, как все. Просто он привык держать себя в руках. Скажем, Андриян очень волновался, когда проходил медицинскую комиссию, отбиравшую летчиков в отряд космонавтов.

Он начал учиться и тренироваться вместе с друзьями, проникся большим уважением ко всему, что связано со словом «космос». И хорошо понимал, что в космос собирается лететь не просто как человек по фамилии Николаев. Не впадая в пустую риторику, он считал себя избранныком, посланцем народа, считал, что жизнь его и друзей по отряду принадлежит не только им лично, но и народу. Поэтому каждый из них должен вернуться на Землю во что бы то ни стало. Их ждут не только близкие, но и весь народ. Вот почему они без всяких возражений проходили одно испытание за другим, а врачи давали им часто значительно большие нагрузки, чем можно было ожидать в полете. Так необходимо! Если способен на трудное — легкое преодолеешь.

Андриян любил нагрузку, предположим, такую, чтобы ветер бил в лицо. Такие нагрузки были связаны с парашют-

ными прыжками: летишь, как птица, и дышится легко. А воздух тугой и чистый... А вот ненавидимая многими — центрифуга. Устройство, вращающееся наподобие карусели, в единственном кресле которого «глухо» сидит космонавт. Датчики, облепившие его, контролируют пульс и дыхание. Итак — центрифуга набирает и набирает обороты. В конце концов становятся они поистине бешеными... Вот стали нагрузки восьмикратными — человек как бы стал весить на несколько сот килограммов больше, расплзаются мышцы и ткани лица, губы словно свинцом наливаются... Но нужно работать! Как? Для проверки ясности сознания решать предлагаемые арифметические задачи и докладывать врачам о состоянии, все время отвечать на их разнообразные вопросы. Для некоторых центрифуга как раз стала тем рубежом, который они не смогли преодолеть.

С центрифугой у Андрияна сразу наладились, скажем так, приятельские отношения. Ее неудобства выдерживал он сносно, терпеливо. Чутьочку тяжелее оказалась поначалу термокамера, но это можно было объяснить весьма просто: ведь столько лет Андриян был связан с холодным севером. С беговой дорожкой, вибростендом, изнуряющими качелями конфликтов у него не было вообще...

...Барокамера хорошо знакома современным военным летчикам. Из наглухо изолированной камеры, где находится космонавт в кислородной маске, быстро выкачивается воздух. Воздух становится все разреженнее, пульс — учащенным. Но вот со свистом воздух вновь наполняет камеру, восстанавливается привычный ритм дыхания, успокаивается сердце. Считай, что ты побывал на большой высоте.

Насчет барокамеры есть особая запись в дневнике Андрияна: «И только одна «старая знакомая» подвела — барокамера. А вернее, я ее подвел. Ведь надо же такому случиться. Сколько раз в авиаполку я имитировал высотный полет в этой скупой на воздух комнате. И ни разу не было с ней разлада. А тут... Вошел в камеру как в свою квартиру. Все тут знакомо. Монотонно высвистывает насос, откачивает воздух. Медленно плывет стрелка барометра. Давление падает. «Высота» три тысячи метров... пять тысяч... шесть... Но что это такое? Все на месте. Кислород идет. А грудь теснит. Вроде что-то изнутри давит. Чувствую: что-то неладно. И сердце бьется учащенно. Что же ты, сердце, думаю?! Я ведь на тебя никогда не обижался, даже там, на жутком кругу центрифуги. А тут...

Врач увидел мое самочувствие, и от одной его фразы все прояснилось: «Вы сбили темп дыхания. Не торопитесь».

Да, только теперь я понял: дыхание мое было хаотическим. Глотал я кислород глубокими, жадными затяжками и все спешил повторить вдох за вдохом. Понимал я и другое: восстановить темп дыхания не так просто. Надо уметь взять себя в руки. На какую-то долю минуты надо воздержаться от соблазнительного вдоха, потерпеть и исподволь, скупыми, равномерными глотками войти в ритм. Сам себе сказал: «Спокойнее». ...Первая, самая мучительная, задержка глотка. Потом уравновешенный вдох. Второй, третий, четвертый... Гляжу, врач одобряюще кивает. Значит, дело идет на улучшение. Да и сам чувствую: мне легче. Теперь пусть стрелка барометра продолжает свой путь. Выдержу. Вот уже и «стратосферный эшелон достигнут». В тот день мы долго говорили с ребятами о кознях «старой знакомой». Оказывается, одному из моих дружков тоже крепко досталось от барокамеры. Но с ним она круто обошлась по другой причине — из-за психической неустойки ее жильца. Дело в том, что он сверх меры переживал за исход испытания. Все время думал: куда ни кинь, а речь идет о твоей дальнейшей судьбе. Сорвешься — прощай, космос! А кому охота в такое-то время, когда цель уже, кажется, достигнута, расставаться с выстраданной мечтой. Вот это переживание и заарканило парня так, что едва до финиша дотянул».

«...Мне почему-то давно твердят, что я терпеливый, — к прежней мысли возвратился вдруг Андриян. — Одни говорят это с уважительной завистью, другие — с насмешечкой. Признаться, я и сам чуточку верил в свою твердокаменность. Но до тех пор, пока не столкнулся с настоящей пробой на крепость нервов. Случилось это в сурдокамере, где я отсиживал свой положенный срок. Вначале все шло как нельзя лучше. Был у меня так называемый «перевернутый распорядок». Днем отдых, ночью работа. Все делалось по расписанию. В положенное время просыпался, занимался физзарядкой, завтракал, приступал к работе, тренировался. Во время тренировки на меня многоглазно смотрела испещренная цифрами таблица. Цифр много. Красные и черные. Я должен водить по ним указкой и отсчитывать. Красные — по убывающей, черные — по возрастающей линии. Сижусь и сам себе команду: «Одиннадцатый черный, четырнадцатый красный, двенадцатый черный, тринадцатый красный...» Если соврешь — утаить невозможно. Магнитофон все записывает. Занятна комбинация с лампочками. Тебе надо запомнить «свое» светосочетание. А тут нарочно сбивают с толку. Вот и гляди, чтобы не попутали. Но здесь я марку выдержал.

...Я один на всем белом свете — так казалось в эти минуты, как я ни старался представить себе шумный мир за стеной сурдокамеры. Как же вырваться из этого жуткого объятия одиночества? Знаю, кое-кто меня считал необщительным, любящим уединение. Нет, что вы, товарищи? Не таков я. Не могу быть без вас, люди! И тут же поймал себя на нехорошей мысли. Не можешь? А как же быть, если надо? Вспомнил своего дружка Валерку, который первым пришел в сурдокамеру, прихватив с собой целую кипу книг. «Для чего это?» — спросил его. «Читать буду». Нет, я тоже не сидел сложа руки. Но, видимо, не до конца еще заполнил все свое время. Даже свободное. Пришлось уплотнить его. Еще раз просмотрел все расписание. Прикинул, что и где могу на себя взять дополнительно. Стал больше читать. Мастерил электрические датчики. Писал матери письмо. Я ей всегда часто пишу. Хоть открытку, а pošлю: «Жив, здоров. Не беспокойся, мама. Как твоё здоровье?» Этих «жив-здоров» набралось столько, что если бы все сразу они пришли в Шоршелы, мама, наверное, встревожилась бы: не случилось ли чего?

Нет, мама, со мной ничего не случилось. Только очень заскучал по тебе, по друзьям, по всем людям, по нашим милым Шоршелам. Закрою глаза и вижу зябкий рассвет над нашей рекой. Мне нравилась осень в заречье. Крикнешь — далеко слышно. И паутина летит. Бронзовым лучом перелески горят. И кленовые листья цветными конвертами по воде плывут. Почта осени. Получай повестку, село! А потом вспомнил отца, голодный год, жидкую яшку, клеклый хлеб. Заметенную снегом дорогу на Мариинский Посад, куда отправлялся пешком на учебу. Опухшие ноги гудят. Жжет мороз. И выюга гудит, мечется. Кажется, и сейчас слышу ее голос. А потом опять вижу поле, реку, медвяный клевер. Арбузы в «тельняшках», гудят мохнатые шмели. Дрожит марево. Звездами рассыпаны ромашки. Терпко щекочет ноздри аромат полыни. В лесу сладко дышится винной прелью дубняка. А на проселочной пыльной дороге отпечатаны следы моих босых ног. Все это, кажется, далеко-далеко вместе с годами уплыло, а я бегу, догоняю крестьянское детство. Бегу и кричу: «Люди, любите землю! Она такая красивая. Такая добрая. Без нее нам нельзя!» Помечтал я, и вроде легче стало. Может, и время быстрее пойдет. Гляжу на часы. Время, кажется, в колесиках застряло. Уж очень медленно движется. Хватит будоражить мысли. За работу!»

...Упорно тренировался Андриян Николаев в отряде космонавтов. Он поражал друзей своей настойчивостью. Отра-

бывал каждое упражнение, каждое движение, помногу раз повторял их. Часто, когда космонавты покидали спортивные залы, оставался потренироваться один и уходил отдыхать только тогда, когда добивался, как говорят спортсмены, «чистой работы» и внутреннего удовлетворения.

Могут сказать, струны сердца очень толстые, поэтому терпит Андриян. Неправда это! По правде, струны сердца очень тонки и чувствительны у него...

Хорошо знал он, что после такой тренировки встретится он с Вале... Если говорить без ложного и пафосного преувеличения, внутренние силы Андрияна умножали любовь к Родине, любовь к матери...

...После возвращения с тренировок «на полную катушку» ни на минуту не задерживался Андриян: он спешил к Вале. Сегодня, например, они решили покататься на велосипедах.

Вот и высоко взметнувшиеся к небу, мелькающие по сторонам тропинки сосны с падающей со стволов шелухой остались позади. Валя мчалась впереди на легкой, как ласточка, удивительной этой машине — велосипеде. Она любила ездить быстро! Андриян спешит догнать ее, не сводя глаз, смотрит на ее гибкую спину. «Уф!» — наконец-то, догнал. И поехали они спокойно бок о бок...

Искоса, как-то испытующе, смотрел Андриян на девушку. «Что же все-таки мне нравится в Вале? — в который раз думал он. — Ответить трудно. Просто хочется слушать ее высокий и одновременно певучий голос, звонкий смех, от которого невозможно самому не улыбнуться. Как хочется, чтобы она всегда шла рядом и чтобы рука моя чувствовала тепло ее ладони».

— Андрюша, догоняй меня, — озорно крикнула Валя и, резко раскрутив педали, стремительно умчалась по извилистой лесной тропе, и откуда-то из глубин бора, издали-далека слышится лишь прерывистая, пречудная музыка эха: «Ан-дрю-ша! А-а, а-у-у-а! А-у-у-у!..»

...Они отъехали от Звездного городка более чем на двадцать километров. Потому-то так поздно они возвращались. Но не ехали, шли рядышком, вели велосипеды, разговаривали. Или пели, вернее — пела Валя, а Андриян слушал, изредка пытаясь подпевать. Валя знала много оперных арий, песен. Они-то больше всего по сердцу Андрияну в ее исполнении, особенно «Подмосковные вечера», «Я люблю тебя, жизнь», «Береза...» Песня о березах, что не спят под Москвой, всегда волновала Андрияна чуть ли не до слез.

И опять уступали песни место во времени разговорам о

родных краях, Волге, о прочитанных книгах, стихах... Звучали и сами стихи.

Андрян рассказал Валентине — нет! — не легенду, а быль про орлов, смертельную схватку которых довелось ему увидеть над Волгой в детстве. Когда два пернатых великана, возможно, не поделившие любовь или пространство над огромной рекой, сцепившись в мертвых объятиях, рухнули в пучину Волги.

Валя заметила:

— Я люблю этих сильных, смелых и гордых птиц.

— А людей с такими качествами характера?

Валя улыбнулась, подумала и сказала как-то необычно выразительно:

— По-моему, настоящий человек берет от птицы этой самое лучшее: чувство простора, неба, полета, смелость, преданность, любовь...

Это было пока все, что было сказано между ними про большие человеческие чувства. В том числе и о любви, и объясниться в ней никто из них не смел. Но все же многое было ясно и без слов. После этого путешествия Андрян, пожалуй, мог бы ответить себе, что же нравится ему в Валентине. Простота, задушевность, искренность, человеческая доброта. И ее глаза. И ее волосы. И особый — волжский — выговор. И ее мысли, которые во многом были схожи с его собственными, созвучны им.

...И снова сели они на свои легкие велосипеды. Валя вновь ехала впереди. Росная, усталая хвойными иглами тропинка-проводница, кажется, сама набегала под шины. Над головой протяжно шумели кроны бронзовых сосен, поскрипывали их стволы; пытались ухватиться за плечи ветви встречных лип, кленов, орешника... Предзакатные солнечные пятна перемежались по лесным цветам и травам. Пахло ягодой, грибами и смолой. А в чащобе заливался соловей. Остановились они на несколько минут, послушали песню соловья.

Редкий день не встречались они, но чаще всего, конечно, виделись на занятиях и тренировках, и почти всегда Андрян оказывался рядом с Валею. Минута в минуту выходили все на физзарядку, но плечом к плечу бежали только «эти двое» по «космической» тренировочной тропе в бору.

Андрян и сам не заметил, как привык к мысли, что иначе и быть не может. Вечерами он простаивал у подъезда, ожидая, когда же выйдет Валентина. Потом допоздна бродили они по притихшим аллеям городка. В прогулках своих нередко заглядывали они в кино, бывали в городском теат-

ре. По воскресным дням дружная пара наведывалась в Москву. Посещала музеи, картинные галереи, различные выставки. А иногда Андриян и Валя просто гуляли по многолюдным или малолюдным улицам, подолгу стояли на Красной площади перед мавзолеем.

Почему же он — в общем-то, как говорят, видный парень — до сих пор не дружил ни с одной девушкой? Может оттого, что был от природы застенчивым? «Юноши нашей деревни смирные, можно даже сказать, стеснительно-робкие, — рассуждал Андриян. — Иные девушки смелее и удалее их. Но главная причина, видимо, не только в этом: просто я не встречал своей девушки...»

* * *

Предстояла генеральная репетиция перед новым, третьим, штурмом Вселенной.

Последний экзамен перед стартом... последняя репетиция. Андриян стал облачаться с помощью товарищей в космический скафандр. Не спеша вошел в «Восток-3». Стал обживать свой корабль. Делал то, что требовалось от истинного старта до посадки. Включил системы. Он как бы начинал «жить» действующей аппаратурой, приборами. «Управлял» кораблем. Вел наблюдения. Экспериментировал. Любовался звездными закатами и рассветами. Спал в корабле. Занимался «космической» физзарядкой.

Да, именно так началась генеральная репетиция. Однако она была репетицией не только физической и умственной, но, главным образом, психологической. Андриян мысленно представлял свой близкий старт, свою работу на орбите, свое задание, осознавал степень ответственности и долга перед теми, кто уже снаряжал его и его корабль на трансдальнюю трассу.

...Его «полет» продолжался дальше. За бортом сгорали звезды и зори. Рождались рассветы. Слепящей голубизной полыхали летние дни. Только в его корабле все оставалось поистине независимым от внешнего мира. Ни запахов трав. Ни шума ветра. Ни птичьих голосов. Тишина. Одиночество. Постоянный искусственный свет.

Первые двое суток прошли как-то незаметно. Но потом потекли тягостные часы. Андриян думал: «Что ни говори, а человек — существо земное, социальное, он привык жить на земле, среди людей и ему трудно отделиться от нее, ему трудно без всего сущного — земного. И все же это не значит, что ты бессилен против одиночества и тишины. Нуж-

ны терпение, воля и самовнушение. Да, самовнушение, — продолжал рассуждать Андриян, — это величайший аккумулятор духовного равновесия. Помню: сидел в сурдокамере, где, кажется, ты забыт всем миром; со свистом летел по кругу центрифуги с такой перегрузкой, что сердце трещало и становилось тесно в груди; при вестибулярной пробе крутили меня в полосатой «коробке» до тех пор, когда хочется за стенку или за стул схватиться — и все же становилось легче, во всяком случае, более терпимо, когда ты сам себя настраиваешь на высокий лад: ничего, бывает хуже. А это ты выдержишь... И выдерживал, да так, что забывал о всяких трудностях и самое гнетущее воспринимал как обычное».

Нечто подобное заставил сделать Андриян с собой, со своим состоянием в корабле. То начинал день за днем отчитывать, час за часом, потом и минуты в счет пошли... И удалось ему перестроиться, переломить удручающее настроение, внушить себе, что сидеть здесь просто так же необходимо, как хлеборобу косить хлеб, а шахтеру добывать уголь...

Отвлекала от лишних, а порою даже вредных раздумий именно работа. А рабочих забот выпало ему немало. Помимо выполнения программы «полета» он должен был как следует проверить всю аппаратуру, все установки, каждый прибор, систему жизнеобеспечения. Ведь все это оборудование уйдет с ним в космос, в настоящий полет. Особое внимание обратил Андриян на скафандр. В первый день отлично сидел на нем он, «сшитый» по самым точным меркам. Потом стал казаться ему сделанным будто бы не по его размеру: то манжета стала поджимать, то ботинки жестковато стягивали ноги, то вдруг переговорный «рожок» у рта словно бы отвисал. Чудеса: со временем все как бы само собой уладилось. Ботинки оказались как раз по размеру. Манжеты малость ослабили — и стали в самый раз. Другое кое-что поправил. Приноровился и к одежде, и к аппаратуре.

Валя несколько раз приходила к «Востоку-3», подолгу стояла у борта корабля, как бы прислушиваясь к его «неземной» жизни. Но переговорить с его обитателем ей не разрешили. Такой порядок.

Между тем, жизнь в корабле шла своим чередом. На доклады Андрияна Николаева следовали скупые ответы и запросы. За его действиями бдительно и внимательно следили многие специалисты. И врачи, и инженеры, и руководитель тренировок. Под неослабным контролем были все его движения, решения, работа и, несомненно, состояние сердца, так сказать, вместилища души.

В ходе испытания кое-какие поправки были внесены в физический комплекс. Рекомендовано было несколько новых упражнений для космической физзарядки. Пригодилась предварительная тренировка вестибулярного аппарата. Но все же — это происходило здесь, на земле. А как там, в космосе? И Андриян продолжал тренироваться со все возрастающей нагрузкой.

...Опять нахлынули воспоминания. Чтобы как-то отвлечься, он вновь извлек из кармана скафандра купленную недавно в Москве небольшую книжку в сером переплете. На черном её фоне — алые слова: «Говорят погибшие герои». Открыл первую страницу. Уже само предисловие заставило задуматься. Строки этой книги были написаны разными людьми в их последний час. На рубеже, изломе жизни. Это были не просто предсмертные письма, а завещания живым. Можно ли найти более эмоционально сильные человеческие документы, чем эти, запечатлевшие мысли, чувства, поступки тех, кто не рассчитывал на снисхождение судьбы? И найдутся ли более сокровенные слова, в которых так раскрывается душа человека, все заветное, что он хотел поведать миру? За этими строками Андриян увидел не единицы героев, а целое поколение людей высочайшего духа и прекраснейших идеалов.

Писали эти письма русские, украинцы, белорусы, грузины, чуваша, эстонцы, узбеки, латыши. Писали солдаты и генералы, коммунисты и беспартийные, пехотинцы, летчики, моряки, партизаны, подпольщики и даже дети.

Говорят, сердца черствеют в тяжкие минуты. «Нет, это неверно, — думал Андриян. — Они становятся нежнее, щедрее, и, если в них жила любовь к чему-то и кому-то, она, эта любовь, как бы получает свободный выход на люди: тут уж не к чему и незачем ее скрывать».

Некоторые строки отдельных писем-завещаний Андриян выписал в свой блокнот, в свою «сердечную книжку», где он вел предполетные записи, излагал чувства и мысли, навеянные близостью старта. «Наверное, перед великой человеческой любовью все равны — и рядовой, и генерал, и юноша, и убеленный сединами мужчина», — размышлял космонавт в тот, единственный вечер, когда долго не мог уснуть, забыв даже про фиксирующую всплески сердца кардиограмму. Да разве сердце не забьется сильнее после таких строк: «Враги беспощадно лезут. Но нас двое. Но мы будем стоять, пока хватит духа, не пропустим их до подхода своих... И вот я один остался, раненный в голову и в руку. И танки прибавили счет. Уже 23 машины. Возможно, я умру.

Но может, кто найдет когда-нибудь мою записку и вспомнит героев».

Вот еще: «Сегодня, завтра, я не знаю, когда меня расстреляют за то, что я не могу идти против своей совести, за то, что я комсомолец. Я не боюсь умирать и умру спокойно... Я не одинока и чувствую вокруг себя много любви и заботы. Умирать не страшно». Еще: «Эти строки пишу за несколько минут перед смертью... Но я иду на смерть смело, мужественно, так, как положено людям нашего склада. Вся жизнь был честным, преданным, неутомимым борцом без личной корысти. Никогда не кривил душой. И таким умираю... Я умираю и буду жить. Моя любимая дочь Олечка, расти счастливой, учись и выйди в люди, никогда не забывай, что твой отец умер на виселице за дело народа. Прощайте, дорогие». И еще: «Перед тем, как меня сегодня «наградят» 8 граммами свинца, хочу выложить все, что во мне за эти два месяца накопилось... Умираю за свои убеждения, сознавая, что много сделал для разрушения страны рабов — Германии и навеки останусь в памяти своих товарищей как человек, который не боялся ни правды, ни смерти».

Нашел Андриян и завещания земляков в этой книге. Чуваша Ивана Алексеева, командира батареи. Был при нем блокнот, который он сам назвал «сердечной книжкой» (потому-то свою книжку и назвал Андриян так же. После гибели однополчанина батарейцы прочитали в той книжке: «Я обороняю очень ценный, важный и решающий район. Есть чего оборонять. Важные дороги. Хотя место опасное, но эту огневую позицию бросать никак нельзя. Если помереть — есть за что...»

Книгу эту Андриян прочитал два раза и как бы заново прошел по собственной жизни, посмотрел на нее со стороны, глазами тех, кто сражался за нее, за эту жизнь, в окопах, в воздухе, на море. И так ему хотелось сказать всем людям земли, своим сверстникам и современникам: «Не забывайте тех, кто за вас сражался».

И он глубоко задумался: «Да, часто, порой, может, даже слишком часто говорят о нашем космическом подвиге. Но разве мы могли бы выйти на орбиту без того, что сделали эти люди, спасшие мир? Наши дела — лишь продолжение их подвига. И преклони, товарищ, перед ними колени, произнеси благодарные, от самого сердца слова».

Прочитав книгу, захотелось Андрияну поделиться своими мыслями. Исписал два листка в блокноте — о долге и чести, о труде и выдержке, скромности, мужестве и вечном устремлении человека к добру, к справедливости, к

счастью. А потом эти раздумья сами по себе легли в письмо к матери, написанное здесь же, в корабле, где проходила генеральная репетиция перед новым штурмом Вселенной.

«Дорогая моя мама! У меня все хорошо. Служба идет своим чередом. Не беспокойся. Здоровье хорошее. Работа мне не страшна. Но я все время боюсь другого, мама: как бы люди не сказали, что не все делаю, что мог бы сделать. Надо каждый час своей жизни отдавать с пользой для людей. Прочитал сегодня книгу «Говорят погибшие герои» и пришел к выводу: о, как мы, молодое поколение, еще мало расплатились за сделанное во имя нас в войну. Мы в неплатном долгу.

Вот и тружусь, мама, с одной мыслью: как можно лучше, полезнее жить на свете, готовить себя к тому, чтобы Родине отдать не только труд, силы, но и саму жизнь, если потребуется это. Но ты не пугайся. В моей службе опасного ничего нет. В основном учеба и работа. Хочется не отстать от хороших людей. А люди здесь хорошие. Большой тебе привет от них. Целую. Андрей».

Письмо вложил в конверт, написал адрес. Отправит он его уже после выхода из корабля.

...Наступило время наладиться на сон. И вот, закрыв глаза, он уже начал дремать. Очень часто Андрияну снились пшеничные поля. Волной они катились от его ног в широко распахнутые дали до самого горизонта. И он идет по ним напрямик. Идет как по воде. Все выше и выше хлеба. Вот желтая волна у самого подбородка уже колыхнется. А он все шагает и дышит, дышит спелым настоем пшеницы. Потом хлеба расступаются, перед ним, как из-под земли, встают его родные Шоршелы. Всматривается Андриян в знакомую окраину. Они, они, Шоршелы! Вон и зеленая стена хмеля у дороги, и школа над приречной долиной, и пыльная тропка, на обочине ее — сочные подорожники и синие, цвета чистого неба и голубых родников, васильки. Ведет эта тропка к тем родникам... И входит в них Андриян, как... как в голоса синичьи.

А потом сон переплелся с явью. Совсем недавно, перед этими предстартовыми тренировками, Андриян съездил на побывку в родные Шоршелы. Свиделся с родными, побывал в школе, на току. Ходил на рыбалку. Помогал брату Петру достраивать дом. Возили они кирпич. А вечерами выходил за село... послушать поле. Да, он любит слушать поле. Оно будто говорит что-то, доброе, приятное или же вдруг напоминает о чем-то печальном, но тоже близком сердцу...

В космическом корабле Андрияну снились сны... Вооб-

ще-то он всегда спал почти без сновидений. А тут вот при-
велось отправиться в сказочное путешествие по отчим кра-
ям. Врач-психолог вначале озадаченно прокомментировал:

— Да, лучший отдых без сновидений. — Но, подумав,
вынес совершенно иной приговор. — А вообще-то это не-
плохо, что перед дальней дорогой хоть мысленно в родные
края наведался. Моральную зарядку получил. В полете это
очень нужно.

Ну как тут не согласиться с тем, что говорит медик!
Ему виднее. Но и Андриян с полным основанием добавил:

— Да, доктор, совсем неплохо повидать во сне хоть кро-
хотный уголок вскормившей тебя земли перед тем, как с
ней расстаться.

...«Восток-3» делает последние «обороты» вокруг Земли.
Он начал «спускаться». Генеральная репетиция прошла успеш-
но. Настали час и минута, когда распахнулся люк корабля.

После тщательного медицинского осмотра Андриян вы-
шел на улицу и захлеб, всей своей грудью вдохнул чистый
и прозрачный, как родниковая вода, такой голубой воздух.
Обросший, немного уставший, но радостный, опьяненный
светом и воздухом, зашагал он по знакомой аллее. И —
первого из космонавтов — встретил здесь свою Валентину.

— Андрияша! — пристально посмотрела она на Андрия-
на, который вскоре должен полететь в космическое про-
странство, улыбнулась, ласково провела ладонью по его не-
бритому лицу.

* * *

Андриян внимательно рассмотрел каждую вещь своей
комнаты. Аккуратно сложил лежавшие на столе книги, по-
держал каждую статуэтку, стоявшую на этажерке. Потом в
полном сборе, надев фуражку, с чемоданчиком в правой
руке, встал.

— До свидания, доброе жилище, — сказал он тихо. —
До встречи, после возвращения с орбиты.

Заперев дверь, вышел на улицу. Надо точно, вовремя
прибыть в штаб. К командиру. Это — первое. Второе — нуж-
но зайти к Вале. Она должна проводить его до аэродрома.

На улице было душно. Жарко палило солнце и лучи его
словно жалили лицо.

По тротуару шли навстречу друг другу два человека. Один
— в форме летчика, в руке — небольшой чемоданчик —
Андриян. Другой — полнолицый, среднего роста, почти
сорокалетний, полный сил мужчина, мужик... — Фома.

Чуть не столкнувшись, посмотрев чуть ли не в глаза, — не узнали они сразу друг друга, прошли мимо. Только сделав три-четыре шага, спохватился Андриян: «Да это же Фома! И походка его».

— Фома?! — громко окликнул он встречного.

Тот оглянулся, и лицо его стало проясняться улыбкой: он узнал товарища.

— Андриян?! — обнялись и трижды расцеловались они.

Оказывается, Фома как раз направлялся к Андрияну, размышляя об этой встрече, потому был так задумчив и рассеян. Хорошо, что еще встретились на дороге.

— Говоришь, отпуск получил? Едешь повидаться с карельскими друзьями? — глубоко вздохнул Андриян. — Ох, Фома, как бы хотелось мне поехать вместе с тобой! Но нет у меня сейчас такой возможности! Пойми меня, дорогой Фома, и извини, — Андриян любовно взял друга за руку. — Даже в эти минуты я не могу с тобой долго разговаривать. Мне нужно очень и очень спешить: сегодня должен выехать в ответственнойшую командировку.

Фома всегда хорошо понимал Андрияна, верил ему. «Но ведь может и не поверить, хотя и знает, что у меня между поступком и делом нет зазора, — ворохнулась скользкая мыслишка в голове Андрияна. — Приехав в Карелию, может сказать: «Наш бывший мастер Андрюха задирает голову, даже со мною разговаривал всего лишь каких-то там десять минут». А вдруг так и не скажет? Но как же убедить его?»

— Фома, ты говоришь, из Карелии вернешься через неделю. Прошу тебя, на обратном пути обязательно заезжай ко мне. Обязательно заезжай! — не то приказывал, не то просил он друга.

— А коли тебя опять не будет дома?

Андриян вынул из кармана два ключа.

— Вот тебе, Фома, ключ от моей квартиры. Если меня дома не будет, открой и зайди, жди меня. Живи... И других друзей можешь привести с собою из Карелии. Проведем встречу, застолье. Ну, Фома, хватит разговаривать. Я очень тороплюсь...

Фома бережно взял ключ и, обняв Андрияна, поцеловал его.

— Говоришь, заочно учишься в институте? — спросил Андриян.

— Да, Андрей, уже четвертый курс закончил. Хочу стать настоящим гидростроителем, настоящим специалистом. Ладно. Вижу: очень уж ты торопишься...

— Молодец ты, Фома!

— Не я, ты молодец. Помнишь? Ты мне сказал: «Борись сам с собой». Спасибо тебе, что ты меня тогда так школил!

— После возвращения из моей серьезнейшей командировки мы обстоятельно потолкуем обо всем этом. Тогда ты расскажешь, как поборол сам себя.

— Желаю тебе счастливого пути, Андрюха, — Фома с ласковым восторгом хлопнул друга по спине.

— Спасибо, друг! Не забудь передать от меня пламенный привет Ивану Семенычу, Мрехину и его жене, красавице Инге. Конечно же, и Кузьме Калюку.

— Знаешь ли, Мрехин-Умрехин теперь мастер, техникум закончил. Иван Семеныч — директор. А Кузьма Калюк помощник мастера.

— Знаю, все знаю, Фома. Регулярно переписываемся: я им пишу, они — мне. Всего доброго!

И Андриян торопливо зашагал по своему «серьезнейшему» делу. Фома вдогонку вновь пожелал ему счастливого пути. Но разве мог он предполагать даже, что его друг должен «поехать в командировку» вокруг всего земного шара, да еще обернуться вокруг него несколько десятков раз?

Андриян глянул на часы: «Успею еще!» — обрадовался он. В то же время взяла его досада, что для разговора с Фомой не было у него лишних минут.

«Удивительно, — подумал Андриян. — Когда я впервые увидел Фому, решил, что он совершенно пропащий, неисправимый человек. Как он изменился! Помню, в последнее время жили мы с ним вдвоем в одной комнате. «Пропащий» человек стал для меня самым близким товарищем. Подружились мы. Он по натуре очень трудолюбивый, за друга готов пойти и в огонь, и в воду. Фому, видимо, сбила, как говорится, с панталыку измена любимой девушки. Уверен, что другой причины не было. Эх! — корил себя Андриян. — Бестолочный я какой: даже не поинтересовался, как живет он со своей любимой Пляжкой?»

С какого же момента времени возникло в нем самое искреннее уважение к Фоме? Может быть, с памятного вызова Фомы в военкомат? Орден Красной Звезды, который тот должен был получить во время войны, ему тогда вручили. Ладно еще сумели разыскать его! Именно тогда Андриян впервые, крепко обняв, горячо поцеловал его.

«Теперь вот Фома заканчивает институт. Будет дипломированным гидростроителем», — Андриян от всего сердца обрадовался за этого «пропащего» человека. За своего друга по озерной Карелии.

КОСМИЧЕСКАЯ СЕМЬЯ

Перед отлетом на космодром оставалось совсем немного времени. Было заметно, что в эти минуты Валя стала особенно внимательна к Андрияну. Быстро и аккуратно погладила рубашку. Положила в чемоданчик книги для дорожного чтения, конверты, бумагу. Подарила красивую ручку. Улыбнулась:

— Из космоса письмецо пришлешь?

— С радостью.

Они быстро собрались. Прощались в аэропорту. Андриян обнял ее. Молоденькие ребята, стоявшие поодаль, хихикнули. Валя шепнула:

— Идем, провожу до самолета.

По пути сказала так ласково и просто, что, казалось, они знакомы чуть ли с детских лет:

— Не волнуйся, Андрюша. Все будет хорошо.

— Спасибо, Валюша, — он пожал ей руку и нежно поцеловал, попрощался с провожающими.

И уже самолет взмыл в небо, взял курс на Байконур.

Байконур — это космодром, место старта всех советских космонавтов. Но недалеко есть еще и город, именно современный город, а не городок. В нем многоэтажные дома, множество магазинов. Театр. Стадион. Как в любом городе, центральная площадь, от которой лучами расходятся улицы — Космонавтов, Театральная... Вдоль них — пирамидальные тополя.

Как далеко теперь Андриян от Москвы! Скоро, совсем уже скоро серебристая ракета, титанической силой отторгнутая от земли, унесет его в космос. И в который уже раз он вспомнил детство, отца, так рано покинувшего мир живых, с нежностью и любовью вспомнил маму. Мысленно уже несколько раз представил он Валентину. Андриян достал свой неразлучный с ним блокнот. Надо хоть пару слов написать Вале. Но как передать? Выпадет ли оказия

какая домой? И подаренная Валентиной ручка сама вывела строки:

«Здравствуй, Валя! Это письмо ты получишь, наверное, когда я уже буду лететь в настоящем, а не в тренировочном корабле. А может, и раньше. Хорошо бы так. Возможно, будет какой-нибудь непредвиденный рейс. Погода-то хорошая, летная. Что тебе написать? Спасибо за все, за все хорошее. Ты такая заботливая. Хочется и мне ответить тем же. Правда, это у меня не всегда получается так, как хотелось бы.

У меня все нормально. Все будет так, как ты предсказала. До свидания! Береги себя! Будь спокойна. До встречи».

Нет, не мог он не написать. Понимал: если не напишет ей письмо, то будет ощущать себя человеком, не выполнившим какой-то долг, какие-то обязанности. Из Звездного он не забыл сообщить маме: «Уезжаю, мама, в командировку. Чувствую себя хорошо. Не беспокойся. Пусть Петр затепло покрасит полы. Зине скажи, чтобы лучше следила за здоровьем дочки, а то она, как вы упоминали, простыла, кашляет. Привет Ивану и тете. Скоро вернусь.

...У гостиницы космонавтов раздался коротенький гудок автобуса — одновременно послышалось и приветствие шофера, и приглашение к отъезду. Андриян вышел к машине. На ходу, как всегда, подумал: все ли нужное при нем. Ах да, забыл на тумбочке второй томик Лермонтова.

...На крыльце уже стоял его дублер Валерий Быковский. Он предупредительно подал Андрияну томик и нарочито забасил под лад сказа про купца Калашникова:

— «И как вышел он на кулачный бой...»

Андриян укоризненно уточнил:

— Да не про кулачный бой я читаю. Про княжну Мэри.

— Во, это дело! — одобрил подошедший Попович. — Только как бы другая Мэри тебя не приревновала.

— Она не ревнивая!

— Ой ли? Ты еще не знаешь...

Скоро все вместе они отправились на стартовую площадку, на которой высился издали заметный ракетоноситель, нацеленный в зенит. Какой-то тревожно-сладкой болью отозвалась в голове у Андрияна мысль о том, что вот эта схваченная массивными фермами голубая стрела унесет его в невообразимую для обычного человека высь.

Грех не сказать, что в глубине души Андриян волновался. Заметно для себя волновался! Но, конечно же, виду не подавал. А сердце, живой неустанный мотор в груди, стучало все сильнее и сильнее. «Я не раз слышал от многих знакомых и незнакомых мне людей слишком высокую оценку

моему хладнокровию, — не впервые размышлял Андриян. — Хочу разочаровать их, я не такой уж «каменный», как они полагают... Теперь и я заработал право на полет...»

И вот Андрияна пригласили к стартовой площадке, и он решительно зашагал к ракете, поднялся по трапу к лифту, который устремил его к вершине, к люку в корабль. На некоторое мгновение остановился он, взглянул вниз, и дыхание его захватило от высоты, от того количества людей, которые пришли его провожать.

Прощально помахав им рукой, Андриян поспешил на свое место в корабле. Плотно задрал люк. И наступила тишина.... Он сразу же приступил к проверке бортовой аппаратуры, потом доложил о готовности ее к работе на командный пункт. Отсчитывая оставшиеся до старта минуты, заметно переживал Андриян, переживал, нет, не за себя, а за то, чтобы достойно выполнить великое и ответственное задание. И все же, взяв себя в руки, отогнал он от себя все мысли и заботы. Кроме одной: делать все так, как это предопределено программой. Вспомнил слова Главного конструктора: «Знаю, вам спокойствия не занимать. Но будьте трижды внимательны!»

Стрелка на часах показала — до старта осталась минута, всего-то шестьдесят секунд... Отбиваются последние секунды... По могучему корпусу ракеты пошла живая дрожь. Громыкнули силовые установки. Андриян чувствовал: ракета уносит его от матушки-Земли медленно, словно сама не хочет расставаться с планетой. С нарастанием скорости все сильнее начали ощущаться перегрузки. Потом стали они почти невыносимыми, как на центрифуге. На плечи, на все тело навалилась неимоверная тяжесть. Она словно сковывала его, сжимала. И все давила, давила...

Минула минута, другая, ситуация совершенно изменилась: неземной, незнаемой, космической сделалась. В иллюминаторе стало видно «второе» небо. До жути черное, усеянное дневными звездами. Хотелось крикнуть: «Доброе утро, звезды!» Андрияну казалось, что звенели они, как серьги, как мониста. А внизу — Земля. Андриян подумал: «Плывет, плывет подо мной моя голубая планета».

Корабль «Восток-3» со скоростью почти восемь километров в секунду скользил по гигантской, мудро рассчитанной орбите. За каких-нибудь девяносто минут он облетел всю нашу, такую, оказывается, небольшую планету. В иллюминатор «заглянула» желтовато-бурая Африка с зелеными крапинами оазисов. Поплыли... страны, моря.

В полете Андриян, разумеется, не только любовался экзотикой окружающего. Он внимательно и тщательно вел визуальное наблюдение, следил за работой систем и приборов, скрупулезно осуществлял самоконтроль за состоянием своего организма, вел записи в бортовом журнале, поддерживал связь с Землей.

Пролетая над ней, Андриян передавал приветствия народам дружественных стран, всем народам мира.

Пребывая в невесомости, Андриян хотя и много работал, но чувствовал себя превосходно. Для эксперимента переводил он корабль на ручное управление, и система его действовала безупречно, ориентация корабля в пространстве осуществлялась нормально. Специально для телезрителей космонавт демонстрировал чудеса невесомости: например, перед самым экраном телепередатчика выставил боржурнал в плавающем состоянии или помещал — увесистую на земле — кинокамеру.

Уже несколько раз обернулся корабль вокруг Земли. И частенько, пролетая над своей страной, ощущал Андриян пронзительное чувство любви к огромной родине, трогало его сердце понимание того, что где-то там, в глубине России, — его маленькая Чувашия и точка-былиночка — милые Шоршелы, где живут мама, братья, сестра. Как ему хотелось в те минуты испить студеной влаги из родных светлых ключей, хотя на борту корабля было вдоволь прекрасной, вкусной воды. Но разве с нею сравнится та, что звенит у отчего дома. «Вернусь домой — непременно досыта напьюсь живительной водицы светлых ключей, — думал Андриян, — а пока — до свидания, отхожу, как говорится, ко сну. Спокойной ночи, страна, спокойной ночи, Чувашия». И самое последнее, что пришло ему в голову, когда он засыпал, были стихи народного поэта Чувашии о родном крае:

Пью живую силу в ней
Старой доброй сказки,
Сладкий сок родных полей,
Солнечную ласку.

Вечен струй его трезвон,
Щедро изобилье,
Год от года он
Дарит силы-крылья.

Спокойно уснул Андриян. Проснулся в пять. Выспался, как после хорошего сенокоса. Голова была ясной. В теле — легкость. Пока спал, автоматика сама контролировала работу бортовой аппаратуры. Она же, умная автоматика эта,

следила и за его самочувствием, как добрый дежурный доктор. Все как надо. Сделал зарядку. Аппетитно позавтракал и приступил к работе. Время поминутно было отведено всевозможным сложным исследованиям, физиологическим, вестибулярным пробам и психологическим тестам.

Но главное! Сегодня он ждал — всем сердцем! — здесь, в шестом океане, встречи с еще одним кораблем. Пилотировать его должен был его друг Павел Попович.

Программой Андрияну было намечено выйти на своем корабле в космос первым. На вторые сутки Павел должен был подойти, чуть ли не под бок к нему, по рассчитанной орбите. Этот полет изначально предполагался быть групповым. Первым групповым полетом в космическое пространство! «Жду, Паша! Благополучного тебе старта. Вдвоем нам станет веселее», — торопил время Андриян.

* * *

На Чебоксарском электроаппаратном заводе проходил митинг, проводжали на пенсию опытного мастера Ивана Васильевича Васильева. Выступающих было много. Вот взял слово юбиляр. В это время в цех ворвался, ветром влетел возбужденный, радостно сияющий молодой инженер Аркадий Ильин, начал что-то бурно говорить, переходя от одного человека к другому. И поразительно — все они тоже вскоре заговорили, загомонили.

Возмущился в глубине души таким «бесцеремонным» поведением людей старый мастер: «Эх! сегодняшняя молодежь, эх!.. Когда старый человек говорит с трибуны, неужели Аркашке можно так беспардонно болтать? А ведь дожил Аркашка уже до тридцати лет, окончил вечернюю школу, институт, работает инженером. И помню, знаю я его с юношеских лет, когда пришел он в мой цех учеником слесаря. И как он смеет что-то болтать, улыбаться, хохотать, когда в жизни его учителя такое важное событие?» — возмущался Васильев.

Проглотив обиду, старый мастер вновь уткнулся в свой клочок бумаги:

— За то, что мне обеспечена счастливая старость, от души благодарю партию и правительство...

«Что это? — удивился он снова. — Меня же никто не слушает! Все встали. Загалдели, что такое стряслось?»

Начальник цеха на полную мощь включил цеховой репродуктор. Торжественно зазвучал над головами людей го-

лос Левитана. Передавали экстренное сообщение ТАСС. Все присутствующие притихли:

— 11 августа 1962 года в Советском Союзе на орбиту спутника Земли выведен космический корабль «Восток-3». Корабль пилотирует гражданин Советского Союза летчик-космонавт майор Николаев Андриян Григорьевич...

Васильев не выдержал первым, зычным голосом выкрикнул: «Ура!» И даже, чуть подпрыгнув перед трибуной, стал аплодировать в общем хоре рукоплесканий. И тут неожиданная мысль пришла ему в голову: он твердо решил: «Нет, теперь на пенсию не выйду, буду работать!»

На этом же митинге приняли рабочие Андрияна Николаева в почетные члены своего коллектива.

«Цветы! — мгновенно сообразил юбиляр. — Цветы нужны!» — он молодо побежал на проходную, поймал на улице такси, поехал в свой сад за городом и нарвал целый сноп гладиолусов.

Как подарить Андрияну? И притом он ведь еще и не на Земле, а в космосе. «Можно подарить! — подумал Васильев. — Ведь его мама, Анна Алексеевна, говорят, в наших Чебоксарах. Говорят, она сейчас в больнице...»

И Иван Васильевич, буквально прорвавшись туда, подарил матери космонавта свои чудесные гладиолусы.

Из самых разных и отдаленных уголков страны в Чебоксары одна за другой стали поступать приветственные телеграммы, затрезвонили телефоны.

А Шоршелы по-настоящему всполошились. И на улицах, в окoliце и за околицей деревни собрался народ из всех окрестных селений, многочисленные приезжие чуть ли не со всей Чувашии, из Чебоксар, других городов страны, Москвы. Сами сельчане-шоршелцы — мужчины и женщины, старые и малые — нарядились в самое красивое одеяние. Как на большой праздник!

...Андриян удивил весь мир, зарубежье! Бросились иностранцы к разным словарям, справочникам, энциклопедиям: «Чуваш? Чуваши? Что за народ такой?»

Доныне никому не известная деревня Шоршелы вдруг стала известна всему миру.

Всю Чувашию мгновенно облетели вдохновенные строки народного поэта Педера Хузангая:

Пока гадали, зная желая,
Кто в этот раз, откуда, как?
Вдруг выяснилось: Николаев,
Мой соплеменник и земляк.

Я так еще взволнован не был:
Колумба русского почин
Достоинно продолжает в небе
Чуваший отважный сын!

* * *

Ко времени прибытия Фомы в леспромхоз Мрехин с женой вышли в отпуск. В один из ясных дней августа вчетвером поехали они отдыхать на остров Киж. Беловолосая красавица Инга взяла с собой и десятилетнего сына...

Остров Киж плоско раскинулся недалеко от Петрозаводска, в тихой излучине ясного озера Онега.

Еще в сорок девятом году Андриян привозил сюда на экскурсию своих рабочих-лесорубов. Тогда на Кижих царил настоящая разруха и запустенье, ныне начались здесь большие и трудоемкие восстановительные работы. Проводятся вдумчивые экскурсии для многочисленных туристов.

— Вот эта церковь с двадцатью двумя куполами называется Преображенская, — увлеченно рассказывала синеглазая девушка-экскурсовод. — Она построена в 1714 году в честь победы русских полков, наголову разгромивших шведскую — лучшую в то время в Европе — армию. Во время Северной войны. Какой мастер возвел ее — неизвестно! Согласно легенде-поверью ее поднял талантливый человек по имени Нестер. И он, завершив эту свою великолепную работу, сказал: «Эту церковь построил мастер по имени Нестер. Такого творения до сих пор еще не было, нет и никогда не будет!» — сказал и зашвырнул острый топор свой в глубокие светлые воды Онеги. Посмотрите-ка вы повнимательнее на эту церковь. Во всем этом прекрасном сооружении не использовано ни одного железного гвоздя. Сверкающие купола не из жести, а из осиновых дранок...

Экскурсанты из лесопромхоза спешили домой, они решили лучше осмотреть остров, все его чудеса-достопримечательности.

...Фома ни на минуту не выключал свой маленький карманный радиоприемник. Во время передачи последних известий, невдалеке от своих, он решил нарвать цветов для жены Мрехина. Тогда-то он и услышал слова о запуске нового космического корабля «Восток-3». И имя его командира четко услышал: Андриян Николаев. Он был поражен: «Неужели это наш Андриян?! Он! Он же!!»

— Товарищи! Родные! — нет, не закричал, заорал(!) он. — Наш Андрей полетел в космос!

— Опомнись ты, Тит-Фома, — привычно пригладил Мрехин свои рыжие волосы.

— Запомнишь ты когда-нибудь, Умрехин? — на этот раз почему-то без раздражения сказал Фома. — Во-первых, я никакой не Тит-Фома! Если вначале для вас я был только лишь Титом, а позднее — Титом-Фомой, теперь уже имя у меня одно: я — Фома...

— Не сердись-ка, друг мой, настоящий Фома, из-за такого пустяка, да скажи толком об Андрияне. Ты упоминал, что недавно удалось тебе его увидеть и недолго поговорить с ним в Подмоскovie. Каким это таким фантастическим образом оказался он в космосе?

— Вот слушай, — Фома сунул в руки Мрехина приемник.

По радио передавали биографию Андрияна Николаева, пилотирующего космический корабль «Восток-3».

— Еще не женат, парень! Чуваши! Точно он! Наш Андрюха он! — настойчиво твердил Фома.

— Сейчас вроде поверил. Ура! Наш Андрей улетел в космическое пространство! — заорал Мрехин чуть ли не на весь остров.

— Ура! — сорвав с большой головы свой знаменитый маленький картуз и запустив его высоко в небо, поддержал его истошным выкриком Фома, потом сгреб друзей в свои медвежьи объятия.

Затем он выпрастал откуда-то бутылку коньяка, закуску. Как будто предвидел такой небывалый случай, за который стоило выпить.

— Андрюха, взгляни и на нас, мы сейчас на острове Кижи, — закинул Фома голову к небу, высоко поднимая сверкающую на солнце стопку. — Удачного тебе полета! Удачного приземления!

И каждый последующий за ним поддержал его тост, даже сын Мрехина слегка пригубил отдающий дубовым духом коньяк.

— Поехали, — запетушился Фома. — Возвращения Андрияна из космоса будем ждать в его квартире.

— Кто же тебя пустит в его квартиру? — резонно спросила практичная Инга.

— У меня есть ключ! Вот он! Сам Андриян мне его вручил! — Фома вынул ключ и показал всем. — Поехали завтра же! Ивана Семеныча тоже возьмем с собой.

Мрехины с радостью и без излишних колебаний согласились.

Свершилось то, что было намечено по программе. На следующий день стартовал Павел Попович. Теперь их в космосе двое.

И мы, все силы в восторге тратя,
Так крикнули, что дрогнула Земля:
«Здравствуйте, здравствуйте, родные братья!
Ура, Николаев! Попович, ура!»

Такие строки написал известный поэт Николай Асеев. Сначала космонавты «обменялись» голосами. Андриян слышал в шлемофоне голос, который сумел бы отличить, наверное, из тысячи других:

— Вышел на орбиту. Самочувствие отличное. Все системы корабля работают нормально.

Андриян почти закричал:

— «Беркут», я — «Сокол»! Как слышишь меня?

В ответ донеслись до него такие же радостные слова:

— Андрюша! Я слышу тебя! Отлично слышу!

— Поздравляю тебя с выходом на орбиту!

— Спасибо. А тебя с суточным полетом!

«Как хорошо, что нас двое! — не переставал радоваться Андриян. — Два советских космонавта в неоглядном просторе космоса. Мы первыми появились здесь и в одиночку, и группой».

Как точно и прекрасно выразил в своем стихотворении «Капитаны космоса» эту небывалую в истории человечества ситуацию в космосе известный поэт Александр Жаров:

За вестью весть с орбиты посылая,
Он видит Землю в зареве зари —
Наш человек,
Товарищ Николаев,
Отважный капитан «Востока-3».
Своим полетом он мостит дорогу
К Луне, в простор неведомых небес.
Он трудится...
И вот — ему в подмогу
«Восток-4» начинает рейс.
На нем идет
Попович капитаном,
Он тоже поднят в звездные края...
Прекрасна встреча Павла
с Андрияном!

Ведут беседу в космосе друзья.
Вдвоем полече тяжесть перегрузки,
А невесомость вовсе не багаж.
Со всей Землею говорят по-русски
Герои —
Украинец и чуваш!
Отчизна космонавтам поручила
Во имя мира свет нести во мгле...

Смотрите, звезды:
Вот какая сила
Есть у людей, живущих на Земле!

...Скоро космонавты должны увидеть друг друга воочию. Павел первым произнес долгожданное:

— Вижу тебя, «Сокол»! Вижу!

Потом Андриян тоже увидел своего друга. Был момент, когда они сблизились почти на шестикилометровое расстояние. По космическим масштабам это совсем близко.

Чувствовали они себя так, как некогда летчиками в строю звена истребителей. «Летчики понимают, что значит чувство крыла, — думал Андриян. — Это все равно, что чувство локтя для солдата. И пусть ты идешь на большой дистанции и значительном интервале, пусть не видишь лица летящего рядом друга, ты будто ощущаешь опору через расстояние. Так и сейчас в космосе. Кажется, протяни руку — и прикоснешься к борту соседнего корабля».

Чувство близости звездолетов возрастало еще и оттого, что безупречно и чисто работала радиосвязь «космос-космос». Двусторонняя радиосвязь осуществлялась ими в любой миг по их желанию. Слышимость была отличная.

...Совместная работа в космосе шла полным ходом. Включились они в нее быстро. Андриян уже несколько раз растегивал привязные ремни и свободно плавал в кабине. К первому сеансу приступил осторожно. Не торопясь, снял он одну лямку, затем другую, легонько оттолкнулся и... поплыл. Ощущение у него было такое, словно находится он в глубине сказочного моря. Но спокойно дышал и двигался с необычайной легкостью. По заданию при этом нужно ему было выполнять различные упражнения для определения действия невесомости на вестибулярный аппарат, а также для определения работоспособности человеческого организма в свободном плавании. Андриян вращался вокруг продольной оси, в вертикальной плоскости, просто повисал в центре кабины. После каждого упражнения фиксировал себя в определенном положении и записывал обо всех своих ощущениях в бортовом журнале. Все время поддерживал двустороннюю радиосвязь, производил киносъемку и вел всевозможные наблюдения. А потом также неторопливо возвращался в кресло.

Потом и Павел приступил к отвязыванию. Но — по природе горячий — он малость перестарался. Видать, энергичнее, чем следует, сильно оттолкнулся от кресла. Макушкой «приложился» к потолку. Но это ничего — терпимо. Андрияна охватила тревога. Он попросил точнее объяснить слу-

чившееся. И тут же услышал сочный баритон «Беркута»: «Ничего не случилось, Андрюха. Порядок! Парю в воздухе. Глаза закрыты. Руку опустил. Она висит. Тихонько передвигаюсь. Чудеса! Прямо как в сказке. Полный комфорт. Так что ты не беспокойся».

Все шло по распорядку. По утрам космонавты выполняли специальный комплекс физических упражнений. Потом завтракали. Павел не мог не похвастать вкусной воблой. Он ее предусмотрительно прихватил, когда паковали бортовой паек. Обсасывал каждую косточку и поддразнивал Андрияна:

— Может, дать пожевать одну штучку? Знаешь, такая тугая широкая спинка. Отдирается тесемочкой...

Андриян чуть ли не стонал от соблазна: большой был он любитель воблы. А теперь он глотал слюну и врал самым нахальным образом:

— Не хочу, Паша, воблы. Даже запаха ее не переносу...

— А ты, что, запах моей воблы чувствуешь? — не унимался Павел и издевательски настаивал: — Не стесняйся. Подлетай поближе, уж так и быть — кусочек дам...

— Ну хорошо, дай хоть одну.

И опять продолжалась работа. Дел — невпроворот!.. Всё шло по-прежнему благополучно. Оба космонавта пробовали вручную управлять своими кораблями — чудо-машины четко выполняли их задания.

...На соседних орбитах они уже встретили и провели в общей сложности более ста космических зорь. Скоро им с полюбившимися звездными рассветами и закатами придется расставаться. «Говорят, человек ко всему привыкает, — рассуждал Андриян. — Мы тоже привыкли к вам, зори. И все же у вас мы были в гостях. А нас ждет родной дом — обетованная Земля отцов и матерей. Соскучились мы по ней так, словно целую вечность не виделись. И Земля без нас тоже соскучилась...»

Андриян начал перелистывать бортовой журнал. Делать в нем итоговые записи. Прикидывал, сколько ими пройдено. Огромная цифра получилась. Несколько миллионов километров. Андриян вспомнил реплику Поповича на одной из лекций: «Близко ли, далеко ли до Марса, можно сказать, когда к нему слетаешь». И Андриян ему ответил:

— Ты только подумай, Паша, двадцатую часть расстояния до Марса мы с тобой отмахали. Прикинь: не так уже далеко до этого самого Марса.

Иногда и об обычных — земных! — делах удавалось поговорить космонавтам. Вот как написал об одном таком один из поэтов:

Андриян Николаев и Павел Попович —
Оба любят футбол. Даже в трудные дни,
В небесах проносясь, среди звездных сокровищ,
У Земли и о матче справлялись они.
Были рады, узнав о победе «Шахтера»,
И любимую песню запели вдвоем,
Стадионом гигантским кружились просторы,
И Луна серебрилась футбольным мячом.

...До начала спуска остался виток. Андрияну думалось: «Чудесная Земля, скоро прилетим к тебе и расскажем, как прекрасна ты в лучах космического восхода. Но прежде чем вернуться к тебе, родная голубая планета, надо прорвать твой мощный заслон — многокилометровую толщу атмосферы. Чудно как-то получается, Земля. Когда взлетали, ты нас удерживала, не отпускала: с превеликим трудом от тебя оторвались. А взлетели, попутешествовали и начинаем к тебе возвращаться — ты вроде не принимаешь нас, сынов своих: так тяжело пробиваться в твоё лоно. Почему ты так жестока, Земля? Не мстишь ли нам за то, что вопреки твоей воле покинули тебя? Но ведь мы уходили за твою околицу ради тебя же, твоего блага и доброго имени. Не будь же суровой к нам, Земля!»

Возникало ещё одно серьёзное опасение: невесомость могла разбаловать. Предстояло им за какие-то минуты шагнуть от нуля тяжести до многократной перегрузки. То космонавт ничего не весил, а то вдруг вес его потянет чуть ли не на тонну. Но и к этому они готовились заранее. Чтобы невесомость не «размагнитила» их силы, они постоянно поддерживали рабочий тонус сердца и мышц. Добрую зарядку давали физические упражнения. А незадолго до посадки каждый из них провёл предфинишную подготовку.

И вот — включилась система спуска в расчётное время тормозная двигательная установка. Корабль начал снижаться. Исчезало ощущение невесомости. Постепенно возросли перегрузки. По мере вхождения в плотные слои атмосферы теплозащитный слой начал гореть. За бортом лютовала огненная буря разных цветов — красного, оранжевого, синего, зелёного... Пламя как будто бы билось у самых зрачков: так оно было яростно-ярко. А в кабине — земная температура. Нет, кораблю не было страшно многотысячеградусное пламя, хоть доносился снаружи сильный треск. «Спокойно, — сказал сам себе Андриян, — пускай горит, идет нормальный спуск».

Огонь испытывал металл, а перегрузки — космонавта. Они достигли наивысшего предела. Казалось Андрияну, будто на грудь его наступила широченная лапа невидимого, не-

виданного чудища. И давит, давит... Потом к этому ощущению добавилось другое: как будто ты едешь по истерзанной дороге на телеге. Такими приблизительно образными оборотами обрисовал потом это чувство Андриян.

Но вот последовал взрывной толчок — космическая капсула катапультировалась в воздушное пространство, в атмосферу. В ней, как в голубом омуте, навис купол огромного парашюта. Сердце космонавта точным хронометром начало отсчитывать каждый метр расстояния до земли. И вот долгожданная ее твердь...

— Здравствуй, наша дорогая планета! — растроганно произнес Андриян после своего «высвобождения», и руки его помимо сознания начали трепетно гладить и нежить степную траву.

Вскоре приземлился и Попович...

Космонавтов встретили карагинцы. Преподнесли цветы, памятные подарки. Андриян и Павел, усталые, но безмерно счастливые, от души благодарили их.

Утром они вылетели в приволжский город. На Андрияне — майорские погоны. Их пришила Валентина. В кармане обнаружилась записка: «Поздравляю, Сокол, с возвращением. Я так волновалась. Нет слов, чтобы выразить мою радость. Хочется быстрее увидеться, рассказать тебе много, много... Твоя Березка».

Вместе с Павлом самолетом их привезли в Москву. Военный аэродром никогда еще не видел столько цветов, флагов, транспарантов... Ленинский проспект в минуты, когда они по нему мчались в машинах, с полным правом можно было назвать... «Цветочным проспектом». Никогда не собирал он так много разновозрастных людей. И вот, наконец, Красная площадь — бурлящая, разноголосая, озаренная тысячами улыбок. Космонавты поднимаются на трибуну Мавзолея Владимира Ильича Ленина. Внизу — человеческое море. Андриян на миг подумал: оно, это людское море, и вознесло меня на свой самый высокий гребень. И общий народный глас провозгласил: «Смотри, как прекрасна и могущественна сила, давшая тебе взлет. Ты его, этого моря, малая капля...».

...Андрияну было предоставлено высокое право выступить со священной трибуны Мавзолея. Слегка наклонившись к микрофону, он доложил Правительству и народу, что почетное задание Родины выполнено, групповой полет в космосе успешно завершен. Что космический корабль «Восток-3» находился в полете четверо суток и совершил более 64-х оборотов вокруг земного шара. Корабль прошел путь

свыше двух миллионов 600 тысяч километров, превысив почти в восемь раз расстояние, отделяющее Землю от Луны.

Как же волновался он, всегда на вид спокойный, невозмутимый и сдержанный, Андриян! Чтобы хоть как-то унять волнение, он старался говорить не спеша, чеканя каждое слово, четко формируя каждое предложение.

— Дорогие друзья! — уверенно и проникновенно произнес он. — Я заверяю, что во славу Отчизны, во славу народа готов выполнить любое задание! — Когда утихли бурные овации, он продолжил еще более твердым голосом: — Дорогие товарищи! Наши мощные космические корабли служат интересам науки, делу укрепления мира на земле. Наша планета необычайно красива, она с космических высот выглядит прекрасно. И надо сделать так, чтобы она никогда не стала ареной войн.

Удивительное дело: после успешного полета Андрияна Николаева семья Архиповых, семья благополучных отношений, как выразился Матвей, стала «еще более счастливой». «И первым предзнаменованием этого было то, — убежденно сказала Роза, — что ты, Матвей, пригласил этого талантливого парня, Андрияна, к нам в гости. Я еще тогда почувствовала, что он как бы вдохнул новую жизнь в нашу семейную обыденщину».

Радуюсь за успех Андрияна, искренне желая ему счастья, заметили они оба, что стали и Матвей, и Роза, и даже дети их дружнее, стали больше уважать друг друга. Словно над ними распростерлось благотворное доброжелательное обаяние личности этого человека, который и сам уважительно, с любовью относится к людям...

В тот знаменательный день, 11-го августа 1962 года, Матвей с Розой отдыхали на берегу Черного моря. Здесь и застала их всенародная радость от успешного полета двух космонавтов. Матвей выглядел героем... И пожалуй, состояние такое было оправдано. «Тем, — с гордостью сказал он жене, — что я понял: мой скромный труд, может, принес пользу Андрияну, пользу в освоении космоса...»

Вернувшись в Москву, они узнали о том, что летчик-космонавт собирается побывать в родных краях. Его намерение как-то счастливо совпало с давним желанием Архиповых. Недолго думая, они выехали в Чебоксары.

Артистка Елена Мадурова по-родственному встретила племянницу с именитым ее мужем. Узнав, что они хотели бы пожить в столице почти две недели, выделила им комнату в не тесной своей квартире.

Архиповы во что бы то ни стало стремились встретить в аэропорту дорогого им, ставшего таким известным, человека, больше чем знакомого, скорее друга семьи — Андрияна Николаева.

Этот день пришелся на воскресенье. И стар и млад вышли на улицы, а те, кто был лишен возможности передвигаться, удобно устроились на балконах.

Небольшой чебоксарский аэропорт, конечно же, за всю историю свою не видел такого скопления встречающих.

Скоро в небе показался гудящий серебристый самолет. Как водится, сделал заход над аэропортом, словно приветствуя народ.

Когда лайнер приземлился, тысячи глаз устремленно впились в дверь самолета. Когда подкатили трап и светлая дверь открылась настежь, перед людьми предстал Андриян Николаев в парадной форме летчика-офицера.

— Салам! — радостно выдохнул он приветствие и, сняв фуражку, поднял ее над головой. Потом резво сбежал по ступеням на бетонку. И в минуты эти девушки в красочных национальных одеяниях, с пышным караваем на узорном полотенце, концы которого свисали с узорного же блюда, уже ожидали знатного земляка. Низко поклонившись, одна из них обратилась к Николаеву:

— По древнему народному обычаю, просим вас принять хлеб-соль...

По этому же обычаю девушки-красавицы, позванивая серебром монист, поднесли звездному своему земляку пенистое чувашское пиво в деревянной, изукрашенной дивной резьбой братине.

— Как же прекрасно наше чувашское пиво, — промолвил Андриян, отпив несколько глотков. Затем отломил кусочек от каравая.

— Это поистине — золотой слиток великого труда, недаром говорят в народе, что выше хлеба ничего быть не может. Он — всему голова! — расстроганно продолжил он. Потом произнес небольшую речь...

Какой же фурор устроили фотокорреспонденты! Со всех сторон были слышны бесконечные щелчки их фотоаппаратов, стрекот кинокамер. Два фотокорреспондента использовали поочередно для этих целей съемки даже... плечи друг друга.

Роза с Матвеем купили огромный букет цветов. Но вручить Андрияну его в руки не было у них никакой возможности. Лишь ухитрился Матвей забросить цветы в открытую машину, на которой отъезжал герой.

Андриян успел заметить своих друзей и рукой, улыбкой открытой поприветствовал Архиповых.

Кортеж легковых машин, одна из которых буквально утопала в цветах, торжественно въехал в столицу Чувашии, медленно следуя по улицам, на обочинах которых собрались тысячи людей. С миллионами цветов и улыбок... Нескончаемые благодарственные и радостные приветствия встречали Андрияна. На русском языке, на родном чувашском...

На главной площади состоялся митинг, а затем — и стихийная демонстрация.

...Николаев никогда не любил чествования отдельно его одного. Это он дал понять в первых же словах на митинге.

— Дорогие мои земляки, друзья! — сказал он перед микрофоном на трибуне у памятника Ленину. — Разрешите передать вам большой, горячий привет от моих друзей-космонавтов — Юрия Гагарина, Германа Титова, Павла Поповича, от всей дружной семьи космонавтов, готовящихся к дальнейшим штурмам космоса... Не нахожу слов, чтобы выразить свою большую признательность за такую горячую встречу!

«Нет, не только ради меня одного нахлынуло столько людей, — как бы оправдывая себя, думал Андриян Николаев. — Это отечественный, русский и наш национальный, чувашский, праздник. Некогда забитый народ торжествует свое возрождение, взлет своей раскрепощенной мысли и силы». Он слушал взволнованные речи своих земляков и словно воочию видел их прошлое и настоящее. «Раньше у нас, кроме кустарных мастерских, не было ни одного предприятия, — текли его мысли. — Нынче в Чебоксарах множество современных заводов и фабрик. Они выпускают уникальную электроаппаратуру и чудесные ткани, изящные панино и тончайшие приборы, красивую мебель и сложные машины, фарфоровые изделия и детали к станкам... Поистине космическую высоту набрала культура...»

Митинг уже закончился, но народ и не собирался расходиться. Многие из всех сил стремились передать Андрияну свой букет. Милиционеры, намаявшись, каждый как мог увещевал, упрашивал людей... пропустить космонавта к машине. Не скоро удалось-таки пройти Андрияну с сопровождающими сквозь восторженный строй земляков.

Вечером была намечена встреча с представителями горожан и сельчан, гостей в здании Чувашского академического театра имени Константина Иванова. Архиповым несказанно повезло: им удалось получить приглашение на эту встречу.

Семья космонавтов.

Сцена театра выглядела краше самого прекрасного сада: везде цветы, цветы... Андриян от души поблагодарил всех присутствующих, весь народ за такой небывалый прием. За то, что его — в общем-то обычного человека, выполнившего свой долг — чествуют как самого выдающегося героя.

Во славу дорогого, прославившего родной народ земляка был подготовлен праздничный специальный концерт.

И вот в зале постепенно гаснет свет. Ниспадают на него полумрак и тишина. Потом в левом углу сцены карминовым цветом загорелась звезда. Оркестр заиграл «Слався!» Глинки. Ввысь, к звезде этой, одно за другим полетели стилизованные изображения кораблей «Восток». Потом звезда приобрела голубой оттенок. «Это и есть наша прекрасная планета, — так представил ее Андриян и даже сейчас, когда сидел он в зале, ему воотчию показалось, будто смотрит он из иллюминатора космического корабля на Землю.

На этой изумительной Земле есть у него притягательное и милое его сердцу место. Родная деревня. Шоршелы!

На второй день приезда в Чувашию Андриян заторопился в свои незабвенные Светлые ключи.

Наконец-то перед ним во всей своей скромной красоте предстала она, родная деревня. У полевых ворот ее — у околицы множество людей: и односельчане, и из соседних деревень, из близких и дальних районов... А как все нарядно одеты! Мужчины и парни — в лучших костюмах; женщины и девушки — в красочных, в большинстве с вышивками, платьях.

И вновь, и вновь прибывали люди. На автобусах, машинах, мотоциклах, велосипедах, пешком...

Самые бойкие мальчишки, как это часто бывает, чтобы получше рассмотреть героя, взобрались на крыши сараев и изб, на перекрученные временем высоченные ветлы. И никто не делает им за это замечаний.

Как водится исстари, дорогого земляка сельчане тоже встретили хлебом-солью на цветастом полотенце.

Вся процессия во главе с Андрияном дружно двинулась по улицам села к школе. Остановится Андриян, здороваясь с кем-то за руку, — останавливается и толпа, зашагает вперед — и за ним в едином порыве шагают люди.

Перед школой, под вековыми деревьями, собрался праздничный люд...

Архиповы приехали в Шоршелы на автобусе, специально выделенном для представителей прессы. И у околицы, и во время движения людей по улице, и у школы они старались быть поближе к Андрияну. Как ни странно, но Андри-

ян углядел, усмотрел в толпе Архиповых, подозвал их в первый ряд.

— Кто они, эта семья? — заинтересовались иные шоршелцы.

— Он профессор Московского университета, бывший учитель, рядом — его жена, тоже из наших краев, — объяснили те, кто немного знал их. — Он сын Варвары из нашей деревни, старшей сестры учителя Михаила Петровича.

На митинге с сердечной речью, с воспоминаниями своими выступила среди многих бывшая учительница Андрияна Мария Ивановна. Затем люди попросили выступить самого героя. Задумчиво оглядел он притихших людей, окинул взглядом родные Шоршелы и тихий Цивиль... Вспомнил вначале о детстве своем, о своих деревенских радостях и печалях, о школе, друзьях-товарищах... Учителях! Потом начал Андриян рассказывать о своей дороге в космос, о космонавтах, своих полетах...

И вдруг неожиданно прервала его соседка-старушка, которая в стародавние годы однажды дала им, мальчишкам, взбучку за то, что те в день Первого мая пометили ее гусака красной краской. Андриян, не забывший этой детской проказы-шалости, невольно засмеялся. Пытаясь что-то говорить, старушка тоже засмеялась, потом ласково попросила:

— Андрейка, чăвашла кала...*

Некоторые возражали: не все ли равно? Но старушка упрямо стояла на своем:

— Про космос он уже рассказывал на русском языке. А на чувашском еще нет! А ведь интересно, как это будет звучать на чувашский слух, как звучать это будет для чувашской души?... Или, может, он свой-то кровный язык забыл?..

— Нет, тетя Аня, я свой язык хорошо знаю и люблю, — заверил Андриян настырную соседку и повел рассказ о космосе по-чувашски.

После митинга тут же, у школы, состоялся импровизированный концерт. А потом космонавт зашел в школу, где учился, прошелся по всем классам и комнатам. В школьном плодовом саду посадил на память яблоню.

— Наверно, приедете отведать первое яблочко? — залюбопытствовали школьники.

— Конечно, обязательно приеду, — пообещал Андриян ребятам.

* Говори по-чувашски (чув.).

Жаль, недолго ему пришлось побыть в родном доме. Его ждали другие дела и встречи...

— Когда еще приедешь? — заволновался народ на улице. — Почему же так скоро уезжаешь?

— Дорогие сельчане, — виновато оправдывался Андриян. — Я от всей души благодарю вас за оказанные мне почести. В родной деревне еще дольше мог бы задержаться, но ждут меня в Марпосаде. Там тоже должен быть митинг. Ведь мы ездим строго по программе. Еще много раз приеду сюда повидаться с вами, родные мои. Тогда уж поговорим до радости душевной...

Мариинский Посад — старинный город. Но в эти дни он будто помолодел до неузнаваемости, таким привлекательным и таким красивым, как сегодня, он еще никогда не был. Так украсили его горожане, так озарили своими улыбками. Сегодня население города выросло мгновенно, наверно, вдвое, втрое...

После митинга Андриян прямо-таки с душевным трепетом направился в лесной техникум. Правда, как обычно, волнения его никто из присутствующих не заметил. Но как же ему не волноваться?! Ведь здесь он учился три года, получил специальность. Отсюда вышел на настоящий трудовой путь. А как нелегко ему здесь приходилось: питание было скудное, одет он был, по выражению каких-то «недоброжелателей», в тряпье и старье...»

Да, было такое: во время учебы из-за отсутствия бумаги писали на содранных со стен старых обоях, на газетах. Вспомнив об этом, бывший завуч техникума Михаил Петрович на митинге прямо так, без обиняков сказал и следующее:

— Имя героя-космонавта Андрияна Николаева для нас особенно дорого. Мы хорошо помним самые приметные черты его характера. Горение в учебе, стремление изнутри постичь и проанализировать науки, умение держать себя достойно и скромно... Во время учебы в лесном техникуме он ясно показал свою душевную любовь к природе, к лесу.

Архиповы оказались в отдалении от Улыпа космоса. Если на городском митинге они могли хотя бы издалека следить за ним, то здесь им не удалось даже попасть в здание техникума. И они, опасаясь остаться на всю ночь в Марпосаде, а также из-за усталости направились на поиски журналистского автобуса.

...Возвращаясь из Мариинского Посада, по пути, вместе со всеми сопровождающими его людьми Андриян остановился в плодовом саду совхоза. Искренне обрадованные

его неожиданным приездом, работницы, по-свойски взяв Андрияна под руки, подводили его то к одной, то к другой яблоньке-красавице, угощали самыми красивыми, самыми сочными и вкусными яблоками. Набрали целую корзину таких плодов.

— Пусть они будут подарком для моих небесных братьев, для Гагарина, Титова, Поповича, — с благодарностью произнес Андриян, поднимая увесистую корзину. — Они большие любители яблок.

...Прошел месяц со дня митинга, посвященного шестидесятилетию заслуженного мастера Ивана Васильевича Васильева, с того дня, как рабочие Чебоксарского электроаппаратного завода приняли Андрияна Николаева в почетные члены коллектива. А нынче они с нетерпением ждали его в гости. Задолго до приезда космонавта собрались у проходной завода рабочие.

...Когда после известия о полете Андрияна Николаева Васильев от души приветствовал его мать, Анну Алексеевну, он произнес такую знаменательную фразу:

— Второй букет точно таких же гладиолусов преподнесу вашему сыну.

Обещание надо выполнять, вот потому с цветами в руках в таком беспокойстве стоял он теперь у проходной. Его ученики Аркадий и Александр ни на шаг не отходили от своего наставника, то и дело в один голос твердили:

— Иван Васильч, Иван Васильч. Перед Андрияном говори без бумаги, без бумаги говори.

В намеченный час к заводу подъехали машины. Героя космоса встретить первым было поручено старому мастеру Васильеву...

— Приветствую вас, Андриян Григорьевич, по случаю благополучного возвращения из космического пространства, — с волнением в голосе произнес он. — Сегодня у вас с Анной Алексеевной дни рождения! Разрешите по этому случаю подарить вам обоим своими руками выхоженные цветы.

В этом прекрасном букете были подобраны гладиолусы сортов «ноктюрн», «баролина», «Москва», «голубь мира». А сам букет даритель его назвал так: «Привет Андрияну!»

Удивительно все-таки, но старый мастер сердцем своим понял, что гладиолус — самый любимый цветок космонавта. Андриян с радостью принял подарок, подал старому мастеру руку, крепко по-мужски обнял его и три раза расцеловал.

— Какой же ты молодец, герой, Андриян, — чуть ли не

по-родственному похлопал рукой старый работяга и умелец по гулкой спине Николаева. — Да, с такой молодежью!.. — хотел было он договорить свою фразу, но слезы «связали» его слова.

Все это отчетливо услышали Аркадий с Александром, стоявшие поблизости. И не только услышали — они лучше всех других уловили, с каким чувством были сказаны эти простые слова.

Другой, известный всей республике рабочий-мастер Геннадий Смирнов, оставшийся вместо начальника цеха, рассказал космонавту о достижениях завода, ознакомил с некоторыми образцами его продукции, выставленными на стендах. Тот же Геннадий Смирнов официально вручил гостю удостоверение № 1, которое подтверждало, что предьявитель его является почетным членом коллектива Чебоксарского электроаппаратного завода.

— Постараюсь трудом своим оправдать ваше высокое доверие, — по-военному четко отрапортовал Андриян, принимая удостоверение.

Потом он обошел и осмотрел многие цеха завода.

— Вот вам и от меня подарок, Андриян Григорьевич, — сказал Александр, стройный, высокий и крепкий парень. — Правда, довольно скромный...

— Что это?

— Необычный квартирный звонок, — чуть засмущавшись, ответил Александр.

— У меня же есть квартирный звонок...

— Это особый звонок! Если вас дома нет, он записывает, запоминает, кто к вам приходил.

— Почему два?

— Другой для Павла Поповича.

Андрияну от души понравились и Саша, и его напарник Аркаша. Разговаривали они с ним непринужденно, весело и раскованно. И Геннадий Смирнов пришелся ему по сердцу. «Настоящий представитель рабочего класса», — как-то сразу определил его сущность Андриян.

Чем же так пленил космонавта Геннадий?

Андрияну с самого начала их знакомства рассказали, что этот кадровый и самоотверженный рабочий, которому уже минуло за сорок лет, был на фронте, храбро сражался с врагом. О боях-пожарищах, о боевых друзьях попросил его вспомнить космонавт. Со времени приезда в Чебоксары он еще никем так не интересовался...

«Вот кто хозяин завода, вот кто хозяин Родины, — подумал Андриян. — На таких, как он, можно всегда целиком

положиться. Это человек-созидатель! Он никогда не подведет!»

Андрян всегда глубоко уважал настоящего рабочего человека. Потому-то и смотрел на Смирнова с нескрываемым почтением. Именно такие умельцы вместе с талантливыми учеными создали и создают космические корабли.

— Может быть, ко мне домой гостем зайдете, — предложил Смирнов.

— Нет, сейчас не могу, Геннадий Яковлевич, — с доброй улыбкой ответил Андрян. — В следующий приезд — обязательно!

— Спасибо! Будем ждать вас всей семьей...

— Приедешь в Москву, непременно заходи ко мне, Геннадий Яковлевич. Вот мой адрес...

— Спасибо, Андрян Григорьевич. Спасибо!

— Тем более теперь у меня есть хитрый и умный звонок, — весело засмеялся Андрян. — Если я узнаю, что ты приходил ко мне в мое отсутствие и, не дождавшись меня, ушел, то я буду очень обижен. Жду, Геннадий Яковлевич, приходи, — сказал Андрян, протягивая на прощанье ладонь.

Не успел еще космонавт выйти с завода, как ему вручили письмо. Писал никто иной, как Павел Попович, он поздравлял и приветствовал своего небесного брата с днем рождения...

— Дорогой мой друг Павел, я тоже желаю тебе здоровья! — сказал Николаев перед специальным микрофоном. — Сердечно благодарю за поздравление меня с днем рождения. Недавно слышал по радио твой родной для меня голос, только что прочитал твое письмо. Очень обрадовался!

Едва успел Андрян отойти от микрофона, как ему передали, что его просят посетить министерство местной промышленности. Там, оказывается, космонавта ждет подарок: рабочие изготовили для него комплект мебели для квартиры.

...Потом Николаева пригласили рабочие загородного плодово-ягодного совхоза. Когда ему преподнесли еще одну корзину яблок в подарок для друзей-космонавтов, Андрян шутливо произнес:

— Пока нас всего лишь четверо, а сколько космонавтов еще полетит за нами... Хватит ли яблок?

В винодельческом цехе совхоза почетному гостю преподнесли два бочонка лучших вин, выпускаемых здесь.

Конечно же, попробовал эти прекрасные напитки Андрян, восхищенно сказал:

— Очень вкусные и легкие вина, до сих пор никогда не

доводилось таких встречать. Обязательно угощу своих друзей-космонавтов. Они тоже, пожалуй, не представляют, что есть такие чудесные вина. Расскажу им и о работе замечательных чебоксарских виноделов.

После этих слов рабочие совхоза отчетливо поняли: для Андрияна самые уважаемые, самые дорогие люди — это его друзья-космонавты, он уважает их безмерно, любит беспрдельно.

И потом, когда работники потребительской кооперации подарили ему небольшой бочонок меда, Андриян со всей присущей ему откровенностью сказал:

— Я считаю, что этот бочонок наполнен не только медом, но и чувством любви к моим сотоварищам по космосу. Как только вернусь к ним — сразу же дам им отведать это лакомство.

Только в этот день Андриян Николаев получил около четырехсот телеграмм. Одна из них была от Юрия Гагарина. Он сердечно поздравлял своего самого близкого друга с днем рождения.

Нынешний день Андриян стал считать одним из самых счастливейших не только для себя, но и для безмерно дорогого, самого любимого человека на свете — для своей матери Анны Алексеевны, которая дала ему жизнь и крылья. И у которой день рождения чудесно совпадал с днем рождения ее звездного сына. Сегодня ей исполнилось шестьдесят два года. Два дня рождения... Если бы не было первого, то не было бы и второго...

* * *

...Несколько дней тому назад в театре Архиповым выпала возможность довольно долго разговаривать с Андрияном. В разговоре этом он разузнал, у кого они остановились в Чебоксарах. Андриян накрепко и давным-давно запомнил, что Роза лишь на один день младше его. Но в театре об этом даже не заикнулся, решил поздравить ее неожиданно.

После приезда Андрияна в столицу прошло уже четыре дня. Понятно, каждый час, каждая минута были у него на счету, они были запрограммированы руководством республики. Так, например, сегодня в десять часов утра он должен был встретиться с журналистами, писателями, композиторами, художниками Чувашии.

...Ровно в намеченное время, можно сказать, с точностью до минуты и секунды, Андриян Николаев поднялся на сцену большого зала Дома Советов. Все бурно заплодиро-

вали герою-земляку. До начала выступления космонавта-3 поздравили с днем рождения и горячо пожелали ему доброго здоровья и новых успехов.

«Мой день рождения был вчера, — подумал Андриян. — Сегодня, 6 сентября, день рождения Розы, жены Матвея Архипова». Потом он начал мучительно рассуждать о том, каким же образом поздравить «девушку, которая моложе его на один день».

Его беспокоило даже такое немаловажное в общем-то обстоятельство, что он не приготовил особой красоты букет цветов. «Хотя бы минутку мне нужно выкроить из программы, зайти и обязательно поздравить ее, — окончательно и твердо решил Андриян. — Ведь именно сегодня Архиповы отмечают день рождения Розы. Необходимо побывать у них!»

— Мне очень приятно и полезно встретиться с вами, — признался Андриян сидящим в зале. — Вы, журналисты, работаете прекрасно и напряженно. От вас люди узнают обо всем, что происходит в стране и мире. Я всем сердцем уважаю труд деятелей литературы и искусства...

Далее он вспоминал о трудностях военного времени:

— Тяготы того периода пережил не только я, пережили их и все советские люди, — говорил Андриян. — Во время летних каникул и я, как и другие сельские ребята, пахал, сеял, боронил, возил с полей хлеб...

Пользуясь случаем, мне от души хочется поблагодарить нынешних тружеников полей, рабочих, техников, инженеров, конструкторов. Это они своим трудом создают условия для развития космической техники и науки...

Безусловно, говорил еще Андриян о том, что мечтает еще и еще раз побывать, поработать в космическом пространстве, поэтому он, когда у него спросили: «Когда вы сможете еще раз полететь в космос? — ответил прямо:

— Как только повелит народ!

Все присутствующие знали, что Андриян любит много читать. Он и в космос взял с собой томик стихов Лермонтова, что часто вспоминались ему в необъятном пространстве строки Ломоносова: «...Открылась бездна звезд полна, звездам числа нет, бездне дна». Один из сидевших в зале захотел узнать о том, кого больше всего любит космонавт из знаменитых героев литературы и кого считает своим идеалом.

Некоторое время постояв в раздумье и мечтательно глядя вдаль, Николаев неторопливо начал говорить:

— С детства мне нравятся образ Павла Корчагина, образ Артура, человека с мужественным сердцем, из книги Войнич «Овод».

Журналисты — народ дотошный, но порою не всегда деликатный. Один из таких осмелился задать Андрияну щекотливый вопрос:

— Анна Алексеевна как-то говорила: она мечтает в скором времени погулять на вашей свадьбе. Когда она будет?..

В зале воцарилась мертвая тишина, все с нетерпением ждали ответа на этот каверзный вопрос.

— Время покажет, — отделался преходящей фразой Андриян, а сам в это время вспомнил Валентину.

«А что же может показать время?» — уцепилась мысль за эти обычные слова, давая повод родиться другим подобным житейским мыслям.

После встречи в Доме Советов Андрияна провели по многим кабинетам огромного здания, и везде его радушно встречали, заводили и серьезные, и душевные разговоры. Только чуткий по натуре Андриян понимал, что каждое такое посещение, встреча отвлекает людей от работы...

«Нужно как-то поздравить девушку, которая моложе меня на один день, — мгновенно вспыхнула в его голове давно не дающая ему покоя мысль. — Только надобно сказать кому следует, куда и зачем он направляется и что ему не требуется никаких сопровождающих».

Когда все было согласовано, Андрияна проводили до места, до дома, где остановились Архиповы.

...Он поздравил Розу с днем рождения, подарил прекрасный букет цветов. В большом букете гордые гладиолусы перемешались с красными и белыми розами... До глубины души обрадованные Архиповы, конечно же, бросились угощать космонавта. Как говорится, всем, что бог послал.

— Возможно, вы не забыли, — обратился Андриян к хозяевам, — время, когда я вместо коньяка пил кефир, — оправдываясь тем, что еще настанет время его выпить. — Так вот, пришло оно, это время. За ваше здоровье! С днем рождения, Роза!

Свою рюмку Андриян осушил до дна, однако этим и ограничился, зато с превеликим удовольствием отведал он приготовленные именинницей яства (именно так выразился гость).

— Ну расскажите теперь, Андриян Григорьевич, — сказала неотрывно и прямо в глаза ему глядевшая Роза, — как там в космосе?

— Можно сказать, как дома, — потянувшись за кусочком шыртана*, сказал Андриян. — Разница лишь вот в чем.

* Шыртан — чувашское национальное кушанье, вроде колбасы.

Если здесь, на земле, в этот кусочек шыртана плохо воткнешь вилку, он упадет на тарелку. В космосе он никуда не упадет, а зависнет перед тобой.

— А что, Земля на самом деле кажется из космоса совсем маленькой? — спросила Елена Мадурова, как хозяйка, стремящаяся во всем особо угодить такому небывалому гостю.

— Да, действительно, она невелика собой, зато так красива! — загорелись от воспоминаний глаза Андрияна. — Интересно смотрятся знакомые по карте очертания морей и океанов. Они видны отчетливо еще и потому, что бьются, накатываются на их берега волны. И кажется с огромной высоты, что они оторочены белым кружевом.

— Вы сказали, что в космосе чувствовали себя как дома. Мне показалось, что вам и домой-то не хотелось возвращаться, — не унималась Елена.

— Почему же? — удивленно глянул на нее Андриян. — Что может быть лучше дома, лучше родной планеты? Так же, как моряки тоскуют по суше, мы тоже очень скучали по дорогой нашей земле.

— Вы, кажется, пролетели две тысячи шестьсот верст? — вновь задала свой очередной — на этот раз наивнейший вопрос артистка.

— Да ты что? Какие две тысячи?! — возмущенно втиснулся в разговор Матвей. — Две тысячи и мы с Розой пролетели, когда туда-сюда, на север-юг, на юг-север, отдыхать мотались. Андриян Григорьевич преодолел более двух миллионов шестисот сорока тысяч верст. Он пока первый миллионер в космосе!

— Погоди, — лихорадочно быстро начала считать Елена. — Ежели этот путь прошагать пешком... человеку потребуется непрерывно идти сто пятьдесят лет! А Андриян за четыре дня...

— Полет в космосе никак нельзя сравнивать с пешим ходом, — смеясь, вымолвил Архипов. — Ну, ладно, не будем строго судить нашу Елену, она же артистка... Зато какая артистка!..

— А ты совсем не изменился, — заметил Матвей, — меня вот что интересует и не только как человека, но и как ученого: как там работалось, трудно было в космосе?

— Ну как ответить на такой вопрос? — секунду задумавшись, ответил Андриян. — Впрочем, вот какие стихи мне и вроде обо мне один армянский поэт прочитал. Слушайте, — обратился он ко всем:

Он был как и все —
Он не с неба упал.
Он только взлететь
В это небо мечтал.

Он в космос взлетел,
Он весь мир удивил,
И все же остался
Таким, каким был.

— А в космосе трудно? —
Спросили его.
И он всем ответил:
— Да так... Ничего...

— Это стихотворение точно о вас, о тебе! — чуть ли не в один голос проговорили Матвей и Роза. — Как верно угадан характер...

Разгоряченная Роза завела радиолу, и разговор прервался. Елена с непринужденно профессиональной хваткой быстрехонько пригласила на танец Андрияна. Роза взяла под локоть Матвея. А Андрияну, между тем, хотелось танцевать не с актрисой Еленой, а с «девушкой, которая моложе его на один день...»

Когда все натащивались, и Матвей завел с Андрияном оживленную, интересующую каждого беседу, вдруг зазвонил-затрезвонил телефон. К нему подошел недовольный Матвей, но все же как можно вежливее попросил:

— Товарищ, дайте же хоть немного отдохнуть!

— Скажите, скоро ли освободится Андриян Григорьевич? — тоже вежливо спросили с другого конца провода.

Матвей, не ответив на вопрос, нетактично прервал разговор.

— Невозможно спокойно отметить день рождения любимой жены... — начал было возмущаться он.

— Да ты бы хоть спросил, кто звонит! — на миг рассердилась Роза, разрезая на куски длинным ножом огромный красивый торт. В это время телефон зазвонил вновь. Только взял Матвей трубку — сразу же услышал уже знакомый ему взволнованный хриловатый голос. Пристыженный совсем недавно женой, Матвей не решился разговаривать сам, а лишь пальцем поманил Андрияна. Тот не спеша приложил трубку к уху, некоторое время слушал молча. Потом спокойно начал разговаривать:

— Здравствуйте, здравствуйте, Иван Васильевич. Вот это чудо! Слушаю вас внимательно. Вы меня потеряли? — засмеялся Андриян. — Коль в космосе не потерялся, куда я могу затеряться на земле? Приглашаете в гости? К вечеру?..

С ним разговаривал мастер Васильев, от души умоляя уважить его просьбу. Хозяева и Андриян мгновенно решили иначе: они пригласили Васильева самого прибыть на их торжество.

Тот немедленно согласился...

Робко проходя в квартиру Мадуровой и, как будто отдавая всем честь, приставив натруженную ладонь к козырьку кепки, нервным движением поправляя очки, Васильев словно бы доложил присутствующим:

— Вот я и явился... по вашему...

— Пожалуйста, прошу, проходите, — со всей своей непосредственностью пригласила Елена. Потом, усаживая гостя за стол, она проговорила:

— Иван Васильевич, сегодня день рождения жены профессора Архипова. В честь и за здоровье Розы Николаевны положено по-русскому, по-чувашскому обычаю выпить...

— Нельзя мне... Я же на работе, — попытался возразить Васильев. — Так ведь Андриян Григорьевич?.. Вы же меня первым осудите...

Андриян ничего ему не ответил.

— По такому случаю, тем более осозная, что вы в компании единственного в Чувашии космонавта, вы могли бы — первый, наверно, раз в жизни — закончить работу на три часа раньше, — назидательно сказал Матвей.

— Ну, никак не могу возразить, товарищ профессор.

Затем, поднимая свою рюмку, он спросил у жены Архипова:

— Сколько же лет вам исполняется, Роза Николаевна?

— Им, женщинам, всегда восемнадцать, — хохотнул Матвей.

— С днем рождения, — провозгласил Васильев и выпил свою рюмку. Первую и последнюю: больше ста граммов он никогда не пил.

После веселых и непринужденных разговоров, сообразив, что Андриян никуда особенно не спешит, он пригласил всех к себе на чаепитие.

Пока застольники собирались, Васильев с какой-то отчаянной смелостью в голосе сказал космонавту фразу, которая казалась немного странной:

— Теперь ты одновременно и Николаев, и не Николаев. Николаев-то Николаев... Однако же не тот Николаев, какой был до этого. Теперь тебя знает весь мир. Теперь на тебя смотрят народы всей Земли.

— Я никакой не другой Николаев... «Я все же остался таким, каким был...» — отшутился Андриян почти стихами.

— Для тебя так, для нас...

— Нет, я тот же человек, — убежденно промолвил Андриян. — Я, хотя и летал в космическое пространство, стараюсь всегда быть человеком Земли, оставаться таким, каким я есть, таким, как все...

...Пять оборотов вокруг своей оси завершала Земля, столько же раз заходило и всходило солнце. На шестой день настало время отбыть Андрияну в Москву. Провожала его почти вся столица Чувашии. И опять было много цветов, улыбок, добрых пожеланий...

Поднявшись на трап, Андриян произнес прощальную короткую речь, сердечно поблагодарил всех за тепло и радушие, пожелал всем новых успехов в труде, крепкого здоровья и счастья. Впрочем, эти слова всегда звучали во всех больших или коротких его выступлениях. Без них он не мог и не может обходиться. Таково уже свойство его характера...

Возвратившись в Москву, долгое еще время находился Андриян под впечатлением своей поездки в родные края. Долго стояла перед его глазами родная Чувашия, родные поля, Волга, люди... Очень быстро пролетели эти пять дней, но они оставили глубокий след в его жизни.

После таких волнующих встреч на родине Андрияну поначалу трудно было приступить к работе. Но состояние это было скоро им преодолено.

В конце следующего месяца Андриян получил письмо от Геннадия Смирнова, «настоящего представителя рабочего класса».

Отвечать на полученные письма Андриян всегда считал своим первейшим и священным долгом. И он ответил такими строками рабочему коллективу, от имени которого писал ему Смирнов: «Дорогие друзья! Рабочие, служащие и ИТР второго сборочного цеха, с большим интересом и удовлетворением прочел ваше письмо. От души рад вашим достижениям в труде. Поздравляю вас, в вашем лице весь коллектив завода, с наступающим праздником Великого Октября, желаю больших успехов в труде, отличного здоровья и счастья в жизни. С искренним приветом — ваш земляк А. Николаев. 29.10.62 г.»

Со всех концов земли приходило космонавту множество писем. И всем отвечал Андриян. Однажды он заглянул к Павлу Поповичу с большой кипой писем и решительно произнес:

— А вот на эти письма я отвечать не буду!

Оказывается, это были письма от девушек... из разных мест. И из-за рубежа даже... Всего более семисот таких писем набралось. Вот, например, в одном из них девушка с

Черного моря писала такие строки: «Живу только с доброй мамочкой, приезжай, сразу же выйду за тебя замуж».

Когда надо было быть принципиальным и строгим, Попович всегда терял свое шутливое, юморное отношение к жизни.

— Ты же сам говорил, что нельзя оставлять корреспонденции без ответа! Неудобно! — сердито сказал он Андрияну. Потом лукавая мысль пришла в его голову:

— Слушай, друг, а ты найди такого человека, кто бы отвечал на такие письма! А вообще-то мне понятно, почему именно тебе посылают такие письма: ты же холостяк!

...Кроме повседневных своих обязанностей Андриян напряженно работал над книгой. Начал он писать ее сразу же после возвращения из космоса. Набросал кипу черновиков... Но работа почему-то продвигалась медленно: чего-то для ее успешного продолжения не хватало...

Однажды Андриян достал рукопись. Долго сидел над ней. Думал, с чего же начать беловик. Потом его словно бы осенило: конечно, зачином книги должны стать воспоминания о родной земле, его отношении к ней. И он стремительно начал писать: «Село наше Шоршелы можно заметить издали. Еще на пути к нему ошетинился высокий, вровень с телефонными столбами, частокол, опутанный хмелем. И запах от того хмеля такой, что впрямь охмелеть можно. Не вдыхаешь, а пьешь воздух. Шоршелы по-чувашки «Светлые ключи» ...

И вот таким образом, как-то незаметно, работая день за днем, добрался Андриян до середины книги, где писал он, в частности, о том, как учился на летчика, как готовился стать космонавтом. Пришла пора поразмышлять о дальнейших событиях своей жизни, даже о том, как и на какой «ноте» закончить книгу. «Закончить-то я ее закончу, — думал Андриян, — но такую «сухую» книгу в печать сдавать стыдно...

И тут он перелистал — вновь и вновь — свои дневники, опять сосредоточился на работе — писательской работе. Пожалуй, самой трудной из всех работ в мире!

Хотелось, мечталось Андрияну вложить (особенно в первые главы книги), как говорится, «кусочек» своего сердца, не пожалеть души на все повествование...

Мир рукоплескал герою. Современники понимали, что его имя должно остаться в истории. Поэты и композиторы слагали о нем стихи, поэмы и песни. Писатели и художники его, реального, в общем-то, обычного, человека, воп-

лотили в художественный образ, отражающий высокую доблесть. Вечные труженики пера и микрофона, журналисты, по горячим следам делали живые репортажи, очерки. Зримый, обаятельный облик Андрияна был запечатлен на тысячах фотоснимков. Выступали в прессе «звездные братья», товарищи по работе, специалисты, друзья.

Ни отец твой, ни дед никогда не смогли
Над землей побывать выше крыши сарая.
Мой земляк Андриян — сын чувашской земли,
Ты поднялся до звезд, край родной прославляя!

Так писал народный поэт Чувашии Яков Ухсай о своем славном земляке.

Другой поэт Геннадий Айги в стихотворении «Мать космонавта» очень верно раскрыл простую истину: «Теплый запах молока и хлеба, вечный круг работы и семьи... Для того, чтобы рвануться в небо, надо оторваться от земли»? Но это «надо», оказывается, очень дорогого стоило, ибо противостояла ему земная «тяжесть»... Конечно же, самая высокая почесть воздавалась матери «звездного» героя.

Мать, Анна Алексеевна, не воспрепятствовала его сыновнему решению стать летчиком, как бы дала ему этим и напутствие в его космическую дорогу. Вера материнского сердца в счастье сына — символическая вера. Она — охранная!.. Как хорошо сказал один из поэтов:

Я знаю, там у звездного порога,
Откуда синей кажется земля,
Святая материнская тревога
Благословила крылья корабля.

А какие прекрасные звучные стихи на песню об Андрияне Николаеве сложил русский поэт Петр Градов.

Андриян! —
Так тебя называют в Чувашии,
И улыбкою светится взгляд.
Андриян!
И фамилию можно не спрашивать,
И понятно, о ком говорят.

После полета в космос Юрий Алексеевич Гагарин был назначен командиром отряда космонавтов. Такое решение было с восторгом встречено всеми космонавтами. Гагарин оправдал высокое доверие и блестяще справлялся с задачами подготовки космонавтов к очередным полетам. Через некоторое время он был выдвинут на более высокую должность. На свое прежнее место командира отряда он горячо рекомендовал Андрияна Николаева. В представлении к этой должности писал, что «Николаев самый опытный космо-

навт, за ним рекорд продолжительности космического полета. Отлично знает ракетную и космическую технику. Пользуется большим авторитетом среди товарищей. Дисциплинирован, энергичен, требователен к себе. Здоров, систематически занимается спортом. Николаев обладает всеми данными, необходимыми для офицера, и из него можно подготовить хорошего руководителя». Он также отмечал, что «этот исключительно способный и выдержанный человек был отлично подготовлен к новому полету в космос».

Космонавт-2 Герман Титов вспоминает: «Тренировались мы вместе с космонавтом-3. Это среднего роста молодой человек. Удивительно спокойный, неторопливый, скромный, умеющий мыслить самостоятельно, чем-то похожий на летчика Алексея Маресьева. С ним можно долго быть рядом и не услышать ни одного слова, если это не требуется в интересах дела. Многим из нас, космонавтов, по душе этот добродушный, умный и волевой человек, способный быстро принимать решения, бесстрашно и последовательно мыслить. С таким можно работать целый век».

А вот выдержки из воспоминаний космонавта-4 Павла Поповича: «С февраля 1960 года, когда наши пути сошлись в Центре подготовки космонавтов, я видел Андрияна почти каждый день, знал, чем он занимается, вместе с ним проходил тренировку, вместе переживал за ребят, у которых случились неудачи, знал, куда он летит в командировку. Так случилось, что мы вместе были на запуске Юрия Гагарина, он дублировал Германа Титова, твердо, непоколебимо шел к своему запуску на околоземную орбиту...

Андриян пробыл в космосе 95 часов, облетев вокруг Земли 64 раза. Я приземлился в нескольких километрах от него, сделав 48 витков. На госкомиссии предоставили слово Андрияну Григорьевичу. Доклад моего друга был обстоятельным и основательным. Приходилось удивляться, когда он сумел подготовиться к столь глубокому и научно-аргументированному сообщению. Меня поразили отточенность фраз, телеграфная краткость его предложений, ясность позиции и оценок. Видимо, его доклад произвел такое ошеломляющее впечатление, что ему не задали ни одного вопроса.

Именно благодаря докладу Андрияна Григорьевича Николаева Государственная комиссия сделала выводы, определившие направленность советской космической программы на долгие годы».

И еще о своем «звездном напарнике» как-то сказал он фразу: «Родился Андрей в Чувашии, в деревне Шоршелы,

что по-русски означает «Светлые ключи». Хорошее название. Перенеся это название на Андрияна Николаева, хочу подчеркнуть чистоту его личностную, духовную, человеческую».

Интересны и даже юмористичны такие воспоминания Павла Поповича:

«Нам, побывавшим в космосе, посчастливилось посетить многие страны мира с миссией дружбы и добрососедства. Особенно мне запомнилась одна из наших первых с Андрияном Николаевым поездок. То был визит в таинственную и огромную Бразилию.

Мы пробыли там около двух недель, побывали в четырех крупнейших штатах страны, встречались с рабочими, инженерами, крестьянами, студентами, педагогами, учеными. И везде ощущали обстановку дружелюбия, видели желание бразильцев узнать как можно больше о развитии космонавтики в нашей стране, о жизни советского народа.

Однажды в гостиницу, где мы остановились, пришла скромно одетая пара — муж и жена. Звали их Антонино и Мария Сантос. На руках у женщины спал ребенок, завернутый в платок ярких национальных расцветок. Выйдя на шум в холле и узнав, что гости хотят непременно видеть именно Николаева, я пригласил их в гости. Оказывается, их ребенка зовут Андриян Николаев Сантос, а родился он как раз в дни нашего группового полета. Супруги были людьми верующими и окрестили сына, как того и требовал религиозный обычай, в местном храме. Выслушав гостей, Андриян осторожно и с любопытством взял ребенка на руки, стал заглядывать ему в глаза, потом посмотрел на меня.

— Как, Паша, похож на меня?

— Как две капли воды, — не удержался я от шутки. — И на вид такой же застенчивый.

Счастливый отец робко тронул Андрияна за рукав, показывая на раскрытую дверь балкона. На улице большая толпа людей давно ждала минуты, когда там появится кто-нибудь из нас. И Андриян вышел на балкон, прижимая к себе ребенка. Ровный гул голосов превратился в бурю аплодисментов. Рядом с нами на балконе, не скрывая счастливых слез, находились радостные мать и отец. Мы стояли и даже не пытались что-то говорить: во-первых, нас никто бы не услышал, во-вторых, мы и без слов хорошо понимали друг друга.

Затем мы сидели вместе с молодой четой у себя в номере, пили кофе, обменивались сувенирами и сфотографировались на память. В ходе беседы мы узнали, что наш новый

знакомый, отец ребенка, не является ни родственником знаменитого футболиста из сборной Бразилии, ни родственником бразильского авиатора Сантоса Дюмона. И вообще, оказалось, что в Бразилии Сантосов столько, сколько в России Ивановых, а в Чувашии — Николаевых.

Эта теплая встреча с простыми труженниками Бразилии как бы предопределила весь настрой нашего путешествия по стране».

И, наконец, пусть читатель простит нас за наиболее полное цитирование воспоминаний Николая Петровича Каманина, генерал-полковника авиации:

— Андриян Николаев своей многолетней работой в Звездном городке, — пишет он, — зарекомендовал себя отличным руководителем, он вложил много сил и труда в подготовку и осуществление всех наших пилотируемых полетов в космос.

Андриян Григорьевич учит космонавтов не только работать, но и хорошо и увлекательно отдыхать. В выходные и праздничные дни космонавты выезжают на охоту, на рыбалку, за грибами или просто для отдыха с семьями в прекрасные леса Подмосковья.

Один такой выезд на охоту мне запомнился на всю жизнь.

Мы выехали на озера, которые находятся недалеко от города Спасск-Клепики. На вечернюю зорю мы опоздали и поэтому решили пораньше лечь спать. В четыре часа были на ногах. Было еще совсем темно. В лодку со мной сели Гагарин, Николаев и егерь. В трех других лодках по два-три человека разместились остальные космонавты.

В темноте лодки разошлись по разным направлениям, смолкли голоса охотников, и только легкий скрип весел в уключинах и всплески воды напоминали нам, что мы движемся. Движение лодки было незаметным, не было видно никаких ориентиров, и казалось, что темноте не будет конца. Но вот мы вышли на середину озера; видимо, тучи разошлись, и мы увидели небо.

— Николай Петрович, Андриян, смотрите, сколько звезд! — заговорил Юрий Гагарин. — Кажется, в жизни не видел такого звездного неба! А сколько падающих звезд!

Я осмотрелся кругом. «Падающих» звезд действительно было необычно много. Мы едва успевали поворачивать головы, следя за яркими вспышками то в одной, то в другой части горизонта. Егерь перестал грести, лодка остановилась. Над нами, впереди, сзади, справа, слева и даже рядом с нами в воде — везде были звезды. Земля пропала, исчезла

вода, возникло реальное ощущение беспредельного простора космоса.

Открылась бездна звезд полна,
Звездам числа нет, бездне дна, —

взволнованно продекламировал Юрий Гагарин. Более удачной обстановки для чтения этих стихов Ломоносова, наверное, никогда не было.

— Молодец, Юра! Точнее Ломоносова не скажешь, — произнес Андриян, — именно бездна и без дна. Кстати, Николай Петрович, я взял с собой ночной бинокль, — продолжал Николаев, — пожалуй, сейчас самый подходящий случай полюбоваться звездами.

Андриян Григорьевич неторопливо достал бинокль из сумки и передал его мне. Я прильнул к биноклю и замер, завороженный красотой и величием неба. Там, где простым глазом видно не больше десятка звезд, в бинокль я видел сотни. Я отыскал Полярную звезду, Сатурн, Юпитер, Марс. Сотни раз в ночных полетах на самолетах эти светила помогали мне ориентироваться. Я привык видеть их яркими, но одинокими, без окружения больших скоплений звезд, и вот теперь, в бинокль, я обнаружил множество звезд вокруг одиноких знакомых светил.

Бесконечность Вселенной и мириады звезд в этот момент для меня перестали быть фразой. Я впервые реально ощутил все величие и беспредельность мира.

Восток чуть-чуть начинал блеснуть, проясняться, а мы продолжали любоваться небом. Бинокль переходил из рук в руки. Мы забыли про охоту. Гагарин уговаривал егеря взглянуть на Стожары. Он утверждал, что это одно из самых интересных созвездий. Я попросил Андрияна Григорьевича отыскать звезду Вега и показать мне, в какой части неба находится Туманность Андромеды. Вега мне была хорошо знакома, я мог бы найти ее сам, но мне хотелось убедиться в знаниях Николаева по астрономии.

— Сегодня идеальные условия для изучения звездного неба, — тоном лектора произнес Андриян Григорьевич и стал рассказывать:

— На юге у самого горизонта — созвездие Ориона. Его вы хорошо знаете, немного левее видны две звезды, левая и более яркая звезда — Сириус. Космонавты и летчики хорошо знакомы с этой звездой, она — отличный ориентир. Выше Ориона в виде треугольника — созвездие Телец. В вершине треугольника, в западной части созвездия, близко одна к другой тянется пять звезд. Самая светлая из них — звезда

Альдебаран. Немного западнее и выше Альдебарана мерцает кучка мелких звезд — это Стожары. Я с детства знаю Стожары.

Выше Стожар находится созвездие Персей, — продолжал Николаев, — оно вытянуто в линию снизу вверх. В центре наиболее яркая звезда. Если от нее посмотреть на северо-запад, то можно увидеть вытянутые почти в прямую линию четыре звезды созвездия Андромеды.

О, посмотрите, какая удача! — воскликнул Николаев. — Немного выше созвездия Андромеды заметна Туманность Андромеды. Это редкий случай, обычно простым глазом ее не видно.

Мы опять поочередно потянулись к биноклю и долго не могли оторвать глаз от далекой Туманности, состоящей из бесчисленного множества звезд. Хотелось и дальше продолжать это увлекательное путешествие в мир космоса, но восток начал заметно белеть, и звездам суждено было скоро погаснуть. Егерь по сигналу Гагарина начал грести, и наша лодка вновь заскользила по зеркальной поверхности озера. Николаев осветил фонариком часы, сказал, что скоро пять и что пора занимать охотничьи места.

— А Вега, где же Вега? — напомнил Юрий Алексеевич.

Николаев вскинул голову, отыскал Полярную звезду и ответил:

— Вега у меня за спиной. Посмотрите на север, над самым горизонтом отлично видны созвездия Лебедь и Геркулес, а между ними созвездие Лира с одной из самых ярких звезд Северного полушария — Вегой.

Казалось, Андриян Григорьевич мог без конца говорить о звездах, о далеких галактиках, о том, что волнует воображение людей Земли, чему посвятили свои жизни скромные земляне, ставшие космонавтами. По всему чувствовалось, Николаев влюблен в небо, живет думами о нем, изучает, познает его тайны и многого достиг на этом поприще. Так эпизод из охотничьего быта помог мне увидеть в Николаеве одну из его замечательных черт — черту звездолюбца.

Во имя высокой цели изучения космоса Андриян Григорьевич трудится самозабвенно, увлеченно. Особенно много труда вложил он в подготовку космонавтов для полетов.

Строгий и скупой на похвалу, но настоящий человек с необъятными интересами и широкими влечениями, со стойким оптимизмом и несокрушимой верой в добро главный конструктор Сергей Павлович Королев не скрывал своей симпатии к Николаеву, в его понятии он был тружеником в высшем смысле этого слова. Иногда Королев даже совето-

вался с ним по весьма существенным вопросам. Так 21 октября 1961 года он пригласил Андрияна на беседу. Главный расспрашивал его об удобстве расположения приборов, аппаратуры, кресла. Николаев честно высказал некоторые свои замечания и, чуть робея, добавил, что в общем-то можно оставить и так. Сергей Павлович дружески похлопал его по плечу: не робей, дескать, требуй смелей...

— Так на сколько дней вы готовы лететь? — спросил Королев при прощании.

— На четверо суток, если нужно, то и больше.

Сергей Павлович засмеялся, радуясь новому и весьма авторитетному единомышленнику, и сказал:

— Пока на большее не надо. Хорошо бы обследовать там намеченные орбиты за эти сутки. А потом махнем в космос на месяцы, кварталы, а может быть, и на годы...

Через несколько месяцев он предсказал Николаеву его старт...

30 июля следующего — 1962 года — Государственная комиссия по запуску «Востоков» назначила сроки стартов кораблей, утвердила их командиров и составы оперативных групп. На традиционном собрании от имени космонавтов выступил Андриян Николаев.

Уже в начале августа на самолете Ил-14 Николаев в сопровождении Германа Титова и генерала Каманина вылетела на космодром. В пути, коротая время, решили, как говорится, перекинуться в преферанс. Каманин вовлек в игру и Николаева. С определенным умыслом... Он наблюдал за ним, оценивал каждое его слово, жест, взгляд. Заметил Каманин, что тот собран, спокоен, совершенно не реагирует на болтанку, которая досаждала всем. Игра сама собой прекратилась, партнеры сидели бледные, рассеянные. А на Николаева она как будто и не действовала. Он пошел в пилотскую кабину поговорить с экипажем, как ни в чем не бывало спокойно разгуливал по салону самолета. Это поразило даже старого, выдавшего виды Каманина: «Как так? Через несколько дней у него самый длительный в истории космический полет. Неизвестно, как еще он завершится... А этот Андриян ведет себя так, будто летит не на космодром, а на рыбалку в деревню. Каманин был приятно удивлен его тренированности, выдержке и воле.

...Так что понятно, почему именно Андрияна Николаева горячо рекомендовал Юрий Гагарин на должность командира отряда космонавтов и его решительно поддержало высшее руководство.

...Кажется, что совсем еще недавно приходила Валентина к «прикованному» у земли космическому кораблю Андрияна... Сильно скучала в это время девушка. Когда он завершил «полет», Валентина нежными руками погладила обросшее за четыре дня его небритое лицо, улыбаясь, проговорила что-то нежно-нежное.

... Теперь Андриян, как некогда она, приходил к ее кораблю, подолгу смотрел на зашторенные иллюминаторы, за которыми шла в размеренном ритме ее еще не космическая, но чуточку уже и не земная жизнь.

Подготовка к пятому и шестому штурму космоса шла одновременно. Стало известно, что Валя должна полететь после Быковского. «Что ни говори, а Валерию будет легче, чем Валентине, — думал Андриян. — Мужчина есть мужчина. Они, мужчины, уже четырежды побывали в космосе. А женщине предстоит впервые шагнуть в неведомое».

Андриян и Валентина, иногда совершенно забывая, что они, как ни рассуждай, все же «парень и девушка», часами беседовали только лишь о ее предстоящем звездном рейсе. Очень часто Андриян приходил к ней в класс, в лабораторию, на корабль, где она отрабатывала последние задания перед полетом. Делился с ней всем, что сам приобрел за время подготовки к запуску и в полете. Больше всего говорил о том, что ее ждет там, в шестом океане. Конечно, успокаивал, основываясь на своих наблюдениях, утверждал, что если хорошенько подготовиться — все будет хорошо. Собственно, она тоже не сомневалась в успехе полета, но порой он нет-нет да и улавливал в ее глазах понятную ему тревогу. Тут, в корабле, он объяснял ей особенности работы аппаратуры в космосе, устраивал ей своеобразный экзамен: «А ну, скажи, как будешь действовать при ручной ориентации, разгерметизации кабины? Какие предпримешь действия?..» Она была понятливой и способной ученицей. Отвечала не торопясь, точно, исчерпывающе.

Главный конструктор был только рад, что у девушки-космонавта есть такой вдумчивый и опытный учитель и «экзаменатор».

Наконец настал час отъезда на космодром. Теперь уже Андриян помогал Вале собираться в дальнюю дорогу. Положил в чемодан томик Некрасова (это ее любимый поэт) и бумаги с конвертами. Как и она когда-то, наказал: «Напиши пару строк оттуда, из-за занебесья». Она засмеялась: «А ты написал?» «Ну хоть мысленно...» «Мысленно — пожалуйста. Хоть сейчас. Бери ручку, пиши, буду диктовать: «Дорогой мой Сокол! Улетая от тебя в шестой океан, про-

шу тебя не забывать...» «Что есть на свете Березка? — словами уже договаривает желаемую им фразу Андриян. — Это я хорошо помню».

...Традиционный порядок космических проводов. Как и перед предыдущими полетами, когда ехали на стартовую площадку, пели песни. Валентина застыла недвижно в своем скафандре. Андриян, словно верный ее рыцарь, уместился у ног Валентины. В какое-то мгновение она чуть-чуть наклонилась к нему: ей так захотелось вдруг коснуться губами черных его волос. Андриян будто бы окунулся в ее глубокие, до краев наполненные тревожным счастьем и ожиданием, глаза. Ее щеки запылали густым румянцем. Андриян тихо, чтобы никто не услышал, заговорил:

— Главное, Валя, спокойствие. Все будет хорошо!

— Я ничего не боюсь, Андриюша. Ты же знаешь...

— Знаю, но все же повторю. Буду ждать радости такой — услышать твой голос...

— Позывные мои, конечно же, не забыл?..

— Теперь ты будешь не Березкой, а Чайкой.

Их разговор прервал голос Поповича:

— Эй, там. Сокол и Чайка, прошу не отвлекаться. Песня без вас не получается!

Валя, как ни в чем не бывало, с ходу подстроилась под звонкий голос Павла:

На пыльных тропинках далеких планет
Останутся наши следы...

Андриян не поддержал песню: он пристально смотрел на Валу, в ее просвеченные степным солнцем глаза.

Короткий маршрут закончился — вот она, совсем недалеко, стартовая площадка. Андриян помог Вале выйти из автобуса. Наступила пора расставания...

— Андриюша, до свидания! Жди!

— До встречи, Валуша. Да, все будет хорошо, — в который раз повторяет он магическую, по его понятиям, фразу.

Наклонясь к уху Андрияна, успела-таки она шепнуть:

— Прикидывай, когда я улечу, правильно ли я действую, ты же знаешь мою программу. Ставь оценки...

Прощаясь с Валею, Андриян сильно пожал ее руку, это крепкое рукопожатие стало для нее как бы залогом удачи. Потом Валя по бетонным плитам стартовой площадки скорым шагом направилась к Председателю и членам Государственной комиссии, собравшимся у подножия ракеты. Все ласково и доброжелательно улыбались, глядя на ее разго-

ряченное, раздумавшееся лицо, внимательно выслушали официальный рапорт:

— Космонавт Терешкова к полету на корабле-спутнике «Восток-6» готова!

— Ни пуха ни пера, Валюша, — сказал Главный конструктор, пожелав счастливого пути и возвращения. Его темные, выразительные глаза сверкали: напутствовал в космос уже шестого человека! На этот раз эту милую девушку...

— До скорой встречи на нашей земле, — такими словами завершила Валентина свое предстартовое заявление. — Горжусь тем, что наш талантливый народ стал пионером освоения космического пространства и своими успехами вызывает всеобщее восхищение человечества. Я счастлива, что мне, первой в мире женщине, предстоит осуществить полет в космос.

...Пока шли последние приготовления, несколько раз включалась музыка, и Валентина успела для успокоения спеть несколько песен (все-таки тревога гнездилась в ее чуткой душе). Но вот объявили пятнадцатиминутную готовность. Сердце Вали забилось чуточку быстрее. Стараясь держать себя в руках, она еще раз осмотрела знакомую до мельчайших подробностей, «обжитую» на тренировках кабину корабля, оглядела приборы, сделала, как ей казалось, нужные пометки в бортовом журнале. И повторяла порой: не надо думать ни о чем постороннем, кроме того, что надлежит проделать непосредственно перед стартом.

Пятиминутная готовность... Трехминутная...

— Гермошлем закрыла, перчатки надела, — доложила она, принимая в кресле наиболее удобное для старта положение. Время словно бы остановилось. Как все-таки тягуче долго и томительно тянутся самые последние секунды. Внутренне собравшись, она внимательно следила, как секундная стрелка четко перепрыгивает с одной риски циферблата на другую. Вот завершила она один круг... Другой... Пошла на третий... «Ключ на старт!» — как-то по-особому громко и внятно прозвучал в шлемофоне отданный командиром в бункере приказ. И вот еще один, такой долгожданный приказ: «Подъем!»

Ракета медленно приподнялась над стартовым столом, затем, содрагая гулом мощных двигателей ближние и дальние окрестности, неудержимо убыстряя свой бег, ринулась ввысь. Как и все космонавты, как Андриян при своих стартах, ощутила Валентина великую и тяжкую силу Земли, не желавшую отпускать ее от себя... Но подошло время — объявляя ее ослабли, а потом и вовсе отпустили ее тело — самочувствие Валентины сразу улучшилось.

Вскоре отделился головной обтекатель корабля. В глаза больно ударили яркие солнечные лучи. Валентина прильнула к иллюминатору и далеко-далеко внизу увидела Землю. И сразу передала по радио: «Я — «Чайка»! Настроение бодрое, самочувствие отличное! Вижу горизонт! Голубая, синяя полоса... Это Земля! Какая она прекрасная! Все идет отлично! Все идет отлично!»

Валентина чувствовала, что совсем недалеко от ее корабля летит «Восток-5», запущенный ранее. Она вызвала «Ястреба» по радию, и Быковский сразу же радостно отозвался: «Слышу тебя, поздравляю тебя, Валюша!»

А внизу, на Земле, открывались все новые и новые дивные ландшафты. Мелькнул золотистый кусок пустыни, его тотчас сменили гигантские четырехугольники колхозных ли, совхозных ли наших полей; замелькали озера, зарябили перед очами Вали темно-зеленые пятна лесов. Взглянув в другой иллюминатор, она увидела на черном-пречерном бархате неба горсти алмазных, немигающих созвездий.

Валя была подлинной и единственной хозяйкой своего корабля-дома «Восток-6». Перед ней — миниатюрный рычаг управления, им она могла вручную сориентировать корабль в пространстве. Включив тормозные двигатели, она могла перевести его, если потребуется, с орбиты в режим спуска и приземлить в заранее выбранном районе.

Она быстро обжила в космосе знакомую по тренировкам на земле кабину. Полулежа в удобном пилотском кресле — одновременно рабочем месте и постели космонавта, — Валентина занялась запланированными научными наблюдениями, иногда невольно прислушиваясь к размеренному биению своего сердца.

Менее чем за час день сменился ночной темнотой. Эта смена произошла мгновенно. Секунду только за стеклом иллюминаторов сиял свет. И вдруг — почти непроницаемая тьма. Валя включила внутреннее освещение кабины и затем с аппетитом позавтракала, любуясь звездным пейзажем. За иллюминаторами проплыли звезды Большой Медведицы и другие знакомые созвездия. Но вот потоки солнечного света вновь залили кабину. Вскоре на табло зажглась цифра «1». Это означало, что корабль сделал первый виток вокруг планеты. Все шло по заранее составленному расписанию. Огромная радость переполнила все ее существо. Теперь, когда стало ясно, что все идет буднично, без срывов, она отрапортовала Земле: «Докладываю, что полет проходит нормально, системы корабля работают отлично, самочувствие

хорошее. Сердечно благодарю за оказанное доверие. До скорой встречи на родной земле. 16 июня 1963 года. Космонавт В. Терешкова».

...Андриян проводил Валу на орбиту с глубокой уверенностью в благополучии рейса. Но, конечно же, смутное беспокойство ни на миг не оставляло его. Знал, понимал (ибо испытал сам), что ей будет трудно. Особенно при выходе корабля на орбиту и при входе его в атмосферу. С волнением слушал он ее бодрый голос, радовался, что чувствует она себя хорошо, представлял все, чем ей предстоит заниматься в ближайшие сутки и часы. Он ведь знал программу ее полета наизусть. Еще и еще раз вспоминал Андриян, как уже на космодроме, перед расставанием, она ему наказала рассчитывать, где и чем она будет заниматься и ставить ей оценку, чтобы потом сверить, правильно ли он определил ее состояние.

На первых витках, проводя заданную планом полета работу, ведя наблюдение в иллюминаторы корабля, Валя ловила себя на мысли о том, что многое из увиденного и ощущаемого ей уже как бы знакомо. Откуда? И тут ей припомнились рассказы друзей-космонавтов, которые говорили, что при взгляде из космоса воочию видишь шарообразную форму Земли. Они красочно описывали Землю, окруженную ореолом нежно-голубого цвета. Теперь Валя любовалась этим ореолом, восхищалась, как он плавно темнеет, становится бирюзовым, темно-синим, фиолетовым и переходит в аспидно-черный цвет. Природа не поскупилась, нарядив Землю в одежду богатейших расцветок, отороченную радужной каймой. Ей подумалось: «Хорошо бы нарядить наших девушек в шелка таких цветовых гамм! Но если выпустят такую ткань, если бы увидела она ее на прилавке магазина, то непременно бы купила, чтобы сшить праздничное платье».

С космических высот были отчетливо видны города, особенно ночью. Они озарялись многочисленными огнями и казались оттого осыпанными золотистой пылью. Когда «Восток-6» пролетал над Америкой, ей бросились в глаза яркие ниточки огней центральных улиц городов. А в одном большом городе кольцевая дорога, освещенная лампами дневного света, показалась ей похожей на жемчужное ожерелье — огни, словно бусинки, на фоне густо-черной ночи.

Вернувшись из своего длительного группового полета, Андриян восхищенно рассказывал Валентине, что каждый материк имеет свой преобладающий, свойственный ему цвет.

И она убедилась в этом. Африка — желтая. Южная Америка — зеленая, Азия — темно-коричневая. Воды Атлантического океана темнее тихоокеанских просторов. Горы тоже выглядят по-разному. Наши Саяны — темно-зеленые, покрытые курчавыми шапками таежных лесов; американские Кордильеры — темно-серые, даже сверху угадывается готическая острота их скал и пиков; Памир — «крыша мира» — красный, покрытый белыми пятнами. Валя сразу догадалась, что это ледники и снега.

Ей, наверно, как любому космонавту очень хотелось взглянуть из космоса на родные края, на Ярославль с его древними соборами и корпусами новых заводов. Но, как назло, когда она пролетала над Ярославщиной, все небо над ней было подернуто туманной дымкой, напоминающей легкую голубую вуаль. «Большая часть нашей планеты, — думала Валя, — покрыта такой вуалью, и она вместе с облаками, подобна серо-голубой узорчатой шали. Часто скрывает она то, что хотелось бы увидеть». А мечталось ей увидеть многое.

Потом она включилась в текущую размеренную работу на корабле. Дел было много, и исполнялись они в необычной для землянина обстановке. Состояние невесомости заставляло как-то по-иному согласовывать, соразмерять все свои движения, совсем по-иному обращаться с окружающими предметами. Ведь не только она сама, но и все вещи ничего не весили. Возьмешься за кинокамеру, с виду она тяжелая, а тут, в космосе, — легче пушинки. Ее и класть-то никуда не надо — отставишь ее в сторону, а она не падает, а плавает по кабине корабля. Стоит только протянуть руку — и, пожалуйста, начинай съемку. А снимать есть что! Ведь даже облака, часто закрывавшие Землю, все время причудливо меняли свои очертания и расцветку.

...Валерий Быковский в движении по своей орбите опережал Валю более чем на тридцать оборотов вокруг планеты. Под кораблем Валентины простирались вот, например, в эти минуты просторы Индийского океана. Было что-то притягательное и жуткое в черной пропасти, разверзшейся внизу. И вдруг где-то там, в этой «преисподней», сверкнула изгибистая линия. Одна. Вторая. Третья... Ярко-красные вспышки мелькали друг за другом...

«Над океаном гроза», — мгновенно сообразила Валя.

...Гроза! И вспомнилось ей детство и то, как она босиком, в одних трусишках бежала под ливнем, трусливо смеживая веки от вспышек ослепительных молний и затыкала

пальчиками уши при следовавшими за ними оглушительными раскатами грома. Но зрелище, открывшееся ей сейчас, было куда более впечатляющим, чем запомнившаяся «детская» гроза. Там неистовствовали и тайфун, и ураганные ветры, вздымали они пенящиеся валы океанских волн. Хотя в кабине «Востока-6» было тихо, как в сурдокамере, Валя отчетливо представляла грохот и свист разбушевавшейся стихии.

— Ты смотри, ты смотри, — раздался возбужденный голос Валерия, — страх-то какой! Тяжело, наверное, сейчас морякам. Разбушевались страсти природные...

Картина грозы так же внезапно исчезла из глаз, как и появилась. А затем исчезла и темнота, в кабину вновь ворвался дневной свет. Бурлящий Индийский океан остался далеко за тысячи километров от точек, мест их новых наблюдений.

Светящееся табло все отсчитывало и отсчитывало витки. К радости Валентины, она не испытывала никаких неприятных ощущений... Несомненно, сказались результаты усиленных тренировок, пошел на пользу и добрый совет Андрияна: поменьше резких движений, побольше плавности во время работы.

Подошло время отдыха и сна. Валентина сообщила об этом на Землю, вызвала «Ястреба», пожелала ему спокойной ночи и поудобнее устроилась в кресле. Закрыв глаза, она подвела итоги трудового дня. Начался он сегодня ранним утром в «домике космонавтов» на Байконуре и закончился поздним вечером на огромной высоте рядом со звездами. Никогда еще за день она не преодолевала такого пути в триста тысяч километров! И еще где — в космосе! Сколько пришлось увидеть, пережить и прочувствовать за этот обычный по длительности день! В эти минуты раздумий ее мысли неудержимо устремились к Андрияну, находившемуся так далеко. Хотелось сказать ему: «Я увидела многое из того, о чем ты рассказывал мне в часы наших встреч».

Пролетая над Волгой, Валя вспомнила о маме. Она не удержалась от страстного желания послать в родной город сообщение о своем великолепном самочувствии. Передала своей маме, всем матерям города, страны и мира дочерний привет и пожелание счастья. Велика же была ее радость, когда на борт корабля пришла радиограмма: «Милая доченька Валюша! Счастлива, что ты у меня такая отважная, смелая. Горжусь тобой и с нетерпением жду твоего благополучного возвращения на нашу родную Землю. Прими мое материнское благословение. Пусть оно поможет тебе выпол-

нить задание матери-Родины. Кланяются тебе все наши родные и близкие. До встречи, милая!»

В этот момент перед глазами ее замелькали акварельно чистые пейзажи Ярославщины, вспомнилось детство, отрочество, юность. И светлые, радужные, добрые мысли о родине посетили ее.

* * *

...Почти шестнадцать минут происходило снижение пилотской кабины, катапультировавшей из космического корабля. Все ближе и ближе становилась земля, поля с молодыми хлебами, сверкающая лента реки, голубая чаша озера с мерцающими на его воде лучами солнца...

Космическую капсулу под парашютом засекли вовремя. и как только она коснулась полосы, окантованной юными березками, со всех сторон к ней бросились, устремились встречающие.

И вот с помощью друзей ступила Валентина на земную твердь. На которой можно стоять, по которой можно ходить... Дышать на ней свежим полевым воздухом, слышать голоса людей, пение птиц... Хотелось Вале кричать и петь от восторга во весь голос!

Конечно же, не обошлось без объятий, поздравлений, поцелуев, расспросов... Космический врач сделал экспресс-анализ крови, измерил пульс, давление, температуру.

Хлебосольные местные люди живо принесли на полянку каравай, вареную картошку, яйца, лук, молоко, мед... Как же желанна была Валентине именно сейчас здоровая русская деревенская пища!

Валерий приземлился на одной географической параллели с Валею в Кокчетавской области. А наутро они встретились в городе на Волге, там, где по задумке, по молодой традиции всегда отдыхали вернувшиеся из космоса. Здесь же встретилась Валя и с Андряном. Радостью и гордостью светились их глаза...

Вечером они долго бродили по росистым травам у Волги, говорили о своем будущем, о многом и многом. Изгибистая лунная дорожка пересекала великую реку, напоминала она им обоим серебряный мост, по которому так хотелось бы пройти...

В этот памятный вечер решилось главное: они назначили день своей свадьбы — 3 ноября! Оставалось до нее в общем-то не так уж и много времени...

По возвращении в Звездный городок Валю, как положено, направили на серьезное медицинское обследование. Врачи не нашли в ее организме каких-либо существенных отличий, отклонений от предстартового состояния. Да Андриян и сам видел, что Валя чувствует себя неплохо. Тут же, в госпитале, она писала обстоятельные доклады о своем полете. Она доверительно дала почитать ему несколько исписанных листов. Да, тут было много нового, интересно-го. Полушутя-полусерьезно он заметил:

— Первый экземпляр твоей научной книги — мой!

— Обязательно! — на полном серьезе ответила она, потом порылась в сумочке, достала конвертик и протянула ему: — Это будет! А пока ограничусь этим памятным подарком.

Он открыл конверт и достал оттуда Валину фотокарточку. Прочитал надпись: «Соколу с добрыми пожеланиями в жизни. Чайка. Космос».

— Спасибо!

— А насчет книги ты не сомневайся. В издательстве «Правда» уже предложили ее подготовить. Ну, конечно, не строго научную...

Через несколько дней он привез Валю из госпиталя в ее квартиру. Тут она показала ему еще несколько космических сувениров. Среди них — алый вымпел. С любовью разгладив его ткань, она положила вымпел в письменный стол:

— Знаешь, хочу ребятам-пионерам подарить.

— Это будет великолепный и самый лучший подарок, — поддержал ее намерение Андриян.

Она посмотрела в окно, за которым слышался задорный голос Наташи, дочки Павла Поповича, и задумчиво проговорила:

— Ты знаешь, я так люблю детей... Знаю, что и ты души в них не чаешь...

...«Андрияша! — писала Валя «отъездное» письмо. — Сегодня улетаю в Болгарию. Побываю там, где давно мечтала побывать. Спросишь, трушу? Да, чуточку. Вернее, не трушу, а просто сердце сжимается от одного предчувствия такого путешествия. Даже в космосе не так волновалась. Ведь встретятся незнакомые люди. А может, и знакомых увижу. Помнишь, я тебе рассказывала о своей болгарской подруге Василине? Мы с ней в школьные годы пере-

писывались. Но никогда друг друга не видели. Может, теперь увидимся. А вообще, на душе и радостно, и тревожно: впереди столько еще неведомого. Наверное, и трех жизней человеку мало, чтобы по-настоящему посмотреть на свет белый.

Ты завтра уезжаешь в Чувашию, а сегодня где-то по служебным делам мотаешься. Значит, сегодня не увижу. Хочу хоть этим листком попрощаться.

Отдыхай. Привет твоей маме, братьям и сестренке. Если задержишься в Шоршелах до моего возвращения, напиши хоть пару строк... Смотри, не влюбись.

Жду тебя и письма. Твоя Березка»...

Теперь неизменно носил Андриян это письмо в кармане, у сердца. Приехав в свои «Светлые ключи», несколько раз принимался он писать ответ, но никак не мог сосредоточиться, чтобы его продолжить. На бумагу ложились совсем не те слова, которые были в его душе. Поэтому он решил: «Писать не буду. Возвращусь в Звездный к приезду Вали. Вместо письма сам предстану перед ее очами. Хотя и словесное объяснение для меня тоже не из легких, но все же намного проще письменного».

Ранним утром Андриян уже был в чебоксарском аэропорту, а через час-другой вылетел в Москву. Уже в воздухе он узнал, что Валя на пути из Софии в Москву. Посадка — во Внуково. А его самолет принимает Быково.

«Как нескладно получается! — огорчился Андриян. — Она может оказаться дома первой, может случиться, что она меня встретит, а не я ее. С моей стороны совсем не по-царски получается!»

И он решил пойти за советом и поддержкой к командиру самолета: пилот пилота всегда поймет. Штурман скорехонько связался со Внуковым, и этот аэропорт — в виде особого исключения — дал разрешение на посадку именно там. Но после всех переговоров штурман озабоченно заметил: «Все решено, только «софийский» садится на пятнадцать минут раньше нашего». «Эти минуты ничего не значат, — успокоил Андрияна командир. Пока они там с рулежкой и трапом провожаются, мы успеем и приземлиться, и встретить...»

Как только «чебоксарец» остановил двигатели, Андриян, в нарушение всех лётных инструкций и правил, нырнул в проем двери, секундно повис на руках, потом прыгнул наземь. Пружинисто коснулся земли ногами и помчался к Валиному самолету. Хорошо что кто-то из экипажа успел-таки передать ему приготовленный для личных целей букет белых хризантем.

Андриян успел в самый последний момент...

Валя, разумеется, не знала, не ведала о таком его рыцарском поступке и, увидев Андрияна у трапа, обрадованно удивилась. Ее улыбка была для него высшей наградой за небывалое в его жизни «рыцарство».

* * *

Архиповы подъехали к Дворцу бракосочетания на улице Грибоедова в Москве. И уже через несколько минут оказались в огромном, заполненном до отказа зале. Свободна была лишь ковровая дорожка. По этой дорожке должны войти в зал молодожены.

И вот они появились! Андриян в строгом черном костюме, белой рубашке. Валя в белой фате, белоснежных перчатках, с сияющими глазами... Как она была прекрасна!..

Андриян, нежно поддерживая ее под руку, ощущал, как слегка подрагивает ее локоть. Чуть наклонившись к ней, он прошептал: «Спокойнее». «Страшно, Андрюша... Столько людей...» — тоже шепотом ответила она.

Когда зазвучала торжественная, переходящая в бравурную, музыка, Валя немного успокоилась. «Космическая пара, — как говорили потом журналисты, — триумфально прошествовала к регистрационному столу».

Замерли Валя и Андриян над книгой-альбомом, на странице которого подписями своими должны они были скрепить свой брачный союз. Первой расписалась Валя...

Только вчера она сказала Андрияну: «Знаешь, какую фамилию я себе возьму?.. Николаева-Терешкова! Ты не против?» Он горячо поддержал ее: «Очень хорошо! Тебя ведь знают как Терешкову. Значит, все правильно».

Сегодня Валя впервые вывела на мелованной бумаге эту непривычную для себя фамилию. Как положено, молодожены обменялись золотыми обручальными кольцами. Поцеловались... Секунду спустя рядом с их подписями поставили свои фамильные автографы свидетели — Юрий Гагарин, Валерий Быковский, их жены — две Валентины. Женщины-свидетельницы не преминули пошутить при этом, обращаясь к Андрияну: «Смотри, отвечаешь за нашу тезку головой!» Тот почти серьезно поспешил их заверить: «Не только головой, но и сердцем отвечаю...» А потом зал огласился напутствиями: «Счастья! Радости! Лелейте друг друга! Жалейте!»

К жениху тихонько подошла Валина мать — Елена Федоровна. Обняла его, поцеловала, проговорила сквозь слезы: «Береги, сынок, ее. Она у меня добрая...» Андриян взвол-

нованным голосом пообещал: «Знаю, мама... Буду беречь...» Мать Андрияна поцеловала свою невестку, прошептала ей что-то сокровенное.

И снова взял Андриян Валю — жену уже — под руку, молча посмотрел в ее сияющие глаза, потом окинул взглядом зал, людей с добрыми улыбками на лицах. Здесь собрались и родные, и близкие, и друзья, и соратники, и совсем незнакомые...

Когда закончилась волнующая эта церемония и небольшой банкет, на самом выходе из Дворца бракосочетания совсем неизвестная молодоженам прохожая, пожилая женщина, протянув им руку, пожелала:

— Большого счастья, здоровья вам, дети...

Валя и Андриян благодарно пожали ее старенькую, натруженную ладонь.

* * *

На Ленинских горах, в Доме приемов, началась небывалая свадьба. В большом зале был накрыт поистине богатый стол. Приглашенные разместились по мягким удобным креслам. Архиповы оказались соседями с родственниками жениха, приехавшими из Шоршел.

Матвей тепло и приветливо смотрел на молодоженов, с интересом оглядывал гостей. Многие из них были хорошо известными всей стране людьми, иных Арихипов никогда не видел. Здесь были и первые космонавты, знаменитые ученые, писатели, поэты, деятели искусств...

Но что за диво, что за чудо! Почти напротив него сидела... Плякка. «Как она могла оказаться здесь, на свадьбе Андрияна?» — недоумевал Матвей.

Плякка, кажется, давно его заметила. «Узнал?» — слегка толкнула она локтем Фому. Тот сосредоточенно посмотрел на Архипова. Прошло около двадцати лет, как он видел его в последний раз. Если бы не Плякка, он бы ни за что его не узнал.

Между тем, Роза обнаружила, что ее муж неожиданно занервничал, что то и дело бросает он опасливо раздраженные взгляды на одну из шепчущихся о чем-то пар.

После первого заздравного тоста внимательнее посмотрел он на Плякку. «Но каким образом все-таки она попала сюда?» — совсем замучил его головоломный вопрос. — Рядом с ней здоровенный мужчина, видимо, ее муж. И в нем есть тоже нечто мне знакомое. Вероятно, повезло Плякке... Да как хорошо, со вкусом одет он... Инженер? Ученый?...

Может, геолог? Лицо его мужественно и обветрено. Крепыш! Настоящий мужчина! Да это же Фома! Или?..»

Рваные, несобранные мысли Матвея прервала жена:

— Матвей Сергеевич, тост предлагают...

Супруги чокнулись рюмками друг с другом и ближайшими соседями по столу, выпили по глотку. Матвей разговорился с родственниками Андрияна и как-то забыл про Плякку.

В это время до Матвея донеслись слова поздравления главы партии и правительства Никиты Сергеевича Хрущева:

— Я предлагаю выпить за первую космическую семью и желаю ей счастья и успехов на благо народа... Поздравляю!...

Свадьба развернулась вовсю. Один за другим выступали ее гости. Вот встал Юрий Гагарин. Каждая его фраза была дорога и понятна молодоженам, он назвал их союз счастливым. «Как это верно! — восхитился в глубине души Андриян. — Мы, действительно, счастливы. Мы нашли друг друга, мы нашли самое заветное в жизни. Сроднили нас общие взгляды на жизнь, общая работа, общие цели и, как сказала Валя, одна и та же река. Оба мы с Волги, оба на ней выросли, на ней в детстве, в отрочестве и юности встречали весенние разливы, восходы и вечерние зори...»

Павел Попович по своему обыкновению не мог удержаться от шуток:

— Що ж вам побажаты, мои дороги? Широкого коханья и взвод дитэй...

— О, слишком много, Паша! — всплеснула руками Валя.

Кто-то затянул застольную русскую свадебную песню, и почти все ее подхватили. После того как отзвучали последние ее отголоски, встали со всех мест земляки Андрияна и начали произносить ритуальные напутствия старинного чувашского свадебного обряда:

— Будьте благословенны, живите до преклонных лет в достатке и довольстве, растите благодетельных детей, живите меж собой в добром согласии. Будьте щедрыми, как поле, и богатыми, как лес. Живите в мире и согласии со всеми соседями и всем обществом. Салам-алик, слава угощению!

С трудом пробились Архиповы к Андрияну и Вале, чтобы вручить им свой подарок, который вскоре просто-напросто затерялся среди прочих многочисленных подарков.

...Матвей с Розой решили долго не задерживаться на свадебном застолье. Они прошли в гардероб, и тут Матвей вдруг увидел совсем рядом стоящего мужа Плякки. Сомнений не было: точно — это Фома!..

Не подавая ему руки, Матвей вымолвил:

— Салам, Фома! Сколько же лет мы не виделись?! Не думал-не гадал, что встретимся на свадьбе Андрияна!

— Салам земляку! — протянул ему ладонь тот. — Что касается Андрияна — это мой самый первый друг! Карельский еще! Потому-то мы здесь...

— Да, и в самом деле мир наш тесен...

В это время Роза успела познакомиться с Пляккой: у женщин это получается быстро и естественно.

— Вот что, Плякка и Фома! Вот что, дорогие земляки! Мы с Розой приглашаем вас в гости! Сейчас же! На одной же Земле живем, этом, как говорит Андриян, маленьком шарике, а свиделись через столько долгих лет! — воодушевился Матвей и решительно ухватил Фому и Плякку за локти. И они дружно зашагали рядом...

А в большом праздничном зале в это время начались танцы. Несколько раз танцевал Андриян со своей «космической избранницей». Потом к ним подошел самый преданный их друг — Юрий Гагарин.

— Разреши, Андриян, и мне потанцевать с Валею, — попросил он друга. И они танцевали до времени, когда всех опять не пригласили за стол.

...Изрядно захмелевший Никита Сергеевич сказал несколько добрых слов о чувашском народе, произнес и такую многозначительную фразу:

— Когда я трудился на шахтах Донбаса, то там работало много чувашей, и я хорошо знаю этот трудолюбивый народ...

Потом его, как говорится, понесло. То и дело — кстати и некстати — начал он повторять такие обиднейшие для молодоженов и их друзей слова:

— Я здесь посаженный отец! Я сват! Вся эта свадьба — моя затея! Поблагодарите же ... Это я их свел!

...После шумной свадьбы молодожены вернулись в ставший им родным Звездный городок. Но настроение у них было подпорчено нелепыми выпадами Никиты Хрущева... Чтобы как-то подправить его, Валя предложила:

— Давай, Андрияша, сходим в гости к нашему другу-утешителю... В сосновый бор...

И молодожены долго ходили знакомой тропой. Возвратились домой они к поздней ночи. Над соснами уже мерцали голубоватые и, казалось, повлажневшие от вечерней росы звезды. Их дорожку-проводницу добела высветила луна. Тропа из-под их ног просечно уходила вдаль до самого горизонта и словно бы врзалась в звездное небо. Андрияну казалось, что, если разбежаться, то непременно домчишься до той вон самой яркой звезды, примостившейся на самой верхушке сосны...

НАШ ДОМ — ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ

Случилось так, что после свадьбы молодую чету космонавтов пригласили в Индонезию. Для них поездка эта, длившаяся более месяца, стала как бы свадебным путешествием. Однако побывали они и в Индии, Непале, Бирме, на Цейлоне. И везде их встречали восторженно, с открытым сердцем.

Когда они подлетали к Индонезии, к ее островам, Валя шутливо спросила Андрияна:

— Не то ли это «ожерелье», которое ты обещал мне подарить?

— О, на это я не имею права... А обещанное, несомненно, будет у тебя чуточку попозже...

После долгого, насыщенного незабываемыми впечатлениями и встречами путешествия, немного утомленные вернулись молодожены в Звездный. И когда оказались они на пороге своего дома, Андриан спросил Валю:

— Где тебе больше всего понравилось?

— Везде... Но все же нет лучше нашей земли. Родины...

И как-то одновременно представились им родные дали, с мерцающими звездчатой белизной снегами. Сосновый бор, поле, ельник-березник, опять — поле... И составляла их непрерывность словно бы русское «ожерелье»... Задумавшись, Андриан сказал многозначительно:

— Наш дом — планета Земля. И Россия...

* * *

Давно не бывал Матвей на родине, у старенькой своей матери и решил съездить в Юрганы. Не передать словами, с какой радостью встретила его она, сколько было слов сказано в их разговорах. Не мог, находясь в родном доме, Матвей не попытаться встретить Марию. Ох, как же он любил ее! Но, видать, от жара такой любви перегорела она. А мо-

жет, от тогдашней его неумной категоричности сломалась. Тогдашнего эгоизма, ревности и себялюбия. Ведь считал Матвей Марию чуть ли не своей собственностью... Все эти обстоятельства стали роковыми в их семейном разладе, привели к крушению семьи. «И все же вторая любовь оказалась крепче и сильнее, — подумал Матвей, — в этой любви я стал совсем другим человеком, да и сама жизнь, деятельность моя, работа как-то помогли отринуть те мерзкие качества, гнездившиеся в душе, характере. И живем мы с Розой счастливо...»

Очень хотелось Матвею встретиться, поговорить с Марией! Как у нее сложились семейные отношения с Виктором? Это тоже интересовало Матвея. Но как она его примет? Наверно, сразу вскипит: «Уходи!» Но сердце просит встречи...

Вскоре Матвей уже шагал знакомой дорогой в Мурзино. Когда-то рядом с ней стояла ветряная мельница, теперь ее нет. «А как часто мы с Марией проходили мимо, — вспоминал он, — как же быстро миновали двадцать четыре года...»

И вот он уже у места, где живет теперь в доме Виктора Мария. Решительно зашел Матвей в калитку, постучал в дверь, зашел в горницу дома, поздоровался с поклоном с Марией и мужем ее.

— Простите меня за такую смелость, — сказал он, — но не мог я после стольких лет не навестить вас, не поговорить о жизни, не вспомнить о прошлом и не поинтересоваться настоящим.

— Проходите, Матвей Сергеевич. Будьте нашим гостем, — с пониманием в голосе промолвил Виктор.

— Садись, Матвей, — пытаюсь улыбнуться, полушепотом проговорила Мария.

Матвей с какой-то робостью опустился в кресло.

— Я давно хотел посоветоваться с вами, Матвей Сергеевич, по вопросам защиты природы, — начал разговор Виктор с нейтральной, по общему пониманию, темы, впрочем, объединяющей их интересы. — Хотел поблагодарить за ценные книги, присланные мне. За рукописи...

— А ... защита природы? Совсем из головы вылетело, — смущенно сказал Матвей, а потом, как-то быстро переключившись на эту тему, заговорил о ней, увлекаясь.

В это время Мария быстрехонько куда-то снарядилась.

— Вы посидите, побеседуйте, — силясь скрыть волнение, извиняющимся тоном проговорила она. — Мне надо бы ненадолго сходить в школу...

Мужчины остались одни, с глазу на глаз.

— Я частенько публикую в различных газетах статьи по экологии, даже в одном толстом журнале напечатался... — рассказывал Виктор. — По вашему совету да и по своей задумке готов приступить к книге. Вроде и начало ее уже в голове прояснилось... Кое-что написал, — и он протянул Матвею рукопись.

Матвей удивительно быстро просмотрел ее (сказывался навык скорочтения, свойственный ученым и рецензентам). Положив рукопись на стол, начал говорить:

— О защите лесов и отдельных пород деревьев, о развитии скотоводства очень правильно и своеобразно вы мыслите, о борьбе с эрозией, о защите животных, о чистоте рек, озер и воздуха тоже... И примеров много. Но надо углубить теоретическую подоплеку проблем.

— После завершения рукописи я хотел бы прислать рукопись вам, если вы не возражаете... — Виктор вопросительно посмотрел на профессора. — Виталий Яковлевич как-то намекнул, что вы не откажете в посильной помощи мне, провинциальному исследователю и борцу за экологию.

— Пришли, Виктор. Обязательно помогу, — незаметно переходя на «ты», Матвей переменял тему разговора. — Ты знаешь, я дружу с Андрияном. Часто встречаюсь с ним. Как-то недавно он спросил, нет ли чего-нибудь нового о Василии Ведюкове, и говорил об увековечении памяти о нем.

Услышав имя Василия, Виктор как-то сразу просветлел и пересел поближе к гостю.

— Знаешь, Матвей, пионеры-следопыты разыскали его могилу. Мы с Марией недавно побывали на ней. До земли поклонились.

— Памятник бы видный ему поставить. И я, и Андриян Григорьевич непременно поможем в этом. Помню, однажды у него вырвалось: «Во многом благодаря Василию Ведюкову я стал космонавтом!» Да, еще вспоминал о Марии, первой своей учительнице... И о тебе тоже. Просил справиться о твоём здоровье. А книги Ведюкова, подаренные ему Марией, считает самой дорогой своей реликвией.

Ушедшая «ненадолго» Мария... долго не возвращалась.

Виктор самолично собрал на стол. Бывшего первого мужа своей жены угостил ароматнейшим чаем. С огромным удовольствием попробовал Матвей и сдобный пирог и другие кулинарные чудеса, сотворенные добрыми руками Марии.

...Мария Ивановна была потрясена, но и довольна встречей с первым мужем, даже благодарна за нее. Если в первое время после развода она порой чуть ли не проклинала его, то спустя эдак лет семь жалела его, а потом радовалась тому,

что жизнь семейная у него счастливо образовалась, пристально следила за его успехами в науке. И еще благодарила она судьбу, которая свела ее с Виктором. Матвей же — через столько лет! — попросил у нее прощения за все обиды, которые он причинил ей в давние годы... Поздравил Марию с днем рождения, который выпал как раз в день его прихода. Очень кстати пришло и поздравление от ее любимого ученика Андрияна Николаева...

Эта встреча сбросила какие-то вериги в отношениях Матвея, Марии и Виктора. Матвей понял, что поступил благородно и порядочно, убедился, что совсем изменился его эгоистический, самолюбивый когда-то характер.

* * *

Анна Алексеевна отдыхала в санатории под Москвой. Как здесь было красиво! Ей все здесь нравилось... особенно трогало внимательное отношение к ней окружающих.

Сюда ее провожали сын, сноха и внучка...

— Бабуся, долго тут не задерживайся, поскорее возвращайся к нам, а то мне без тебя будет грустно, — доверительно нашептывала Аленка.

— И мне тоже... — вторила она ей.

...Прошла неделя, другая. Началась третья. Как и предрекала маленькая ее внучка-подружка, изныло сердце Анны Алексеевны по своим.

— Подожди-ка, — обратилась она сама к себе, — о какой такой командировке говорил Андриян? На целых двадцать дней! Таких долгих командировок что-то раньше у него не было... — и беспокойство больно кольнуло ее душу. — Может, снова его в космос засылают? Неужели во второй раз?

Как ни старалась, но не могла она, мать, освободиться от тревожных мыслей, навязчивых догадок.

Когда-то однажды она, указывая пальцем в высокое небо, спросила сына:

— Больше, может, не поедешь туда?

Тот поспешил ее успокоить:

— Нет, мама, нет, больше не полечу! — и лукаво улыбнулся, да так, чтобы мать не заметила. Но разве утаишь от нее такую уловку?

— Постой-ка, — вспомнила Анна Алексеевна, — однажды что же он сказал? «Там, в космосе, собираемся, мама, открыть станцию. Надо бы посмотреть, где ее разместить...» Не откровенничают они, космонавты, никогда не расскажут ничего толком. Не велят им больно-то открываться.

Частенько мысли Анны Алексеевны углублялись в то далекое время, когда она в одиночку растила своих детей. «Вырасти-ка без мужа четверых! А какие были тяжкие времена... Андриян, он бесстрашным был, моментально принимался на сарай, крышу дома, крутое дерево. «Эх, сынок, сынок, что ты вытворяешь?!» — пугалась она.

Когда Андриян упомянул о космической станции, Анна Алексеевна боязливо промолвила:

— Страшно же. Опасно. Может, не надо. Откажись...

Теперь, памятуя свои слова, она начала упрекать за них себя: «Раз надо, коль доверяют, пусть уж полетит. Коль знает свое дело».

— Ну что ж, благословляю, пусть полетит, — вслух вымолвила она. — Это же большая честь... Пусть хранит его Бог!

Да она могла гордиться своим сыном. Когда рос, вроде ничем не отличался от сельских мальчишек. Только всегда к небу тянулся. А теперь стал известным всему миру.

...Анна Алексеевна вспомнила, как Аленушка побывала с папой на Байконуре...

Совсем немного осталось дней отдыхать в санатории, как ее оповестили, что приехала ее сноха Валя.

— Мапочка, — словно бы оправдываясь, сказала она. — Мы соскучились по вас. Собирайтесь поскорей домой...

Настороженные глаза Анны Алексеевны вмиг заметили, что Валя явно не совсем в себе, что слишком быстро снаряжает ее в обратную дорогу.

— Что случилось? Не таи от меня, милая Валюша, — почти заискивающе обратилась к снохе Анна Алексеевна.

— Ничего не случилось, мамочка, — нарочито спокойно ответила та.

«И все же — вижу я — волнуется она, — определила Анна Алексеевна. — Может, Андриян внезапно захворал? Может, с Аленушкой что случилось?» — и задала несколько вопросов:

— Андриян дома? Из командировки вернулся?

— Нет пока... не вернулся...

— Аленка здорова?

— Здорова, мамочка, здорова.

Они быстро доехали до Звездного. Валя взяла в одну руку чемодан, в другую — узел-связку. Купленный для внучки подарок Анна Алексеевна понесла сама.

Когда они вошли в квартиру, мельком взглянув на часы, Валя включила телевизор.

— ...Второй полет Андрияна Николаева в космос! — ус-

лышала Анна Алексеевна обрывок фразы диктора и увидела на экране своего сына. «Эх, сынок, сынок! Что же ты делаешь?!» — чуть не вскрикнула она. Но эти слова застряли у нее в горле. «Второй, второй полет!» — звенело у нее в ушах, в голове. Она с трудом встала на ноги, приложила руки к груди, к сердцу, но вдруг, как подкошенная, упала в кресло и потеряла сознание. Когда она пришла в себя, то увидела: около нее стоит врач и протягивает ей какие-то таблетки. Слабым голосом Анна Алексеевна начала спрашивать сноху: «Как он там? Когда вернется?» Валя отвечала ей прямо:

— Если все удачно пройдет, вернется через восемнадцать суток.

Анна Алексеевна, загибая пальцы, стала считать эти самые сутки. «Ой! А если не сложится удача и он не вернется? Всякое ведь может случиться в такой высоте», — опасливо подумала она.

Наступил день рождения Аленки. Но ее папа все еще не возвращался, летал-плавал вокруг земного шара.

В этот знаменательный день шестилетнюю Аленку мама одела в нарядное голубое платье, тщательно причесав чернущие ее волосы, повязала их голубой ленточкой. То и дело целовала ее, прижимала к себе, ласкала... Потом Валентина торопливо начала собираться.

— Пойдем разговаривать с папочкой, — ласково сказала она дочке.

Когда они спешно ушли, Анна Алексеевна начала ждать у телевизора телерепортажа из космоса.

А события накануне развивались таким вот образом... ТАСС сообщило: 1 июня 1970 года в 22 часа московского времени стартовала ракета-носитель с космическим кораблем «Союз-9», который пилотируют командир корабля Андриян Николаев и борт-инженер Виталий Севастьянов. В очередном космическом эксперименте — восемнадцатисуточном полете — ученые ставили задачу исследовать влияние длительного воздействия комплекса окружающих космических факторов на организм человека, и прежде всего собирались они удостовериться в способности его активно и продуктивно работать в условиях невесомости продолжительное время. Важно было изучать и процесс последующего привыкания космонавта к условиям земного тяготения.

...И не до звезд серебристых, не до белой луны сейчас космонавтам: они были заняты напряженнейшей работой!

...Намеченная программа полета ежедневно выполнялась полностью. Между тем подошло 8 июня — день рожде-

С дочерью Аленой на Байконуре.

ния дочери Николаева. Накануне его Андрияна одолевала мысль, как, каким образом и в какой удобной форме поздравить ее и Валентину с этим семейным праздником...

Андриян знал о том, что Алена с Валентиной и бабушками каждый день вместе со всеми телезрителями смотрят телерепортажи с космической орбиты. Да и не могло быть иначе! Но что же придумать, чтобы поздравить Алену и Валентину? Перед сном с 7 на 8 июня он поделился своей проблемой с Виталием. Решение родилось мгновенно: лучше всего поздравить с этой датой во время ведения телерепортажа, непосредственно обратившись к ним, ведя с ними — самыми родными — прямой разговор. А потом они оба покажут свои подарки. Андриян на микрокнижке Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» напишет дарственную фразу:

«Аленке от папы в день рождения с пожеланием большого счастья в жизни. Борт космического корабля «Союз-9». 8 июня 1970 года». А Валентине на подобной же микрокнижке русских и советских авторов «Поэмы, баллады, стихи, песни» в память об этом дне сделает такую надпись: «Дорогой маме Вале в день рождения Аленки с пожеланием большого счастья в жизни. Папа Андриян».

Виталий Севастьянов тоже написал свои пожелания Аленке на открытке с видом озера Байкал. Подготовив все заранее, они спокойно улеглись спать...

После «ночного» отдыха у космонавтов настроение было замечательное, праздничное. Тщательно побрившись, они начали готовиться к очередному, но, вместе с тем, необычному телерепортажу. На 114-м витке, когда корабль вошел в зону ведения телерепортажа, космонавты доложили Земле о готовности вести репортаж. Тут же — и так неожиданно — раздался взволнованный, но звонкий голос Валентины:

— Андрей, дорогой, добрый вечер, ты нас слышишь?

— Добрый, вечер, Валя, слышу отлично!

— Мы тебя видим, мы тебя слышим, очень переживаем за вас и очень радуемся.

— Большое спасибо, Валя. Я от души тебя поздравляю с днем рождения Аленки. Аленку поздравляю!

— Подожди одну минуточку, подожди...

Через секунду до Андрияна донесся ясный и чистый голос его дочки:

— Папа, дорогой, здравствуй.

— Здравствуй, Алена, здравствуй, Алена! Поздравляю тебя с днем рождения!

Но вот расстройство: в наушниках Андриян услышал тихое ее всхлипывание, а потом слова Вали:

— Сейчас она успокоится...

Папа Андриян с большой радостью произнес:

— Алена, мы с дядей Виталием приготовили тебе подарки. Вот маленькая книжечка, смотри, на ней я написал: «Алене от папы в день рождения», — через небольшую паузу он продолжал. — Алена, ты там води себя спокойно, слушайся маму и бабушек. Кукла твоя, которую я взял с собой, все время со мной. Алена, я тебе обещаю, что в следующий раз не уеду далеко и буду с тобой вместе отмечать каждый твой день рождения.

— Как было бы хорошо. Спасибо, папа.

— Желаю вам обоим успехов! — вновь заговорила Валентина. — Мы ждем не дождемся вас на Земле. Андрей, Аленка расстроилась было, но сейчас успокоилась и хочет поговорить с тобой еще...

— Папочка, миленький, — защебетал голосок Алены, — дяди космонавты подарили мне черепаху.

— Черепаху подарили? Это замечательно! Ты, конечно, спасибо сказала?

— Сказала, не забыла. Папа, а что же ты меня не взял с собой? У тебя такой большой корабль! И еще дяди космонавты мне подарили торт.

— Торт подарили? Какие они молодцы! Ну в следующий раз мы будем вдвоем с тобой печь пироги...

— Я вас обоих обнимаю и крепко целую...

— Благодарим, Алена, мы тебя тоже крепко обнимаем и целуем.

— Папа, а когда ты прилетишь?

— Скоро, совсем скоро, Алена. Сразу же, как выполним задание.

— Больше без меня не летай!

— Нет, Алена, без тебя не улечу больше никуда.

Затем на экране появилась Валя, слова свои адресовала она Севастьянову:

— Виталий Иванович, Виталий, у тебя дома все в порядке, не волнуйся, твои смотрят телевизор и очень ждут возвращения.

— Спасибо большое, Валюша!

— Андрюша, дорогой, тебе большой привет от всех жителей городка и Виталию Ивановичу тоже. Соскучились...

— Валентина, — заговорил вновь Виталий, — всем им передай от нас большой привет.

— Обязательно! Виталий, Андрей, еще раз крепко обнимаем и целуем вас!

— До встречи, до свидания...

Но Аленка все еще не хотела отпускать из эфира своего отца.

— Папа, а ты над Африкой пролетал?

— Да...

— А Бармалея видел?

— Бармалея не видел, там нет теперь бармалеев.

— Папа, посмотри получше, когда снова над ней полетишь...

— Алена, передай своим бабушкам привет!

— «Соколы»! — завершила разговор Валентина. — До свидания! До встречи на Земле!

— До встречи, Валя! Жди нас, Аленка!

На этом закончились переговоры, потому что космонавты вышли из зоны телерадиосвязи. Состоявшийся разговор с близкими и родными для Андрияна был настоящим сюрпризом и самым дорогим подарком в день рождения любимой дочери. Он почувствовал небывалый прилив энергии и бодрости. У него было такое состояние, как будто он побывал дома рядом с Валею и Аленкой...

Позади остались восемь суток полета, но у космонавтов было такое ощущение, словно и не было разлуки с Землей.

Со слезами на глазах просмотрела этот телерепортаж Анна Алексеевна, и гордость охватила ее сердце.

...Когда Андрияна зачислили в отряд космонавтов, ему дали трехкомнатную квартиру. Через некоторое время какие-то недели, месяцы жила в ней и Анна Алексеевна. Часто навещала их Валя. Уже тогда мать убедилась в серьезности их отношений и чувств и почти не сомневалась, что эта красивая и отзывчивая девушка станет ее снохой.

По рассказам Анны Алексеевны, жених и невеста — Андриян и Валентина — нередко хаживали на лесные прогулки. В небольшой легонькой корзинке приносили они лесное лакомство — землянику. Обычно Валя все ягоды преподносила ей, будущей свекрови. Андриян иногда сетовал: «Ты, Валюша, хоть себе оставь». А она отвечала на это: «Пусть они будут подарочком для твоей мамы, мы же всласть попробовались ягод в нашем лесу...»

«Что и говорить, добрая будет у меня сноха, дай тому статься Бог, — думала Анна Алексеевна, а много позже вспоминала:

Еще будучи в невестах, подарила мне Валя теплую вязаную шаль. Когда же это случилось? Да Андриян в космосе

побывал! Когда будущая сноха тоже вернулась оттудова. Мы тогда отмечали наши одновременные дни рождения. Валя подарила ему шелковую рубашку, мне — шаль. А через два месяца справили они свадьбу...»

Эту свадьбу — как бы вторично справили Валентина и Андриян и в Шоршелах, соблюдая многие чувашские и русские обычаи. Молодоженам поднесли хлеб-соль. Начиная с улицы до самого приступка избы, в два ряда настелили домотканое белое полотно. Шагая по нему, Валя и Андриян прошествовали в свадебный дом. Всем родным, всей деревне очень уж понравилась невеста. И по характеру, и мягкой своей красотой.

...Телевизионные известия закончились, но Анна Алексеевна все еще безмолвно сидела перед экраном, суеверно надеясь: «А вдруг еще покажут моего Андрияна?» Разные мысли навещали ее, возвращали в то время, когда Андриян и Валентина приехали в чувашские края с совсем еще крошечной Аленкой...»

Выключив телевизор, Анна Алексеевна вышла на балкон, и материнский взгляд ее устремился в небо. Ей так хотелось увидеть звездочку — корабль, управляемый ее сыном. «Сыночек мой родной, где ты? Над какими странами летишь? — мысленно обратилась она к нему. — Хотя бы на секундочку, на одну только секундочку увидеть бы сейчас твой корабль-звездочку...»

Однако в светло-голубом небе, кроме летучих белоснежных облачков да солнца, которое ярко сияло из их прорывов, ничего она не увидела...

Много гостей бывает у Андрияна и Валентины. Анна Алексеена всегда замечала особое и открытое радушие, с которым ее сноха встречала каждого человека — близкого ли знакомого, или вовсе впервые увиденного. Беспокоило ее в то же время, что гости отнимают у взрослых детей так много драгоценного времени. «Но что же я могу сделать, — сокрушенно думала она, — ежели они такие гостеприимные?»

Так бы и разматывался клубок ее воспоминаний и мыслей, но в квартиру буквально влетели возбужденные сноха и Аленка.

— Бабуся, — стремительно подбежала и прижалась к ней внучка, — мама и я разговаривали с папой и на экране, совсем близко, совсем рядом с собой видели его!..

Переодевшись в красивый домашний халат, Валентина замесила тесто, достала из холодильника начинку и, рассказывая свекрови о знаменательном, происшедшем совсем

недавно разговоре, быстро и проворно напекла любимых Андрияном пирогов.

... У чувашей есть такой древний обычай. Если хозяин дома уехал в дальние края или находится на войне, мать выпрашивает у своего самого младшенького: «Вернется ли твой отец?»

Что несмышлениш скажет, так оно и станется... Вспомнив это поверье, Анна Алексеевна спросила у Алены:

— Твой папа вернется?

— Вернется, бабуся! Обязательно! — уверенно произнесла смышленная внучка.

...Шел уже четырнадцатый день полета, и Валя ни на миг не переставала волноваться; почему-то запали ей в голову мучительные переживания после возвращения из полета американского астронавта Френка Бормана. В этом полете, который длился четырнадцать суток, у него и у другого астронавта Ловелла появились навязчивые галлюцинации. Авторы некоторых научных иностранных статей после этого полета стали утверждать, что этот срок — предел, за которым человека ждет гибель... Валя хорошо помнила рассказ самого Бормана о его двухнедельном полете, после которого ему пришлось ходить на костылях, долго привыкать к земному тяготению. «Как там Андрей? Как Виталий?..» — озабоченно думала она, вновь и вновь вспоминая, как посчастливилось им с Аленой побывать в Центре дальней космической связи, где на огромном во всю стену экрана они крупным планом видели обоих космонавтов, говорили с ними. Валентина отметила тогда, что выглядят они вроде бодро и готовы продолжить запланированную на восемнадцать суток работу. Считая с сегодняшнего дня, им осталось быть на орбите четверо суток...

* * *

И вот пролетели такие тягучие, нескончаемо долгие сутки, дни и часы — «Союз-9» приземлился, как говорится, в заданном районе. Через несколько минут на место его приземления прибыли специалисты поисковой группы, тут же снаружи открыли люк.

Когда на космонавтов повеял свежий воздух казахской земли, напоенной дурманящим запахом степных трав и цветов, они медленно освободились от грудных, поясных и ножных ремней. И только потом ощутили великую силу земного тяготения. Такую сейчас непоборимую, что едва мог-

ли подняться из кресел, нелегко было даже выпрямиться. Ноги не слушались своих хозяев, казались они какими-то ватными, бессильными и вместе с тем свинцово-тяжелыми. С трудом выкарабкавшись с помощью поисковиков из корабля, космонавты, поддерживаемые под локти, вступили на цветочный ковер.

— Вот она, Андрияша, наша Земля, — с упоением вдыхая аромат степей, растроганно промолвил Виталий.

И Андриян тоже полной грудью вдыхал этот целительный воздух — и не мог им надышаться.

Через полчаса на вертолете доставили их в Караганду. Начался первичный медосмотр... А через несколько дней в безоблачное и жаркое небо взмыл лайнер, взял курс на Москву. Пока он был в воздухе, Андрияну удалось даже вздремнуть. Когда же самолет произвел посадку и его двигатели остановились, когда подали трап, спустившиеся по нему космонавты попали в горячие объятия близких и друзей. Конечно же и несомненно, самой желанной для Андрияна была встреча с Аленой и Валентиной. Затем они с семьями, сопровождаемые врачами, сели в легковые машины, и понесли те машины всех в Звездный городок, в профилакторий, где для космических героев были приготовлены комнаты для отдыха, где ждали их детальные и серьезнейшие медицинские обследования.

По дороге Алена успела рассказать отцу о всех своих детских новостях и еще о том, как она ждала его и скучала. Тараторила она без умолку. Слушая ее, Андриян даже на время забыл о коварствах земного тяготения.

Недолгим был разговор Валентины с мужем в профилактории: врачи уже были готовы к проведению своих медицинских манипуляций и с трудом переживали время семейной беседы. Все это отлично понимали и Андриян, и Валентина, и Виталий со своими близкими. Скоро все начали прощаться с космическими напарниками, которые вот-вот должны были попасть в «объятия» медиков.

Вечером нового дня Андриян вновь встретился с Валентиной и Аленкой. Подарил им побывавшие в космосе сувениры. Незаметно прошло отведенное для свидания время.

Уже на следующий день состояние космонавтов значительно улучшилось. Вечером опять пришла навестить Андрияна его семья. На этот раз разговор продолжался много дольше.

Перед сном обоих космонавтов ждали обязательные процедуры (впрочем, проводились они в течение всего дня). После них в эту ночь Андриян спал на редкость (за послед-

нее время) хорошо. Даже сон ему привиделся, будто находится он в космическом корабле и не поймет, откуда взялось расплывчатое пятно над его головой. Проснувшись под утро и придя в себя, он сообразил, что он в постели, в профилактории, а пятно — это картина над кроватью, которая спроектировалась в его сонное сознание.

Скоро космонавтам (под наблюдением и в присутствии врачей) разрешили помыться в бане. Как мечтали они оба в полете о ней, великой целительнице! И мечта их, наконец-то, сбылась, хотя они по-детски долго не могли осознать, что действительно попали в русскую баню, настоящую парилку. Справедливости ради стоит сказать: они понимали, что еще не настолько окрепли, чтобы попариться от всей души. Зато они хорошенько, по-земному, по-настоящему помылись. Вышли они из бани значительно посвежевшими, намного легче стало им обоим. Оба они почувствовали прилив сил и то, что куда-то улетучивается накопившаяся усталость. Им казалось... что они снова в невесомости. Они были счастливы.

Анализ показал, что работоспособность экипажа была высокой на протяжении всего полета и к концу полета она почти не снизилась. Все исследования позволили сделать один из важнейших выводов: в космическом полете человек может не только долго жить, но и плодотворно работать.

За успешное осуществление длительного орбитального полета на космическом корабле «Союз-9» и проявленные при этом мужество и героизм Андриян Николаев был награжден второй медалью «Золотая Звезда». После завершения полета ему было присвоено звание генерал-майора авиации.

* * *

Еще за два года до своего второго полета в космос, в 1968 году, Андриян окончил Военно-воздушную инженерную академию имени Н. Е. Жуковского. Начал глубже и целенаправленнее заниматься космической наукой. Понимая, что ему предстоят такие дела, осуществление которых немислимо с прежним запасом знаний, Андриян твердо решил трудиться над диссертацией на соискание звания кандидата технических наук. Наряду с этим готовил он к печати популярную книгу, в которой хотел поведать читателю о своей работе в космосе, проанализировать эту работу с научной точки зрения. Хотел он также поделиться своими мыслями о профессии космонавта, интерес к которой был чрезвычайно велик, особенно среди молодежи.

Он собрал огромную библиотеку прикладной литературы. Перед тем как приступить к этой работе, с трепетом в сердце достал из книжного шкафа свой талисман — рукописи и книги Василия Ведюкова, отважного летчика, мечтавшего о полетах к звездам, героически погибшего на фронте. Затем на глаза ему попало несколько книг чувашских писателей, и он долго их перелистывал. Потом на его ладони легла книга «Сказки народов СССР». Это был давний подарок за его отличную учебу еще в начальной школе. Книгу замыкала чувашская сказка «Как Эндри свое счастье нашел». Андриян вспомнил, как сверстники острили: «Это про тебя написано! Имя и все другое совпадает». Действительно, в детстве Андрияна многие называли Эндри.

Давно не брал он в руки эту книгу. Теперь с большим настроением и интересом, вниманием перечитал знакомую сказку. «Жили в одной деревушке старик со старухой. Было у них три сына. Жили они бедно-пребедно. Подумал как-то старик: «Видно, придется всей семьей голодной смертью помирать». Что делать? Слышал он, когда еще был молодым, чудную легенду. Будто когда делил Бог счастье между людьми разных народов, не выпало его чувашу. Потому что опоздал он к дележу: долго лапти надевал. И решил старик послать своих сыновей на три стороны счастье искать.

Среднего сына звали Эндри. Шел он, шел — добрался до места, где дорога расходилась надвое. На перекрестке стоял столб, а на нем были выведены такие слова: «Направо пойдешь — к Медведю попадешь, налево пойдешь — Орла встретишь». Долго думал Эндри, по какой дороге ему направиться. Махнул потом рукой — налево пошел. На второй день пути оказался он у опушки леса, увидел над ним сияющее солнце, а на фоне его — сидящего на ветвях дерева-великана Орла. «Куда идешь, Эндри?» — спросил его Орел. «Иду вот счастье искать, не стало сил у нас терпеть и нужду, и голод», — ответил Эндри. Подозвал Орел к себе смельчака и говорит ему: «Счастье на дороге не валяется, его надо заслужить, завоевать. Вот возьми эти крылья и лети. Лети к звездам. Вон, видишь голубую звезду? Это твое счастье. Долетишь до нее — найдешь искомое». Послушался Эндри, надел крылья и полетел к звездам...

Так бедный чуваш Эндри, долетев до звезд, нашел, наконец, свое счастье. Возвратившись на землю, стал делиться своим счастьем со всем чувашским народом».

Космонавт задумался: «Что ж, ребята тогда правильно говорили, эта сказка про меня. Многие в ней совпадает с моей нынешней действительностью».

Потом Андриян перебирал другие книги своей библиотеки. Попутно вычитал вещую фразу Циолковского: «Верю в блестящее будущее человечества, верю, что человечество не только наследует Землю, но и преобразует мир планет...»

— Преобразует... Так будет, — вслух сказал Андриян. — А пока космос надо обживать и осваивать осторожно и поэтапно.

В книге своей хотелось ему сказать, что космонавты — это в общем-то обыкновенные люди, которым в силу сложившихся обстоятельств было доверено необычное дело — освоение космоса. Им выпала честь претворить в жизнь идеи и замыслы ученых, испытать созданные конструкторами, инженерами, техниками и рабочими новые, не виданные доселе космические летающие аппараты. Для испытания этих аппаратов сначала выбрали летчиков-истребителей, потом в число космонавтов стали входить и сами инженеры, конструкторы, ученые, медики... Отбор, как всегда, был строгим — кроме отличных профессиональных качеств, требовалось еще и идеальное здоровье.

Вот что вспомнил Андриян. Однажды у него спросили: «Испытывают ли космонавты страх, или это чувство им незнакомо?» Он ответил примерно так: «Нет абсолютно бесстрашных людей, чувство страха или, вернее, чувство грозящей опасности испытывает каждый. Только у одних это чувство подавляет психику — люди начинают метаться, действовать невпопад, тем самым еще больше усложняют обстановку. На других это чувство действует мобилизующе — обостряет все ощущения, все реакции. Человек находит правильное решение и выходит победителем из неожиданной и сложной ситуации. Вот к последней группе людей и принадлежат космонавты».

Андриян всегда считал, что роль и значение научно-исследовательской и испытательной работы в космосе будут непрерывно возрастать. При рассмотрении роли космонавта как исследователя необходимо иметь в виду, что от него, как ни от кого другого, требуется объективность, ибо от этого зависит правильность научных выводов. Космонавту приходится встречаться с новыми, не известными науке явлениями. Он должен уметь выделить это неизвестное. Процесс познания в космическом полете очень специфичен, так как проходит в критических ситуациях, вне общения с людьми или в процессе общения с небольшим коллективом. Поэтому космонавт должен быть научным работником, иметь творческое мышление, критически относиться к гипотезам.

Эти мысли Андрияна ровным почерком легли на бумагу. «Участие человека в космических полетах из года в год рас-

ширятся, — писал он. — Нет никакого сомнения в том, что в ближайшие годы, десятилетия в космосе побывают десятки и даже сотни людей».

Рукопись до конца еще не была доработана, но отдельными кусками написана была больше, чем наполовину. Чтобы знать к чему идти, к чему стремиться, чтобы работа и дальше шла удачно, автор решил — таковым оказался его творческий метод — концовку написать заранее. Потому что — по его мнению — должна она иметь наиважнейшее воздействие на читателя. Вот какие были в ней, например, рассуждения: «Наиболее опытные из летчиков-космонавтов поведут корабли в дальний космос. Сначала к Марсу и Венере. Потом к другим планетам солнечной системы и далее... У космической дороги нет конца, как бесконечна сама Вселенная. Решив одни задачи, человечество непременно поставит перед собой новые, еще более грандиозные. Конца пути не будет. Разум всесилен, он будет торжествовать всегда...»

Так постепенно рождалась диссертация Андрияна Николаева.

* * *

Заканчивался ноябрь. Месяц, который называют в народе «воротами зимы». С утра снегом вокруг сеет-веет; сверху — дождь, внизу — метет метель.

Матвей одел свое добротное «профессорское» пальто с серым каракулевым воротником, лохматую шапку по уши натянул.

Андриян пришел на обусловленную встречу в обычной форме генерала.

— Идет тебе, Андриян, эта форма, — польстил ему Матвей. В это же самое мгновение успел нырнуть ему в горло холодный ветер — и вновь заныл уже болевший до этого зуб, поэтому, укрываясь от его порывов, пошел он как-то боком.

Генерал-майор шел прямо против ветра, навстречу белому снегу. Отвечая на приветствие мимо проходящего полковника, красиво отдал честь. Вот они дошли до дома, где жил Андриян. На звонок дверь открыла мать Вали — Елена Федоровна.

— Милости прошу, — пригласила она знакомого уже ей человека.

— Мама, мы с профессором пару часиков поработаем, потом за чайком посидим...

— Хорошо, хорошо, Андрюша, — ответила теща.

Андрян по-военному быстро разделся, помог раздеться гостю. Затем направились они в кабинет.

Сначала разговор шел об отстраненных делах-заботах, потом Андрян начал делиться с Матвеем своими научными проблемами.

— Вот третий экземпляр рукописи, можешь черкать на нем что угодно, — сказал Андрян и выложил остроотточенные карандаши.

Архипов с интересом, а вскоре и с увлечением стал читать написанное: «Для развития теоретической физики сегодня необходимы эксперименты в таких условиях, которые отсутствуют на Земле, а их искусственное воссоздание практически невозможно. Взять сверхвакуум. Самые мощные насосы земных лабораторий не в состоянии даже в малом объеме создать подобие того глубокого вакуума, который нам щедро предоставляет космос».

— Ты, Андрян Григорьевич, рассуждаешь как прирожденный ученый-физик, — похвалил его Матвей, пробегаая глазами абзац за абзацем: «Люди научились строить на земле мощные ускорители заряженных частиц. Их энергия велика. Но в космосе удалось зарегистрировать такие частицы-«феномены», энергия которых в миллионы раз больше энергии сообщаемых самыми мощными ускорителями заряженным — земным — «частицам». ... В космосе можно буквально «купаться» в потоке частиц таких высоких энергий! Если бы нам удалось разогнать до скорости космической частицы стальной шарик весом всего в один грамм, то, попав в центр, скажем, Каспийского моря, он мог бы нагреть его воды до точки кипения!»

— Что сказать будущему ученому? — закончив читать, промолвил Архипов. — В целом я могу оценить рукопись такими словами: очень хорошо, отлично. Со многим согласен. Серьезные вопросы ставишь ты, Андрян, — продолжал он. — Скажу честно: удивляешь ты меня, потому как, извини, не ожидал от тебя такой научной углубленности. Помню, было тебе эдак лет шестнадцать, но ты уже мечтал о полетах к звездам, приводил слова Циолковского. А сейчас привел их в диссертации. Вот, например, эти: «Орбитальные станции могут быть использованы для тренировки тех космонавтов, которые полетят к другим планетам солнечной системы и проведут в космосе несколько лет».

В это время слышали собеседники, как открылась квартирная дверь, затем разговор вернувшейся с работы Вали

со своей матерью. Вскоре в кабинет вошла и сама Валентина, поздоровалась с профессором.

— Услышала чувашско-русскую речь, догадалась, что пожаловал сам Матвей Сергеевич, — сказала она. — Не буду вам мешать, — и она вышла из кабинета.

Только начали соратники говорить о волнующих их обоих проблемах — снова кто-то явился. Как оказалось, Анна Алексеевна вернулась с Аленой с прогулки.

Еще с полчаса порассуждали хозяин и гость о дальнейшем развитии космической науки. Архипов отметил, что Андриян мыслит почти наравне с ним, профессором, иногда даже удачно ему возражает, но вместе с тем внимателен к каждому его совету и предложению. Вдруг хозяин спохватился: «Когда же мы будем пить чай?..»

Но не только чай, но и коньяк предложил Андриян профессору. Тот не отказался. «Быть у космонавта и не выпить пару рюмок коньяка! Что, я ханжа какой-нибудь?» — подумал он.

— Давно вы, Матвей Сергеевич, не заглядывали к нам вместе с Розой, — упрекнула его Валентина.

— Очень бы хотелось, Валя, но поверь, — совсем нет времени. Но на встречу Нового года придем обязательно. Потом — вы к нам пожалуете! — затем он повернулся к Анне Алексеевне, поинтересовался: — А вы, мама, как поживаете?

— Хорошо. В Шоршелы скоро... Загостевалась...

— Между прочим, — промолвил Матвей, — очень уж Алена похожа на вас...

— Да нет, Аленка похожа на отца, на Андрияна...

Услышав свое имя, Алена подошла к бабушке:

— Что это вы, бабуся, обо мне говорите?

— Говорим, мол, Аленка похожа на папу, — ответила ей Анна Алексеевна.

— Неправда, бабуся, — возразила Алена. — Я похожа не только на папу, но и на маму. И еще — на бабушек.

— Правильно, Алена. Молодец! — всплеснула руками довольная Анна Алексеевна.

— А я знаю несколько чувашских слов, — проворковала Алена, уютно устроившись на коленях бабушки. — Папа обещал на лето отвезти меня в Шоршелы, чтобы я хорошо научилась говорить по-чувашски.

— Дай Бог, — похвалил ее Матвей, потом добавил. — Вот мы с Розой чувашки, но наши дети не знают чувашского. А жаль! Говорят у нас: знаешь один язык — один ум имеешь, знаешь два — имеешь два ума...

Андрей Григорьевич держит тесную связь с родной республикой, помогает ей по силе и возможности. Часто приезжает к своим землякам. Как депутат Российской Федерации отчитывается перед своими избирателями о проделанной работе. Посещает промышленные и сельскохозяйственные предприятия. Участвует и выступает с дельными предложениями на сессиях советов, на партийных съездах и комсомольских конференциях, бывает в школах, пионерских организациях. Ежедневно получает он от населения Чувашии пачку писем (многие из них на чувашском языке), и ни одно письмо не остается без ответа...

* * *

Когда в Чебоксарах был открыт университет, Архипова пригласили читать в нем спецкурс. «А почему бы вам насовсем не вернуться в родную Чувашию?» — спросили его как-то. Но Матвей отказался, сославшись на то, что именно сейчас он «по горло» загружен важнейшей проблемой, которую можно решить только в лабораториях Москвы. После его отказа вакантную должность заведующего одной из ведущих кафедр занял молодой ученый-физик Виталий Смирнов, кандидат технических наук, успешно и усердно работающий над докторской диссертацией. Его жена Ольга Ивановна тоже преподавала в новом вузе на медицинском факультете и тоже увлеченно занималась наукой.

Когда Архипов наезжал в Чебоксары, то жил он в гостинице «Чувашия». Как-то Матвей и Смирновы договорились пойти в Чувашский академический театр на спектакль, в котором была занята народная артистка республики Елена Мадурова.

Матвей сидел между Виталием и Ольгой. В перерыве они встретились с Фомой и Пляжкой, тоже оказавшимися в театре. По своему обыкновению, Фома сильно сжал руку Матвея.

— Я читал твою книгу и был очень рад, что ее создал мой земляк! — не скрывая к нему симпатии, сказал он, и такая мысль вдруг метнулась в его голове: «Это надо же, как я когда-то ненавидел этого человека! Человека!»

Ныне Фома трудился старшим инженером на строительстве Чебоксарской ГЭС, Пляжка работала заведующей столовой. Жаль, что так постановила судьба: не было у них детей, видать, грехи молодости их лишили такого счастья.

«Кстати, о семье, — задумался Матвей, — чем она креп-

Встречи на родной земле.

ка? — И стал вспоминать. Он с так любимой в прошлом Марией не сумел создать семью. В том, безусловно, его вина... — А вот Виктору это удалось... Они испытывают счастье супружества. Мария рядом с ним стала настоящей красавицей, привлекательнее, чем даже в молодости. В их взаимоотношениях полное понимание, взаимоуважение и доверие. Откровенно говоря, у меня тоже хорошая семья. Я преодолел свой когдатошний «мухоморный» характер, — продолжал размышлять Матвей. — Я стал для Розы настоящим спутником жизни, а не попутчиком. Мне кажется, что я — как это было ни трудно — научился ценить обычное, земное, жизненное...»

Архипов хорошо понимал, что ему удалось найти жинку и в своей научной деятельности, он удачно попал на нужный «след» при подготовке и защите обеих своих диссертаций. Теперь он напряженно и увлеченно работал над новой проблемой, близок был, как ему казалось, к важному открытию в ядерной физике. И работа эта вызывала у него, деятельного ученого-труженика, огромное удовлетворение. «Только ленивому и нерадивому работа в тягость, — думал он. — Настоящий работяга, напротив, мыкается и страдает, если ее, работы, мало или нет вовсе. Народом подмечено: хороший конь в гору тянет веселее, чем по ровной дороге».

И Архипов, можно сказать, не выходил из лаборатории. Иногда даже ночевал там. Временно перестал он читать лекции. «Вот-вот приду к окончательным результатам», — радовался он.

И вот, наконец, вожделенные его мечты и цели осуществились... Однако... врачи заподозрили, что в результате многочисленных опытов, проводимых им на излучающих радиацию установках, «заработал» он лучевую болезнь. Архипов и сам догадался об этом, но отнесся к своей догадке удивительно спокойно. Он осознавал, что выполнил свой долг жизни...

О преждевременной кончине Архипова писали все газеты, не раз сообщали об этом печальном событии радио и телевидение.

Перед гробом его взволнованные речи произнесли знаменитые на всю страну ученые. Было половодье цветов... Множество венков. Один из них от Андрияна Николаева. Он пришел в гражданской одежде, по его подавленному виду каждому было понятно, как глубоко переживал он кончину своего лучшего друга и земляка.

В это время Фома с Плячкой находились в Москве. Уз-

нав о смерти Архипова, они тоже заказали венок с краткой надписью на муаровой ленте: «Дорогому Матвею от Плякки и Фомы».

* * *

Давно хотел Андриян написать статью, посвященную родному народу, и даже название ее уже было готово: «От сохи — к звездам!»

И вот сейчас он, склонившись над письменным столом, ровным почерком не спеша выводил: «Моя Чувашия... Я прочитал немало книг о своем народе, о его прошлом и настоящем, сам кое-что повидал. Порой прикинешь, поразмыслишь — чудовищная несправедливость жила когда-то на земле моих отцов! Наша маленькая нация в те давние времена олицетворяла собой крайнюю нищету и невежество. Я частенько бывал, да и сейчас, приезжая в Чебоксары, заглядываю в краеведческий музей. В одном из его уголков прилепился макет курной избушки чувашского крестьянина: низкий продымленный потолок, истлевшие бревенчатые стены, нетесаная лавка, на которой изможденная нуждой хозяйка сидит за прялкой, а хозяин плетет лапти — единственную в семье крестьянина обувку...»

— Да одна ли только курная изба обугливала душу чуваша! — вслух сказал Андриян. — Тупая жестокость самовластия. Тиф, трахома, чесотка, оспа, туберкулез... Деревянная соха. Грязь. Лапти. Голод. Сплошная неграмотность. Царские сатрапы, как пожара, боялись малейшей грамотности народа.

Посидев некоторое время недвижимо, он продолжил поверять бумаге свои мысли и думы: «Я счастлив, что сумел выполнить ответственное задание народа. Счастлив тем, что уже после полета «Востока-3» даже самые неискушенные в географии узнали о том, что есть на берегу великой русской Волги Чувашия, живущая и здравствующая в большой и дружной семье других республик... Я безмерно рад этому. Но, конечно, понимаю, что это не только моя личная заслуга. В ней есть и вклад многих представителей моего народа, частицей которого я являюсь».

В это время из детского садика прибежала Алена.

— Папочка, письмо от бабушки! — обрадовала она отца, едва переступив порог.

Андриян распечатал письмо, стал читать. Алена, по привычке, ловко устроилась к нему на колени.

Из письма явствовало, что Анна Алексеевна приболела, поэтому не могла хоть ненадолго погостить у них. Она просила сына навестить ее в начале нового года...

В последнее время Анна Алексеевна нередко жаловалась на то, что, дескать: «Здесь болит, то тут, то там ноет...» И лекарства вроде особенно не помогают. Убеждена она была, что нет в мире лучшего средства для ее исцеления, чем душевные объятия любимого сына, ее кровиночки. От этого, говорила она, ей сразу становится легче и куда-то исчезают все ее недомогания и немочи.

После смены года Андриян, уже оказавшись в Москве, сразу же позвонил в Чебоксары, чтобы еще раз поздравить мать с наступившим Новым годом, справиться о здоровье. Потом чуть ли не вырвала из его рук телефонную трубку Алена.

— Бабушенька-а! Почему же не приехала встречать с нами Новый год? Мне без тебя было очень и очень скучно!

— Что-то шибко нездоровится, Аленушка, — печально ответила Анна Алексеевна.

Встревоженный затяжной болезнью матери, почти каждый день звонил Андриян в Чебоксары на квартиру сестры Зины, где жила Анна Алексеевна.

— Пичче^x, наша мама очень тоскует по тебе, — сказала как-то сестра. — Не стану скрывать, что чувствует она себя неважно. Постарайся приехать...

И Андриян засобиравшись в дорогу. Валя и Алена проводили его в аэропорт.

— Папа, обязательно привези бабушку с собой, — слезно просила Аленка.

— Хорошо, доченька, мы постараемся приехать вместе с ней, — погладил ее по головке отец.

...Крепко — что было в ней сил — обняла при встрече сына Анна Алексеевна, долго-долго целовала его в губы, лицо, лоб, густые брови. Андриян, кроме подарков и гостинцев от себя и всей семьи, привез редкие, рекомендуемые лучшими медиками для излечения его матери лекарства.

Анна Алексеевна не могла наговориться с сыном, она как бы просветлела лицом, увереннее и лучше стала ходить, хворь, пусть на время, махнула на нее косматой своей рукой.

— Мамочка! — растроганно вымолвил в конце одного из их разговоров Андриян, вспомнив философскую фразу, следовавшие за ней, свои рассуждения: «Весь мир держится на матерях». — Мамочка — повторил он. — Большое спасибо тебе за все! Если бы не ты, не было бы меня на свете, не было бы — конечно! — никаких моих космичес-

* Пичче (чув.) — брат.

ких полетов. Но на моем месте — все равно! — был бы кто-то иной, рожденный другой матерью. Весь мир держится на вас, матерях!

Потом мысли его обратились к родной голубой планете: «Наша всеобщая сила, наше счастье, наша любовь рождены Землей-матерью. От нее мы берем неиссякаемую силу. Земля, мы твои дети, мы твои крылья, мы твои труженики». Андриян давно заметил, что астрономы занялись придирчивым пересмотром своего космического «хозяйства». И многие его объекты, не пробуждавшие ранее особого интереса, вдруг оказались в самом центре внимания. Среди них и так называемые голубые звезды. Обнаружилось, что они ко всем прочим важным для землян качествам и характеристикам, являются еще в некотором роде и «космическими радиостанциями».

Теперь уже не сказочная и лубочная, абстрактная «голубая звезда», а настоящая, реальная, доселе как бы и ничемная для людей, голубая звезда не давала покоя Андрияну, манила его к себе. Он думал: «Миллионы лет назад жизнь вышла из океана и приспособилась в новой для нее среде обитания — к существованию и развитию на суше. В наше время происходит грандиозный процесс вторжения человека в ту же новую для него среду — в космос. Земля — всего лишь песчинка в необозримом океане Вселенной. Реальное представление о месте нашей планеты в сонме звездных систем становится основой психологического воздействия на людей, объединения их перед неведомыми силами космоса, слияния воедино сил, талантов, фантазии и духовной энергии во имя освоения космического пространства».

...Анна Алексеевна, как всегда бывало раньше, собирала на стол. Быстро сходила на кухню и совсем скоро поставила на скатерть одну за другой полные тарелки. Так хотелось ей, чтобы любимому сыну понравился приготовленный ею обед.

— Сыночек, ты не думаешь полететь еще выше и дальше? — как бы между прочим спросила она, присев рядышком с ним.

— Мамочка, — отвечал сын, ласково положив ладонь на ее плечо. — Скрывать не стану, если мне доверят еще хоть разок слетать к звездам, я непременно попрошу твоего материнского благословения.

«Сыночек, очень уж беспокоюсь я, — говорила когда-то Анна Алексеевна. — На ероплане очень уж высоко не поднимайся». Сейчас она не сказала подобных слов...

— Будет на то доброе дело мое благословение, сынок... — тихо произнесла она.

...Давно ли Андриян мечтал о полетах вначале на винтовых самолетах, а потом на реактивных? А теперь... Он начал рассуждать с мамой:

— Видно, правду люди говорят, что человека трудно удовлетворить. Жадность его одолевает. В хорошем смысле этого слова. Совершил какое-то нужное дело, и уже другая дерзкая мысль не дает ему покоя: «А что же дальше?» Достиг задуманного потолка — и сразу же прикидывает человек: «А нельзя ли подняться еще выше?» И мечта, и замыслы ведут его все дальше и дальше. Наверно, в этом смысл человеческой жизни. Без нее, без этой хорошей жадности, а точнее жажды познания, скучно было бы жить на свете, мама.

— Ты прав, Андриян, — прижалась мать к сыну.

— Да, мама, всякий человек, видимо, испытывает чувство неудовлетворенности. Пусть он и наделен всеми почестями, ему все равно чего-то не хватает...

Мать промолчала, посмотрела в глубь его черных глаз. Она мысленно молилась: «О небо! Светлое, святое небо! Будь милостивым к моему сыну. Когда полетит он к звездам, сохрани его, верни на Землю! О звезды! Озарите ему дорогу домой! О ветры буйные, могучие, будьте ему попутны и благосклонны к нему!»

* * *

Незаметно летело стремительное время. Валя стала полковником, кандидатом технических наук. Когда она начала работать председателем Комитета советских женщин, однажды ее принял сам генсек коммунистической партии Леонид Ильич Брежнев. Сказал, дескать, негоже ей, занимающей такой значительный пост, обитать в Звездном городке, за сто верст от Москвы. Потом тут же, вдохновленный своей идеей, распорядился: «Выделить Николаевым просторную квартиру в центре столицы». Тем более, что Николаева-Терешкова была еще и вице-президентом Международной демократической федерации женщин, и ей надобно иногда принимать иностранных гостей на дому.

Пятнадцать лет жила космическая семья в трехкомнатной квартире в Звездном. А теперь...

В дальнейшем супруги Николаевы по-существу стали жить каждый порознь друг от друга. В основном, конечно, застать их вместе можно было в Звездном городке. Но когда проходили чередой всевозможные нескончаемые конферен-

ции, утомительные съезды, сессии или посещение спектаклей, выставок, Валентина оставалась в Москве, у нее оставалось совсем мало времени бывать в Звездном городке, где у Андрияна была работа. В дальнейшем они все реже встречались, не виделись порой по нескольку дней.

До каких же пор все это могло происходить?..

И наступил однажды надлом...

Между тем, Валентина Владимировна мечтает бывать почаще в ставшей милой ее сердцу Чувашии...

* * *

И все же жизнь продолжалась. И опять наступила весна... Пригревает солнце, и тают снега. Неугомонно журчат ручьи. А небо — глубоко голубое, только у далекого горизонта плывут легкие бело-белые облачка.

Андриян идет на работу. Иногда он останавливается, пристально смотрит ввысь, вдаль. И вдруг вспомнились ему слова прадеда: «Даже в такой ясный день зоркому взгляду видны звезды». Потом вспомнились Андрияну нелегкое, давно ушедшее его детство, милая мама, много лет тому назад ушедший из жизни отец. Вспомнил учительницу свою первую, Марию Ивановну, наставников в детстве и юности, во взрослой своей поре, друзей юных лет и, конечно же, нынешних... О людях, встречавшихся ему на Земле рассуждал Андриян. О Человеке и Вселенной. Потому-то как-то естественно и закономерно пришли ему на ум слова из бессмертной поэмы Константина Иванова: «Нет сильнее Человека во Вселенной никого, он на суше и на водах стал хозяином всего».

В унисон к этой строке зазвучали в душе стихи другого чувашского поэта Михаила Сеспеля, рожденные пламенным сердцем:

Чуваш с могучим сердцем, житель новой эры,
Плечами подпирая неба свод,
Шагнет в простор, одеждой солнечной сверкая,
Обнимет Новый День его с любовью, верой.
И путь, что впереди, цветами уберет
Интернационала радуга живая.

И в минуты эти представил он себя в дальнем космическом полете, голубые звезды из иллюминатора и Землю с космической вышины словно вновь он увидел. А была она, родная Земля, колыбель Человечества, тоже прекрасной и голубой!

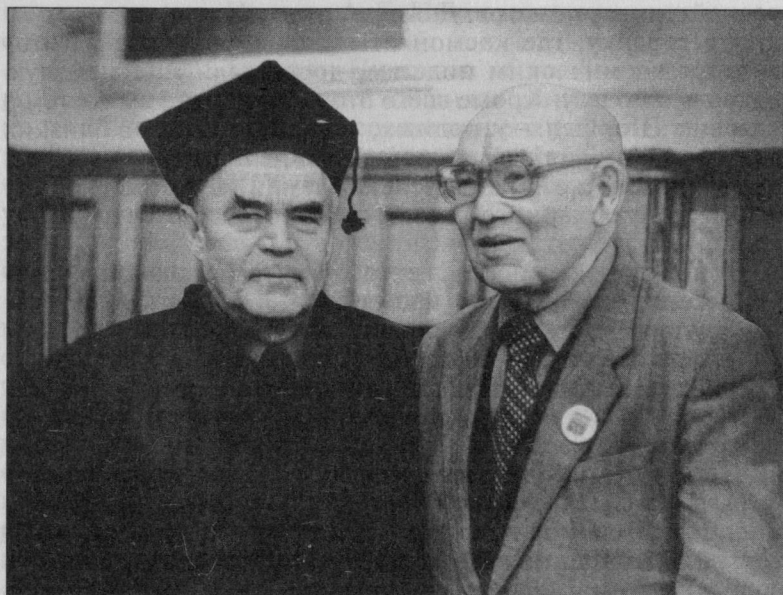
ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

С тех пор, как я поставил в конце романа последнюю жирную точку после довольно протяженного времени его создания (1966—1979 годы), прошло ровно двадцать лет. Время берет свое. Андрияну Григорьевичу исполнилось ныне 70 лет. Он стал дедушкой: у его дочери Алены растет сын, его — Андрияна — внук Алексей. Внук космонавта-3. Андриян Григорьевич весьма доволен тем, что муж Алены, его зять, как и он, — летчик.

Легендарный герой-ветеран, чувашский Улып, живет в Звездном городке со дня его основания. Он по-прежнему во всем очень скромен, как обычно бодр, здоров, не стареет душой. Накопленные по крупинкам обширные знания, свой огромный жизненный опыт повседневно передает молодым, будущим космонавтам.

В начале шестидесятых годов мне хотелось описать небольшой кусочек из непростой жизни чувашского народа. Но этот «кусочек жизни» неожиданно для меня самого вылился в образ безграничного космического мира. В 1962 году мне посчастливилось познакомиться с героем космоса Андрияном Николаевым. Именно с этого времени я начал скрупулезно изучать его жизненный и героический путь, восстанавливать его родословную, прикоснулся и к истории села Шоршелы, где родился и вырос смывленный паренек Андриян, где, вглядываясь в небо, страстно мечтал о полетах к звездам.

Несколько раз довелось мне побывать у Андрияна Николаева, встречаться в Звездном городке и с другими космонавтами. Передо мною встала настоятельная необходимость усердно изучить научную теорию и практику космонавтики. В различных библиотеках пришлось перечитать, буквально перелопатить гору различной литературы. В Звездном же, в Центре подготовки космонавтов, изучил я летопись советских пилотируемых полетов, посетив музей космонавтики, познакомился с огромным количеством инте-

Земляки. Герой космоса и автор книги.

реснейших экспонатов. Даже непродолжительные прогулки по городку, где космонавты живут, работают и готовятся к космическим полетам, доставляли мне немалую радость и пользу. Кроме всего этого я был частым гостем в деревне Шоршелы у родных, родственников и близких знакомых Андрияна Николаева. Каждый раз задумывался: почему именно она, шоршелская земля дала стране и всему миру легендарного героя Улыпа? Искал ответа. И находил...

Я преклоняюсь перед светлой памятью чудесной чувашской женщины — матери космонавта-3 — Анны Алексеевны, которая вырастила и воспитала такого сына.

Сбор материала и осмысление фактов заняли четыре года. Потом я долго ждал некоего творческого внутреннего толчка, порыва. Мучительно и долго искал интонацию и ритм повествования. И вот, наконец, с трудом начал писать. Прежде всего потому было нелегко, что это была необычная работа, в ней был я неискушен. Какой же каторжной оказалась она! Была она вместе с тем «сладкой и приятной» каторгой. Постепенно дело пошло. Над рукописью пришлось сидеть аж 14 лет! Вынужден был широко использовать дневники, воспоминания и книги космонавтов. Вообще многими своими подробностями некоторые главы романа обязаны им. Книга под названием «Сенкер сӑлтӑр» («Голубая звезда») на чувашском языке была издана в 1991 году. Ее тепло приняли читатели, особенно молодежь. Понравилась она и Андрияну Григорьевичу. Книга быстро разошлась. В периодической печати были весьма положительные отзывы. С тех пор я начал вынашивать в сердце идею издания романа на русском языке.

В связи с этим еще ярче и отчетливее стал вырисовываться передо мной монументальный образ богатыря Улыпа. Именно так воспринимала его вся Чувашия, а впоследствии и весь мир.

Андриян Григорьевич посетил многие страны, где его тепло принимали главы государств и простые люди. Везде он оставлял добрую, светлую память о чувашском народе. Ему, дважды Герою Советского Союза, присвоены звания Героя Труда Болгарии, Венгрии, Монголии. Он удостоен золотой медали имени К. Э. Циолковского Академии наук СССР, высшей награды Международной академии астронавтики, золотой медали «Космос». Он является лауреатом Государственной премии СССР. Его деятельность отмечена орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, медалями. Награжден он также многими иностран-

ными орденами. Именем А. Г. Николаева назван кратер на обратной стороне Луны.

Наш земляк Андриян Николаев не только дважды Герой Советского Союза, но и кандидат технических наук. В марте 1995 года на ученом совете нашего университета мне посчастливилось поздравить его с присвоением звания «Почетного доктора ЧГУ» за вклад в становление и развитие университета. Здесь нас — настоящего живого героя и создателя его образа в художественной литературе — двоих сфотографировали для печати.

В день 35-летней годовщины его первого полета в космос, 11 августа 1997 года, мы встретились в Чебоксарах, обсуждали вопрос об издании романа «Голубая звезда» на русском языке. Андриян Григорьевич дал мне много существенных полезных советов и предложений, пожелал доброго пути к этой книге. А накануне ему было присвоено самое высокое звание в нашем крае — «Почетный гражданин Чувашской Республики». За большой вклад в развитие ракетной техники и освоение космоса, активное участие в государственной и общественной жизни страны, способствующее повышению авторитета нашей республики в России и за рубежом. «Это обязывает меня еще больше трудиться на благо Чувашии, я очень горд такой наградой», — заявил Андриян Григорьевич.

...Несколько слов о себе. Родился я 1 апреля 1924 года в деревне Чувашское Пимурзино Буинского района Республики Татарстан в семье крестьянина. Окончив в 1941 году Ульяновское чувашское педагогическое училище, основанное великим просветителем чувашского народа И. Я. Яковлевым, год работал сельским учителем. В 1942—1945 годах служил в армии, работал на железной дороге рабочим, техником и начальником отдела кадров. С января 1946 года стал трудиться в редакции чувашской газеты «Ленин ялавё («Ленинское знамя»), издаваемой в Казани. Получил высшее образование. В 1963—1990 годах преподавал журналистику в государственных университетах Казани и Чебоксар. Кандидат филологических наук, доцент. Печатаюсь, можно сказать, с детских лет. Кроме сборников, отдельных рассказов и повестей изданы романы на чувашском языке: «Таэр», «Любовь и яд», «Голубая звезда», «Новая жена», «Виновные» и другие.

Большое спасибо и великая сердечная благодарность моя всем, оказавшим содействие и посильную помощь в издании этой книги.

Автор

ОГЛАВЛЕНИЕ

Парень из села чувашского	5
Возмужание	61
Рядом с Гагариным	112
Космическая семья	157
Наш дом — планета Земля	209
Послесловие автора	236

Константин Константинович Петров

ГОЛУБАЯ ЗВЕЗДА

Р о м а н

Перевод с чувашского *В. В. Долгова*

Отв. за выпуск *Л. М. Кубашина*. Художник *И. Е. Калентьева*.
Художественный редактор *Г. А. Игнатьев*. Технический редактор
Л. К. Егорова. Корректоры *Н. В. Григорьева*, *Р. К. Игнатьева*,
Н. П. Печникова

ИБ 3077. ОКДП 2211201

Сдано в набор 07.07.99. Подписано к печати 17.08.99. Формат 84х108^{1/32}.
Бумага офсетная. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6. Усл.
кр.-отт. 13,44. Учетно-изд. л. 13,78. Тираж 1000 экз. Заказ № К-1705. Изд. № 75.
Цена «С» 32.

Чувашское книжное издательство, 428000, г. Чебоксары, пр. Ленина, 4.
Типография издательства «Чувашия», 428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.

Встреча в Чебоксарах.

Чувашское
книжное
издательство